

Нина Линдт

Говорящая с призраками. Демониада

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знает он.

Глава 1

Люцифер был огромен и мощен, от страха перед падшим ангелом внутри худощавого и увертливого существа все замирало, а лысый хвост с острым, как нож, кончиком нервно бился о землю, случайно вонзился в нее и долго дергался, прежде чем освободиться.

- Когда?

Язык такой древний, что существо расшифровывало его с трудом. Язык стихий и ветра.

Услужливо поклонившись, существо шепнуло:

- Скоро, повелитель. Она почти наша.

- Поторопитесь.

Люцифер отвернул свою чешуйчатую уродливую голову от вертлявого шайтана. Скоро, Самаэль... Скоро твоя власть кончится. И ты заплатишь за все зло, что причинил ангелам и демонам.

В окно загородного дома светило солнце, в открытую форточку рвался, надувая паруса тонких занавесей, свежий весенний воздух и дышал в лицо женщине, которая спала на большой двуспальной кровати. Она лежала на одной ее половине, а вторая была свободна. Ощущая сквозь сон прохладу и свежесть утра, она все больше куталась в пуховое одеяло, отворачиваясь от света, но понимала, что придется встать. Нехотя отбросила одеяло, захлопнула форточку и тут же вернулась в постель, ежась и греясь в теплом уютном гнездышке.

Едва она улеглась с блаженной улыбкой и затихла, послышался шорох возле двери. Кто-то скребся в нее, пытаясь открыть, и наконец дверь подалась. В комнату вошла серая кошка и тут же прыгнула на хозяйку, устраиваясь на одеяле. Она мяла его лапами, словно проверяя на мягкость и нащупывая место поудобнее, и в конце концов устроилась на животе.

Хотелось лежать так как можно дольше, продумывая дела на день, и ничего не делать, чувствуя легкую негу во всем теле. Но нега постепенно сменялась усталостью, которая бывает по утрам, если долго лежать в постели, и она нетерпеливо пошевелилась. Надо было спускаться вниз, готовить кашу детям, кормить кошку... Она представила себе запах утреннего горячего ароматного кофе и даже улыбнулась от удовольствия. Эта фантазия дала ей сил на то, чтобы сбросить кошку, откинуть одеяло и встать, схватить халат и завернуться в него. Она вышла в коридор. Комнаты детей были закрыты, в коридоре царил приятный сумрак и было теплее, чем в комнате. Не спеша умылась, спустилась вниз по деревянной лестнице и стала готовить кашу и кофе. Кошка побежала вслед и теперь терлась об ноги, приподнимаясь на задних лапах и волной своего гибкого тела ласкаясь о хозяйку.

Кошке было два года, и она напоминала несуразного подростка, такого гадкого утенка, и Ирина улыбалась, когда шелковистая шкурка скользила по ее обнаженным ногам. Вскоре кошка подала голос, требуя завтрак, но хозяйка игнорировала ее, продолжая несложные неторопливые манипуляции с туркой. И только когда кухня наполнилась ароматом кофе, Ирина подошла к холодильнику. Бросив кошке рыбы, она включила радио, нашла музыку погромче, такую, что выбивает ударными все мысли из головы, и начала пританцовывать, запихнув в рот кусочек сыра. Напевая себе под нос, она разложила тарелки на столе, нарезала хлеб, расставила еду, стаканы с кефиром и наконец присела, чтобы насладиться своим кофе до того, как разбудит детей.

Это было первое утро, когда ей стало казаться, что жизнь начинала налаживаться после стольких мрачных зимних дней, горестных событий и пролитых слез. С приходом весны Ирина ощутила в себе новые силы, желание справиться со всеми трудностями и заново начать жизнь вместе с детьми и этой серой глупой кошкой. Она воспользовалась тем, что бухгалтеру позволяли брать работу на дом, и на школьные весенние каникулы поехала с детьми за город, чтобы отдохнуть и закончить некоторые дела.

Когда кофе оставалось совсем немного, она поднялась и, подойдя к лестнице, крикнула детям, чтобы они вставали.

Дом, в котором они жили, был большим, трехэтажным, со спальнями на втором этаже, гостиной на третьем, кухней и просторным холлом - на первом. Вскоре наверху послышалась музыка, это проснулась Наташа, старшая дочка Ирины. Наташе шел шестнадцатый год, она училась в школе и занималась балетом, и Ирине стоило каждый раз больших трудов заставить ее нормально питаться. Ее талант и легкость хвалили все учителя и в один голос пророчили ей большое будущее.

Ирина слушала музыку и представляла свою дочь, в розовой маечке и шортиках делающей зарядку,

слышала, как она время от времени в перерывах между песнями забежала в комнату Саши и пыталась его разбудить. Саша, в отличие от Наташи, был соней и вставал с трудом, раньше его мог поднять только отец, а теперь Ирине и Наташе стоило больших усилий повторить подвиг папы, потому что Саша не принимал во внимание их требование «встать сию же минуту».

Ирина сделала глоток и с наслаждением зажмурилась. Кофе не только пробуждал, он давал ей уверенность в каждом дне. Она совсем недавно вновь пристрастилась к этому напитку, он успокаивал, маленький утренний ритуал вдохновлял на трудовую и повседневную суету. Эта страсть, зависимость, как она с удовольствием его называла, была ее единственным грехом, но грехом, помогающим забыть горе. Она открывала пакет кофе, вдыхала аромат молотых зерен, ставила турку, наливала воды... Иногда она пробовала разнообразить напиток и готовила его по рецептам разных стран. Ей нравилось поджаривать сахар в кастрюле, когда он начинал плавиться, словно лед, превращающийся в воду, а потом желтел, и начинало пахнуть жженым сахаром, когда она готовила такой кофе, никуда не ехала на машине, потому что эффект от него был сродни двум бокалам хорошего вина – от него приятно кружилась голова и появлялось ощущение легкого полета.

На втором этаже слышались шаги Наташи, которая ходила из ванной в комнату, из комнаты в ванную, и все это (Ирина улыбнулась) на носочках и с поворотами и взмахами рук, будто она плывет, а не ходит. Наташа всегда отличалась раздражительностью и хрупким здоровьем, и мама считала, что причина этому – постоянная суровая диета, которой истощала себя девочка. Но в то же время на щеках ее всегда играл легкий и здоровый румянец, каскад темных блестящих крепких волос, стянутых в строгий хвост, доставал ей до ягодиц, и, когда она резко поворачивалась, волосы сочной волной разлетались по воздуху, и Ирина не раз замечала в глазах окружающих мужчин восхищение. Но Наташа была равнодушна к мужскому полу, она была слишком увлечена танцами и учебой, чтобы тратить время на ранние романы.

Девятый час. Ирина поставила чашку на блюдце и поднялась к кастрюле с кашей, пыхтевшей на плите. Послышались быстрые шаги, Наташа всегда слетала вниз, так быстро перебирая ногами, что напоминала Джульетту в исполнении Улановой, столько волнения и тревоги, столько врожденной грации было в девочке, спускавшейся с лестницы. В декабре дочь выиграла конкурс и теперь готовилась к первому в своей жизни серьезному спектаклю. И хотя было заранее понятно, что девочка вряд ли станцует партию Жизели – она была пятой в очереди на замену главной исполнительницы Стаси Воиной, – Наташа добросовестно разучивала ее.

Не раз она признавалась маме, что с большим удовольствием станцевала бы в любом другом спектакле – мрачная история Жизели ей была не по душе. Но возможность была единственной, и Наташа уцепилась за нее, побеждая трудолюбием и рвением то, к чему у нее не лежало сердце.

Девочка подскочила к маме и красиво забросила руки ей на шею. Глядя на ее личико, Ирина вдруг подумала, что так обычно обнимают героев-любовников в фильмах, ей вспомнился момент из «Унесенных ветром», и она улыбнулась, целуя ребенка в нос.

– А Саша?

– Спит. – Наташа села за стол и взяла стакан с кефиром.

Ирина вышла в коридор и, как обычно, крикнула, что они садятся завтракать и, если он не спустится, будет завтракать в одиночестве и после мыть посуду. Саша что-то пробурчал в ответ, и женская половина дома приступила к завтраку.

Ирина выключила радио.

– Что тебе снилось? – спросила Ирина, отрезая сыр тонким ножом. Наташа улыбнулась и запихнула в рот ложку с кашей.

– Опять снилось, что я вышла на сцену, забыв причесаться и в каком-то невыносимом костюме. Вроде как торопилась и не успела загримироваться, чувствовала себя ужасно, но потом партнер меня не подвел, и мы все станцевали. А тебе?

Ирина вспомнила интерьеры в своем сне: прозрачные стены, через которые были видны другие комнаты, люди, которые, как и она, были заключены в ледяном плену. Она касалась холодных стен, шла вдоль них, под теплом ее ладоней стены таяли, но не настолько, чтобы пропустить ее в соседние комнаты. Кто-то из заключенных обреченно сидел на полу и пытался согреться, кто-то учащенно дышал на стену, пытаясь сделать отверстие, кто-то бился, кто-то кричал. Ирина не спешила освободиться, ей некуда было идти. Она понимала, что, даже проломив стену, она лишь окажется в соседней камере и это ничего не даст ни ей, ни тому, кто заключен там. Неожиданно она услышала голос Андрея, своего мужа, и рванулась к стене, возле которой он стоял. У них появился смысл бороться со льдом – они хотели быть друг с другом. Оба начали растапливать лед, как могли, но стены становились только толще, и им было все хуже видно друг друга. Соседние

стены таяли, а стена, разделяющая ее с мужем, увеличивалась в ширину. Наконец Ирина оказалась окружена людьми из соседних камер, а мужа даже уже не было видно за толстой глыбой льда.

После этого сна ей снились другие, более веселые, и Ирина рассказала о них Наташе, не обмолвившись и словом о том, что ей снился Андрей.

Со второго этажа с грохотом спустился сонный и злой Саша. Он всегда был мрачным по утрам, в семье уже к этому привыкли и терпеливо ждали, когда он позавтракает и придет в себя после ночи. Он начал ворчать сразу, как только вошел: почему его не разбудили раньше, зачем Наташка каждое утро врывается к нему в комнату, он имеет право просыпаться по-своему, а эту кашу вообще не любит, давно просит у мамы сырники, но из-за сестры вынужден есть только каши, а с его мнением вообще не считаются, и вот даже кошка спит на его стуле, он не пьет кефир и по утрам мало ест, почему чай остыл, зачем в такую маленькую чашку налили...

Наташа и мама слушали эту тираду, они знали, пока он не выговорится, не успокоится. Ирина закончила есть, налила себе и Наташе чаю, дала распоряжения детям по поводу дел, которыми они должны были заняться в ее отсутствие, и отправилась наверх переодеваться.

Она поднялась в спальню и достала из шкафа брюки и блузку. Вытащила большой пакет, где лежали папки с документами, и тяжело вздохнула - ей не нравилась вся эта бумажная волокита, но дела нужно было делать, иначе со временем все эти проблемы только увеличатся.

Она моталась между Москвой и загородным домом, собирая бесконечные справки и свидетельства, чтобы оформить участок, дом, квартиру и все остальное имущество, - наследственное дело, которому не было ни конца ни края.

Ирина открыла гараж и села за руль машины. На мгновение возникло странное ощущение - казалось, в это утро что-то изменилось во всех предметах, что ее окружали, но она тут же прогнала эту мысль прочь, такое случалось с ней в минуты беспокойства.

Ключ зажигания скользнул из рук, но она успела поймать его за брелок. Серебристый значок «ауди» сверкнул в полумраке салона. Ирина снова попыталась сосредоточиться, предстояла всего лишь пустячная поездка в город, не более десяти - пятнадцати минут в пути, но иногда страх перед железным конем накатывал так неожиданно, что ей с трудом удавалось взять себя в руки.

Она выехала из гаража, закрыла его, вышла через крыльцо, открыла ворота участка и снова села в машину. Автомобиль, покачиваясь в стаявшей колее, выехал за участок.

В дороге Ирина всегда включала радио - было невыносимо ехать в тишине с тяжелыми мыслями наедине. Она находила веселую быструю музыку и мчалась по дороге, подпевая знакомым песням. Но пока ехала по заснеженному поселку, ей казалось, что ее ночной сон существует среди этих покрытых по-весеннему ноздреватым снегом деревьев и безжизненных домов, брошенных хозяевами до летнего сезона. Мысли об Андрее становились все навязчивей, и она уже слабо сопротивлялась им, желая снова ощутить знакомую горечь и боль в груди, которые всегда появлялись при воспоминаниях о нем.

А этот солнечный весенний день был так похож на тот воскресный январский, когда температура поднялась до нуля, солнце грело с необыкновенной щедростью, и они решили пойти всей семьей в парк, который находился возле их дома. Дети и Андрей взяли лыжи, Ирина не захотела в тот день кататься, несмотря на яркое солнце и легкий воздух, на душе было тяжело. Она плохо спала всю ночь, постоянно просыпаясь от неприятных видений, сменявших друг друга в бесконечной круговерти, от которой у нее кружилась голова, даже когда она просыпалась и смотрела в темноту. Утренний душ ее немного взбодрил, а когда она вышла из ванной, ее ждал знаменитый кофе, который умел готовить только ее муж.

Она познакомилась с ним во время своей спонтанной поездки в Аргентину. Они с Андреем ехали в группе русских любителей танго, которые решили отправиться на родину страстного танца и научиться премудростям и приемам непосредственно у аргентинцев. Для Ирины это была авантюра, поскольку именно тогда она впервые приняла мгновенное, необдуманное и не взвешенное как следует решение ехать, несмотря на учебу, работу и другие планы. Дни и ночи проходили в танцах и прогулках, но Ирина и Андрей практически не общались, во время танго разговаривать не принято, а во время прогулок каждый шел в свою компанию. Рано утром, пока все спали после ночи танцев, Ирина поднималась и гуляла по утреннему полупустому центру Буэнос-Айреса, разглядывая витрины и рассматривая людей на улицах. Ей нравилось одиночество, она упивалась им как редким напитком и всякий раз думала, насколько отличается ее самоощущение здесь от самоощущения в Москве. словно она сбросила с себя задубевшую кожу или кокон и явилась всему миру бабочкой, легкой и свободной. Она шла и улыбалась прохожим просто потому, что ей хотелось, чтобы они знали: она счастлива. Потом садилась в кафе рядом с гостиницей, пила кофе с шоколадными пончиками и радовалась тому, что ее не мучают угрызения совести по поводу поглощаемых калорий. Она как раз впиалась в горячий пончик, когда кто-то отодвинул стул возле ее

столика и спросил:

- Можно присесть?

Ирина подняла глаза и увидела Андрея. Торопливо откусывая пончик и проклиная себя за то, что измазалась вся шоколадом, она утвердительно кивнула. В это время Андрею принесли меню, и, пока он забирал его у официанта, Ирина успела вытереть шоколадные разводы на лице. Она была крайне недовольна таким внезапным вмешательством в ее утреннее одиночество, но никоим образом это не показала, мило улыбнувшись Андрею, спросила, что подняло его так рано.

- А я, как и ты, жаворонок. А запах кофе манит меня сюда каждое утро.

Андрей радостно кивнул официанту и вдохнул аромат горячего кофе.

- Божественно! - протянул он, мечтательно улыбаясь.

- Да, здесь и в самом деле кофе какой-то особенный. Не знаю, в чем секрет, но я больше нигде такого ароматного не пробовала...

- У бариста должен быть секрет приготовления... - Андрей на мгновение задумался, сделал глоток и посмотрел на Ирину. - Пойду спрошу, в чем этот секрет состоит...

- Думаешь, он скажет тебе?

- Скажет, - улыбнулся Андрей. Ирина хотела еще что-то добавить, но он уже поднялся и подошел к официанту. Поговорив, отправился вслед за ним на кухню, но перед тем, как скрыться, повернулся к Ирине и подмигнул ей. Ирина опешила, но продолжала с любопытством ждать результатов разведки.

Андрей вернулся минут через семь, с таинственным видом убирая записную книжку в карман, сел рядом с Ириной и многозначительно помешал ложкой в чашке, сделав глоток.

Ирина ждала его комментария, но он молчал, и она, не выдержав, спросила:

- Ну и?

Андрей поднял на нее смеющиеся глаза и, чтобы не улыбнуться, поднес ко рту чашку. Она только сейчас заметила, какие у него красивые глаза - синие, как васильки.

- Я взял рецепт, - сказал он.

- И в чем же секрет бариста? Мне тоже хотелось бы научиться готовить такой кофе.

Она уже ругала себя за это любопытство, но желание увезти с собой секрет было сильнее стеснения. Андрей поставил пустую чашку на блюдце и, повернувшись к Ирине, сказал:

- Тебе вовсе не обязательно знать, как его готовить, я это буду делать для тебя каждое утро.

Ирина замерла, растерянно подбирая подходящую реакцию на подобную реплику, но достойного ответа не нашла и просто улыбнулась.

- Не думала, что ты такой самонадеянный, - сказала она и поднялась. Он тоже встал, оставив щедрые чаевые для официанта, и они вместе вышли из кафе.

Два месяца спустя Андрей впервые приготовил ей тот самый волшебный кофе. Когда они поженились, он уходил на работу раньше ее, и Ирина ждала выходных, чтобы вновь вернуть себе ощущение того аргентинского утра. Как она ни просила его открыть секрет, Андрей отказывался, оправдывая себя тем, что не делает этого из суеверия, потому что именно этот рецепт позволил познакомиться с ней.

В то январское утро (как обычно пишут в бульварных газетах или в начале романов, «в то утро ничто не предвещало беды») кофе ждал ее на кухне, Ирина, завернувшись в махровый халат, села на стул и с блаженством вдохнула знакомый аромат. Она пила и наблюдала за Андреем и детьми, вместе готовящими завтрак.

Ирина окинула взглядом их просторную кухню и потянулась. Андрей был преуспевающим бизнесменом и недостатка в средствах не испытывал. До того как они поженились, они жили в его двушке в центре города, потом купили большую квартиру на севере Москвы. Обстановкой занимались, ориентируясь на будущее потомство, оба очень хотели детей. Ирина спокойно уходила в декрет, изредка приезжая на работу, чтобы отдать документы или сдать отчеты, там ее ценили и давали возможность работать на дому.

Их семейная жизнь была полна света, как и их дом. Окна выходили на восток и юг, сквозь тонкие занавеси по утрам всегда светило солнце, и все, за исключением разве что Саши, вставали рано. Выходные проводили вместе, дети не отходили от Андрея, вместе с ним готовили, гуляли, делали уроки. Наташа давала небольшие представления, и родители восхищались ее прекрасной осанкой и грацией, словно не верили, что это их творение.

Они вышли из дома, шумно и весело дошли до парка, Андрей и Саша надели лыжи сами, Ирина помогла Наташе и пошла рядом с лыжней. С елей осыпался снег, в парке было свежо и чисто, народу было мало.

Ирина шла рядом с Наташей, подбрасывая пушистый снег ногами, чувство бытия переполняло ее, как будто она проснулась от сна и теперь находилась в реальном мире. Проблемы, воспоминания, планы не мучили, она жила прекрасным моментом, голосами близких, чириканьем птичек, далекими звуками дороги, по которой неслись машины. Из мира суеты они ушли в таинственный мир тишины и покоя, и Ирина чувствовала полноту каждой секунды, насыщенность минут и бесценность часов, что они провели на прогулке.

Возвращались румяные и уставшие, но бесконечно счастливые и довольные. Все негативные пустые мысли остались в парке, запутались на ветках елей, зацепившись за иголки.

После обеда Андрей решил съездить с Сашей в магазин техники и купить ему плеер и наушники. Они уехали, а Наташа и Ирина остались дома смотреть фильм. Забравшись на кресло с ногами, грея руки о чашку чая, в котором перевернутой лодочкой плавал лимон, Ирина наблюдала за красивой историей любви и понимала, что переполнена счастьем.

Резкий телефонный звонок не сразу отвлек ее от созерцания себя самой. С того момента она стала бояться и телефонных звонков.

Андрей и Саша попали в аварию – внезапно их занесло на дороге и, столкнувшись с небольшим грузовиком, они вылетели в кювет. Машина несколько раз перевернулась. Врачи утверждали: это чудо, что Саша остался жив и получил лишь ссадины и порезы. Андрей погиб на месте еще до приезда врачей. Сидя в коридоре больницы, Ирина ощутила страшный холод, который сковал ее и не отпускал из цепких объятий. Казалось, она стояла посреди того ледяного шоссе голая, брошенная, и на нее неслась машина, за рулем которой ее муж тщетно старался выровнять непослушный автомобиль.

Передние колеса повело вправо, и Ирина, очнувшись от воспоминаний, успела выправить ситуацию. Потом сделала музыку громче, но прошлое не желало отступать. Она вспомнила свое возвращение в дом, вдруг ставший пустым и мрачным, и не могла, все не могла поверить, хотя на ее руке и рыдала Наташа, что он сюда больше не вернется. Что сегодняшнее утро было последним, что радость этих лет, этого яркого сна закончилась.

Она поверила потом, когда на руках оказалось свидетельство о смерти, и позже, когда смерть Андрея шагала рядом с ней за его гробом, отвратительная, мерзкая, холодная смерть, которая пришла посмотреть, как Ирина будет хоронить свое счастье.

Ирина не понимала, не могла осознать трезво, спокойно и разумно свою потерю. Все, что было: слезы, крики, молчание, отупение, холодное спокойствие, слабость в ногах – все это было лишь чувствами, эмоциями. В то время ей казалось, что должен существовать некто, виновный в ее потере. И хотя экспертиза доказала, что это был несчастный случай, Ирина долго сомневалась, настолько, что доводила Сашу до слез расспросами о последних мгновениях той роковой поездки в магазин. Саша и без того чувствовал себя виноватым в гибели отца, если бы не его спешка получить плеер, все могло бы быть иначе.

Ирина была жестока. Ярость от того, что они не заслужили подобное, вселила в сердце зависть к тем, кто приходил с соболезнованиями, глухая злоба клокотала в сердце, и она душила ее в себе усилиями, достойными титана. И все же, когда они оставались втроем, раздражение вырывалось наружу, и Наташа с Сашей с трудом могли понять свою маму, всегда такую спокойную, когда она фурией носилась по квартире, разговаривая сама с собой.

Она говорила с ним. Упреки, обвинения, мольбы сыпались одно за другим, падая в тишину, которая всасывала их, жадно поглощая. Слова не звенели в пустоте, они сразу исчезали, едва успевая сорваться с губ, Ирина сама не слышала, что говорила.

Иногда она пугалась слов, что вдруг доходили до ее сознания. Те слова, что вылетали у нее изо рта, были не теми, что она хотела сказать. Вслух она ругала Андрея, проклинала его, клокотала от злобы и ненависти, но мысли ее были другими – она звала его, умоляла вернуться, просила чуда, ласкала нежными мягкими словами.

Чуда не было.

Иногда ей снилось, что он не умер или умер, но гроб откопали и оказалось, что он спал, и все они снова были счастливы. Андрей был, правда, молчалив и печален, но это лишь потому, что еще не успел прийти в себя после летаргического сна, думала Ирина. Он всегда воскресал в ее снах, и она была снова и снова счастлива, не понимая, что сама себя обманывает. Ей хотелось уснуть надолго, дольше чем на ночь, чтобы продлить душевное спокойствие, которое было возможно только рядом с ним.

Ирина сердито захлопнула дверь машины и, скрестив руки на руле, положила на них голову. Не получилось! Опять! Опять проблемы, снова нотариус, справки, заявления, свидетельства... сколько можно? У нее складывалось впечатление, что кто-то нарочно мешает ей оформить наследство на дом и участок, потому что с квартирой и банковскими счетами у нее проблем не возникало. На нее сейчас смотрели как на преступницу и вора, хотя она пришла с документами и справками.

А ведь она считала, что собрала все, что просили, надеялась, что дело продвинется хоть немного. Не получается. У нее ничего не получается. Она привыкла жить с Андреем как за каменной стеной, позволяя ему самому справляться с документами и делами, не задумываясь ни о чем. А теперь как обухом по голове – «нам нужен другой вид справки», «здесь не поставлена печать нотариуса», «сделайте выписку из государственного реестра», «возьмите справку из ЗАГСа», «вам нужно сделать съемку участка» и т. д. И каждый раз, вместо того чтобы принять ее документы, они придумывают новую причину, чтобы послать в другие конторы, заставить бегать, собирать справки, и при этом смотрят так странно, будто она прокаженная.

– Да сколько же это может продолжаться?! – взвыла она вдруг в тишине салона. Несколько раз ударила по рулю в бессильной ярости. Едва найденное этим утром равновесие полетело в тартарары. Стало еще хуже, чем было. Она заплакала, злость и ненависть выжигали все в душе.

Заведя машину, Ирина выехала со двора на дорогу. Наверно, надо было согласиться на предложение комендантши их дачного кооператива, которая работала там с незапамятных времен, еще до того, как ее муж стал председателем кооператива. После гибели Андрея она подошла к Ирине и предложила помочь с наследственными делами, но Ирина тогда еще не понимала всех сложностей процесса и отказалась от помощи, несмотря на то что комендантша предупредила ее о трудностях. Трудности! Да это просто тупость и дикое упрямство чиновников, какое-то нечеловеческое отношение к людям и трепетное обожание всевозможных бумажек и справок.

Трудности!

Трудности были в ее жизни. Она оказалась одна с двумя детьми перед бюрократическим аппаратом, перемалывающим жизни сотен таких же, как она, ежедневно. Она была одна, спала одна, думала и заботилась о семье одна...

«Как ты посмел уйти от нас!» – Ирина вздрогнула, услышав собственный голос, и очнулась. Она уже въезжала в поселок, но не помнила дороги обратно.

В этот момент зазвонил мобильный. Ирина нажала на прием звонка, и приятный нежный голос полился по салону:

– Добрый день, Ирина. С вами говорит Кира Стрельцова из адвокатской конторы «Кира и К°». Со мной связались ваши друзья, сказали, вы ищете адвоката для решения наследственных дел. Готова вам помочь.

Глава 2

Наташа соврала маме. Во сне она видела вовсе не выступление на сцене. Вот уже много ночей подряд ей снился один и тот же сладостный сон.

То ли подростковый возраст с фазой полового созревания, то ли внезапная потеря мужского авторитета и опоры в семье – только Наташа с замиранием сердца стала прислушиваться к голосам мужчин, анализировала их фигуры, отношение к ней, поведение, надежность и даже привлекательность. И беспокойство понемногу стало частью ее бытия. Она мечтала о любви и серьезном романе. Ее не привлекали бесполезные свидания и безнадежные ребята, она искала кого-то одного на всю жизнь. И была уверена, что найдет.

Она была умной девочкой и понимала, почему ей нужен мужчина. Не для любопытства «а что это такое секс – слово, произносимое шепотом или нарочито гордо?», не для демонстрации своего взросления: «Ленка уже целуется взапрос, чем я хуже?» – а для обретения душевного мира, поколебленного после гибели папы. Ей нужен был мужчина, который возьмет на себя заботу о ней, закроет ее от тягот и невзгод, и она сможет расцвести и расправить крылья. Ей хотелось любви.

В школе она смотреть не могла на ребят вокруг себя – они казались ей не доросшими до звания мужчины карликами, которые через поглощение алкоголя и курение пытались вырасти в глазах девчонок. Наташа на подобные фокусы не покупалась.

Дима Межев сходил по ней с ума. Так говорила вся школа. Он плакал возле ее подъезда, писал ей на асфальте признания, звонил несколько раз на дню. Наташа оставалась непреклонной, хоть ей и было жаль Димку – он был хорошим мальчиком, но, увы, мальчиком, а ей нужен мужчина.

Мама не могла понять жестокости дочери по отношению к однокласснику. Мама много чего не может понять, она тоже потерялась в мире после смерти папы.

Она мечтала станцевать Джульетту. Не Жизель, умирающую от горя и слабости, а Джульетту, приносящую свою жизнь на алтарь любви. Действие, решительность, стремление быть с любимым любой ценой – Наташа была уверена, что сможет, как никто, выразить это в танце.

Она часами репетировала в большом зале на третьем этаже их дома, где отец поставил зеркальную стену. Она настолько уходила в балет и учебу, что потеряла былой контакт с Сашей.

Раньше они часами болтали вдвоем, даже пока она занималась у станка. Придумывали различных героев, болтали за них не переставая, разыгрывая самые разные ситуации. Ни Наташа, ни Саша не нуждались в друзьях, потому что в семье находили все, что было необходимо.

Теперь Наташа не знала о своем брате ничего. Он стал для нее отстраненной фигурой, и ей еще больше хотелось мужского участия и любви.

Она не рассказывала маме, но в последнее время ей стал сниться один мужчина. Его лица она не видела, он всегда был в полутьме, но Наташа могла поделиться с ним чем угодно, он всегда ее понимал. Наташе было почему-то стыдно рассказать маме о незнакомце, да и потом, она боялась, что, если расскажет, он больше не придет.

Наташа придумывала простенькие сны, рассказывала о них маме и в нетерпении шла спать, предчувствуя скорую встречу. Образ незнакомца манил, она окружила его своими фантазиями, в ореоле которых он становился все ближе и все милее.

Она помнила их первую встречу.

Она уснула после скучных посиделок в школе на Восьмое марта, на тумбочке стояли подаренные Димой белые розы.

Он пришел во сне, шагнул к ее кровати от окна и решительно смахнул вазу с цветами. Розы и ваза бесшумно упали на пол. Наташа смотрела на него без страха, с любопытством. Она видела этого мужчину впервые. Он был сильным, большим, его темная фигура источала вселенскую тьму. Он решительно схватил ее за плечи, погладил по шее и наклонился, чтобы поцеловать.

Наташа отстранила его.

– Кто ты?

Он замер. Потом в темноте и звенящей тишине прозвучал его мягкий голос:

– Почему ты не спишь?

- А почему ты смахнул цветы?
- Потому что тебе не нравится этот мальчик.
- Ты прав. Откуда ты это знаешь?
- Знаю.

Она приподнялась на локте. Его лица все равно не было видно, только угадывались широкий лоб и мягкие губы.

- Ты на самом деле существуешь?
- Я только твое сновидение, конечно.

Он показался ей расстроенным. Она коснулась его теплой руки.

- Тебе грустно?
- Нет. Мне хорошо.
- Почему ты хотел поцеловать меня?
- Ты мне нравишься.
- Ты же меня никогда не видел!

Незнакомец смутился.

- Мне пора, - наконец произнес он.
- Ты можешь вернуться, когда тебе станет грустно, - сказала Наташа.
- Если я вернусь, тогда грустно будет тебе.

Когда он вернулся, она ждала его. Они снова говорили. Обо всем на свете, как раньше она разговаривала с папой или братом. Им было нескучно. Они встречались в разных снах, он то спасал ее, то развлекал, то смешил. Они сближались.

Наташа стала думать о своих сновидениях дни напролет, мечтая встретить такого мужчину наяву. И она очень скоро захотела, чтобы он поцеловал ее. Но он словно не угадывал в ее молящем взгляде этой просьбы. И оттого Наташа жаждала его поцелуя сильнее с каждым днем.

А он по-своему любил ее, поэтому не хотел причинять вреда своим поцелуем. Он знал, что если поцелует эту милую, добрую, открытую девочку, то сломает. Их отношения были для него странными, он никогда не слышал, чтобы кто-либо еще из его расы привязывался к человеку. Он боялся, что об этом узнают и причинят Наташе боль.

Однажды она отвела его на третий этаж и станцевала перед ним кусочек из партии Жизель. Тонкая девочка в белой ночной рубашке, окутанная лунным сиянием, и правда была похожа на призрак. И он решил, что сделает все, чтобы она попала на сцену.

Адвокат приехала вовремя. Кира оказалась молодой и привлекательной брюнеткой с глазами разного цвета: один был голубым, другой зеленым.

- Я приношу удачу, - пошутила Кира. Видимо, не в первый раз на нее при знакомстве смотрят так ошарашенно.
- Простите. - Ирина от неловкости не знала, куда деваться.

Но Кира мягко улыбнулась и взяла ее руку в свои ладони:

- Со мной вам не о чем беспокоиться, Ирина.

Она спокойно сидела за кухонным столом и изучала документы. Когда Ирина пригласила ее на обед, поблагодарила и осталась. Потом они пили чай вдвоем на кухне, и Кира объяснила ей стратегию дальнейших действий. Ирина с облегчением понимала, что адвокат возьмет на себя большую часть работы. А запросила она сумму настолько приемлемую, что вдова даже удивилась.

Впрочем, похоже, что Кира просто прониклась историей Ирины. Скоро обе женщины расслабились и болтали как подруги.

Ирина мельком упомянула, что сегодня, задумавшись за рулем, отвлеклась от дороги и не помнила, как доехала до дома. Кира спросила, снятся ли ей кошмары. Ирина подумала, что ледяной сон с Андреем можно расценить как кошмар.

– О, тогда тебе повезло, я как раз сегодня купила один травяной сбор, который мне очень помогает. – Кира порылась в сумке и извлекла пакетик с сухой, мелко порубленной травой с разноцветными лепестками цветов. – Вот увидишь, проснешься отдохнувшая, и внимание будет лучше.

Она отсыпала Ирине щедро половину пакета, рассказала, сколько заваривать, забрала документы и уехала.

День катился к вечеру.

Ирина закончила домашние дела, сделала начатый вчера отчет и заварила себе на ночь новый чай. Ложась в постель, она подумала, что такой расслабленной и легкой она себя не чувствовала уже очень давно.

Ирина провалилась в глубокий сон без сновидений. А когда открыла глаза, все еще была ночь. Окно было открыто нараспашку, холодный воздух гулял по комнате. Она встала, чтобы закрыть его, и испуганно замерла: на подоконнике, положив ногу на ногу, сидела голая Кира. Ее разноцветные глаза слегка светились в темноте.

Ирина замерла в испуге. Кира легко соскочила с подоконника и, не касаясь ногами пола, подошла к ней.

– Я тебе кое-что покажу, – сказала она. – Сегодня как раз полнолуние.

Она схватила Ирину за руку, потянула за собой, и Ирина, к своему восторгу и изумлению, поплыла по воздуху вслед за Кирой. Вдвоем они вылетели из окна.

– Постой, но как такое возможно?

– Это же сон, здесь возможно все, – улыбнулась Кира.

Они летели над поселком, Ирина совсем не чувствовала холода. Вытянув вперед руки, она увидела, как кожа при свете луны мерцает, как снег.

– Все уже собрались, – заметила Кира, когда они летели над лесом.

Кто эти все, Ирина не знала. Восторг от полета занимал ее куда больше того, куда они летят. Кира начала снижаться, внизу Ирина увидела озеро, покрытое льдом. Они встали посередине. Она видела, как снег кружится у ее ног, чувствовала лед под ногами, но холода не было.

Кира хищно улыбнулась, ее глаза – синий и зеленый – засияли ярче, губы вдруг налились алым цветом.

Вот они стояли вдвоем на пустом озере. И вот мгновение спустя оказалось, что все пространство вокруг забито странными существами, которые приветствовали ее как старую знакомую, она только успевала кивать головой. Длинный костлявый призрак, чье лицо было похоже на вытянутый человеческий череп, обтянутый кожей, пролетел мимо. На лице у него крест-накрест лежали две черные тонкие повязки, пересекаясь на носу. Он пронесся с воем и криками, она едва успела отскочить в сторону. Вслед за ним на огромных драконах, чьи хищные пасти пугали даже звезды, мелькнули обнаженные дамы. Драконы были двухговыми и смотрели в разные стороны, на дамах кроме браслетов и ожерелий ничего не было. Они все исчезли так же быстро, как и появились, через мгновение Ирина засомневалась, что видела их на самом деле.

Огромное количество людей с крыльями и хвостами, рогами и странными глазами, она не успевала поражаться богатой фантазии своего воображения.

– Демоны и шайтаны! Инкубы и прочие твари! – Кира вышла вперед, луна освещала ее голое красивое тело, все сборище завывало, залаяло, засвистело, закричало, одобрительно приветствуя. – Я, Кали, гнев и возмездие вашего Темного Повелителя, представляю вашу будущую королеву!

И, к огромному удивлению Ирины, Кира повернулась и показала на нее.

Все собрание взвыло в истерии торжества. Драконы пыхнули огнем на лед, он треснул, и все они

провалились в воду. Только вместо холода Ирина ощутила жар, словно под коркой льда были горячие источники. Запахло серой, вода практически кипела вокруг от всевозможных созданий, которых порождало и порождало ее воображение.

Она плескалась и крутила головой в поисках Киры, но той уже не было. Из воды прямо перед ней вылетел огромный и длинный чешуйчатый змей, он задел бы ее хвостом, если бы сильная рука не схватила ее за плечо и не оттащила в сторону.

Бултыхаясь в горячей воде, Ирина обернулась. Это был мужчина, его рука еще лежала на ее мерцающем плече. Он скользнул по ее руке и сжал пальцы.

- Следуй за мной.

Он потянул ее за собой, на берег, где все было в цветах, желтых и белых, Ирина не успела даже подивиться тому, что уже сошел снег. Вокруг была оргия. Женские, мужские тела вперемешку совокуплялись друг с другом. Прекрасные тела, заметила Ирина. Будто съемки порнофильма. Столько поз и сладострастия кругом, куда ни глянь, ритмично двигаются тела всех тонов и размеров, ягодички, руки, груди, лица, исступленные от страсти. Она повернулась к своему спутнику: он тоже был обнажен. По широкой груди и накачанному животу ползли капельки воды, теряясь в дорожке из волос, ведущей к его члену. Который стоял. Она повернулась к нему полностью, не стесняясь разглядывала его, словно красивую статую, а потом протянула руку и повторила путь капелек воды пальцами. Сомкнула пальцы вокруг его горячего члена. Потянула на себя. Он шагнул к ней. На лице его не выразалось никаких эмоций, казалось, он спокоен, хотя его тело говорило о противоположном.

«Какой странный сон», - Ирина возбуждалась все больше. Сцены похоти вокруг сводили с ума. Можно было подумать, что весь мир только и делает, что трахается в исступлении без остановок.

- Не опускайся до них.

Она повернулась на голос. В стороне, одетый в белые одежды стоял самый красивый из всех мужчин, что она когда-либо видела. Она отпустила руку и шагнула к нему. Что ей до всех остальных, если есть этот, с глазами синими, как у ее мужа?

Она хотела спросить, кто он, но рот не открывался. Мужчина в белых одеждах провел пальцем по ее губам, и она почувствовала, как они приоткрылись.

- Кто ты?

- Ангел.

- А они? - Она повернулась показать на своего спутника и увидела, как он, потеряв к ней интерес, подошел к паре - женщина сидела на мужчине - и пристроился к ней сзади. Та только застонала, когда он вошел в нее. Ирине стало противно.

- А они инкубы и суккубы. Демоны страсти. Умеют заниматься только этим.

Теперь, стоя рядом с ангелом, она почувствовала свою наготу и холод вокруг.

- Пойдем. - Он взял ее за руку. - Я отведу тебя домой.

Ирина проснулась, когда солнце ярко освещало ее комнату.

Снег вокруг стремительно таял, звонкая капель с крыши напоминала музыку.

Она чувствовала себя отдохнувшей и легкой. День прошел замечательно: она даже нашла ошибку во вчерашнем отчете, сделала два новых, была быстра и ловка, не отвлекалась на тяжелые мысли. После обеда позвонила Кира и сообщила о первых шагах в качестве ее адвоката. Похоже, перед ней открывались закрытые для Ирины кабинеты, так быстро продвигалось дело.

Воодушевленная и счастливая, Ирина снова заварила себе на ночь травяного настоя.

Ночью она легко поднялась с кровати, сбросила с себя ночную рубашку, влезла на подоконник и открыла окно. Запахи ночи манили и звали. Она услышала шелест сотен крыльев. Отовсюду к дому слетались вороны. Облизнула пересохшие губы быстрым и резким движением. Почувствовала приятное возбуждение. Ей принадлежал весь мир, воздух, прохлада вечера. Она улавливала

движения насекомых в темноте, видела их быстро двигающиеся крылья. Когда сова ухнула рядом с окном, она оттолкнулась ногами от подоконника и, перевернувшись в воздухе, приземлилась на четвереньки на землю.

Ветерок трепал ее волосы, которые теперь спускались до плеч. Она не думала о том, что делает, не чувствовала страха. Эта ночь принадлежала ей. Вороны облепили ее, каркая, поглаживая своими крыльями. Прямо от ног потянулась дорожка из распускающихся желтых цветов, похожих на кувшинки. Дорожка виляла и уходила прочь от дома.

Она никогда раньше не видела таких цветов: желтые, с острыми лепестками, которые раскрывались один за другим, и им не было конца, этим лепесткам. Она наступала на них, и лепестки хрустели под ногами и ломались, словно были сделаны из тонкого стекла. Ступни Ирины были покрыты порезами, но ей совершенно не было больно. На желтых разбитых цветах темнели пятна крови.

Следуя по дорожке из цветов, она шла на зов, который манил все дальше:

- Ты одна из нас! Ты одна из нас!

Подул ветер, он окутал ее тело серой пеленой, звезды усилили свой свет, и их серебряные лучи вплелись в эту облачность. Ирина почувствовала жжение в лопатках, казалось, кожу разрезало изнутри. Она согнулась, и позади нее распахнулись огромные черные крылья.

Не веря своим глазам, она гладила перышки на крыльях. Ну надо же...

- Лети! - Шепот был нетерпеливым, зовущим.

Она взмахнула крыльями. Как это делается, надо разбежаться? Подпрыгнуть?

Вороны вокруг нее стали взмывать вверх с громким карканьем, как будто показывая пример. И она повторила их взмахи, оттолкнулась, полетела...

Руками она гладила верхушки сосен, хватала за крылья филинов, то снижалась, то взмывала вверх... Она полетела через лес к озеру и долго гуляла по нему, слегка касаясь пальцами ног поверхности воды, заставляя ее расходиться кругами. Черные крылья рассекали воздух с шумом, но она очень быстро научилась управлять ими. Чувствуя их за своими плечами, она ощущала, как ее наполняет дьявольское торжество, желание испытать свою силу, мощь, взмыть высоко, кувырнуться, падать и подниматься, кричать, хохотать, пугать прохожих, купаться в прохладном ночном воздухе.

Она собирала свет от звезд, который оказался жидким, как молоко, и разбрызгивала его повсюду, мазала свое тело, и кожа принимала серебристый оттенок, и в ней, как в зеркале, отражались облака, сквозь которые светила луна. Ей хотелось подняться выше, в черную неизвестность, которая манила своей глубиной.

Выше... выше... добраться до тех, кто лишил ее любви всей жизни. Пovyдергать им перья из белых крыльев. Она злобно оскалилась на темное небо.

- Не давай злости поработить себя.

От неожиданности она камнем упала вниз, на землю. Поднялась и увидела ангела - его синие глаза и белые одежды выделялись среди ночной тьмы. Переливаясь от звездного сияния, она подошла к нему.

- Ты должна вернуться домой. - Он протянул ей руку.

Но Ирина отступила.

- Мне нравится быть такой. И потом... это лишь сон.

Он покачал головой:

- Если они захватят твою душу, то сном может стать твоя реальность.

- Кто такие эти они? И кто такой ты? Как тебя зовут?

- Габриэль.

- У тебя глаза, как... - Она пыталась вспомнить, кому еще принадлежали такие же синие глаза, но не могла.

- Вот видишь, - он покачал головой, - ты уже начала забывать.

Ирина проснулась рано, нужно было съездить в город. Дети еще спали. Она быстро сварила себе кофе, отпила и поморщилась: напиток вдруг потерял вкус. Она потрясла баночку и принялась – кофе был ароматным. Она заново поставила на огонь турку. Но и на этот раз напиток не впечатлил.

«Ладно, может, выдохся, на обратном пути куплю новую пачку», – решила она.

Некстати вспомнилось, как недавно, разбирая вещи Андрея, она нашла его записную книжку, где был записан тот самый рецепт: «Кофе получится ароматным, если вместе с сахаром добавить немного любви к той женщине, для которой он готовится. Клади две-три щепотки своего сердца, добавь нежности по вкусу и, главное, не давай кофе убежать, помни, в нем заложена твоя любовь».

Мало она положила своей любви в кофе? Ирина улыбнулась.

Но в тот день практически вся пища не приносила ее вкусовым рецепторам удовольствия, казалась пресной и искусственной. И только вечером, когда она заварила себе травяного чая, Ирина с наслаждением перекатила на нёбе его цветочно-медовый вкус. Казалось, он стал даже вкуснее, чем был в первый вечер.

И вот в постели просыпается женщина с крыльями, черными как ночь. Она лениво потягивается, с кошачьей грацией поднимается и выпархивает в окно. Она слышит музыку звезд, тихую, прекрасную мелодию. И крылья сами несут ее по ночному небу туда, где можно окунуться в воды ночного озера. Сложив крылья, падает в воду прямо с высоты, пронзает гладь спящего озера, выныривает и, отбросив назад отросшие волосы, с хохотом плещется, а наплававшись, гребет к берегу.

Выйдя из воды, она остановилась: на берегу ее ждала Кира.

– Вижу, ты уже освоилась с крыльями, моя будущая королева. – Голубой глаз Киры насмешливо сверкнул. – Пришла пора пройти полное посвящение и перестать цепляться за земное тело.

Наташа лежала в постели уставшая: днем ездила на репетицию в город, занятие было таким напряженным и нервным, что все из-за этого плохо танцевали, и их гоняли туда-сюда, пока не стало получаться. Две девушки, стоящие впереди нее на замену, получили накануне травмы: одна поскользнулась на гололеде, когда шла вечером с репетиции, и до сих пор утверждала, что ее толкнули. Но вывих лодыжки надолго исключал из занятий, ее сняли с замены. А вторая девушка и вовсе как-то странно упала: гуляла с собакой, и тут животное взвыло и помчалось на какого-то незнакомца. Девушка имела обыкновение наматывать поводок на руку, потому что пес никогда себе ничего подобного не позволял. И ее протащило по асфальту, она разбила губы, подбородок, потянула руку. Наташа травмам подруг рада не была, да и от заветной главной роли она все равно оставалась далеко. Но так она становилась третьей в очереди на замену. А это по крайней мере требует большой ответственности.

Она уже стала проваливаться в сон, как ощутила визит своего ночного гостя.

– Я уже сплю, – не открывая глаз, прошептала она.

– Хорошо, я полежу с тобой рядом.

Он залез к ней под одеяло и обнял. Наташа доверчиво прижалась щекой к его плечу. Он был обнажен, сердце ее взволнованно колотилось. Но усталость брала свое. Он гладил ее по спине, пока она не уснула. И только убедившись, что девушка спит глубоким сном, он приподнялся на локте, вглядываясь в ее черты, борясь с искушением прижаться к ее губам жадным поцелуем.

Он был демоном, инкубом, его главной пищей были желания спящих людей, которые он мог возбуждать одним прикосновением. Но Наташа была для него не источником пищи, он любил ее. Сам не мог объяснить, почему вдруг так проникся к этой девочке, которую не осмеливался целовать, даже погружая в глубокий сон. Она лежала беззащитная в его объятиях, и ему хотелось уничтожить всех, кто мог причинить ей боль. Он желал ее, но не решался, ему нравилось быть с ней и так. Вдыхать запах ее волос, обнимать ее, теплую, доверчивую, спящую.

За окном мелькнула тень, и инкуб напрягся. Его ноздри затрепетали, ловя новые запахи. Пахло опасностью, женщиной, птицами, водой из ночного озера.

Мягко отпустив Наташу, он накрыл ее одеялом и встал. Прислушался: где-то слышен смех, но он удаляется. Недолго думая, он вылетел из окна.

Над поляной и лесом носились тени. Он знал их: новые ведьмы набирали силу. Но почему они кружат здесь? Он принялся, из темных волос выросли мощные рога, закрученные в спираль. Теперь он тоже ощущает это. Дом фонит энергией. Неужели это его Наташа? Нет, не может быть. Девочка невинна и хрупка, как тонкий хрусталь. А значит, соседство с такой силой ставит под угрозу жизнь его маленькой танцовщицы. До этого он мало задумывался над тем, кто еще живет в доме. Его интересовала только Наташа. Но теперь он стал вспоминать, что она рассказывала ему о семье, пока он наслаждался ее теплом и нежным доверием, почти не слушая, что она шепчет. Отец умер. Он помнил, как она плакала, а он целовал ее соленые слезы, выпивая горький напиток ее бед, облегчая тем самым боль. Есть еще брат. Неужели он? Инкуб сжал кулаки. Надо добраться до мальчишки.

Саше было страшно. Он боялся жизни, боялся дневного света. Он торопил ночь, чтобы забыться в глубоком сне, где не было видений, была только темнота и тишина.

Любая вещь, звук, слово, событие, телодвижение могли напомнить ему об отце и обжечь чувством неугасаемой вины. Из-за него, из-за его каприза он погиб. Если бы можно было вернуть время назад... Саша сжимал с усилием кулаки: если бы не ездить в тот день за покупкой, все обошлось бы, папа был бы жив, и все было бы как прежде...

Но едва он выныривал из иллюзии, как боль в трехкратно большем размере обрушивалась на него.

«Из-за тебя, – шептал тонкий предательский голосок. – Все это из-за тебя!»

Сколько раз, прокручивая последние мгновения, разговор с отцом, фары машин, слова песни, которая звучала по радио, Саша пытался понять одно: почему за мгновение до столкновения ему показалось, что на дороге стоят черные крылатые тени, а глаза их горят, как задние фары машин? Почему он никак не мог избавиться от ощущения, что там, на шоссе, был кто-то, кто все это подстроил специально. Кто-то, кому достаточно движения мысли, чтобы случилась катастрофа. Потом он, конечно, убеждал себя, что это бред. Легко спихнуть все на тени, а не на себя.

Сон был спасением. Во сне Саша забывал о боли, муках совести и потере. Он ничего не видел, проваливался в черноту забвения, а потом долго не мог вылезти из нее. Подъем становился тяжелее с каждым днем.

Сегодня сон не шел, Саша метался в кровати, сильная боль обручем сжимала голову. В какой-то момент он понял, что в комнате есть кто-то еще. Возможно, это была галлюцинация из-за боли, но в лунном свете он увидел человека с большой головой, а потом, приглядевшись, понял, что у него большие, закрученные в спираль рога.

Человек включил ночник и сел на кровать к мальчику.

Саша хотел спросить, кто он, хотел позвать маму, но человек поднес палец к губам. Потом дотронулся до лба Саши.

– Болит? – сочувственно спросил он.

– Да, – хрипло ответил мальчик.

– Неудивительно, она уже большая. Размером с фасолину.

Незнакомец положил ладонь на лоб Саши.

– Я заберу боль, но только на сегодня. Мне очень жаль, мальчик.

Боль прошла, Саша с облегчением откинулся на подушки.

– Спасибо! – горячо прошептал он.

Инкуб встал. Нет, это не мальчик. Но кто-то тянет из него силы, а потом примется и за Наташу. А ее инкуб не отдаст. Ни за что. Горечь от того, что его девочка потеряет вскоре брата, обожгла демона. Как странно, что он, живущий похотью, вдруг стал испытывать такие необычные чувства. Преданность, любовь, верность, желание помочь и защитить. Но общение с девочкой – единственное, что вдруг стало давать смысл жизни. Когда она танцевала для него, он чувствовал себя живым. Значимым. И это было очень приятное чувство. Но если это не дети, значит, это их мать.

Инкуб услышал хохот и обратился в ворона, вылетел в окно и увидел прекрасное видение: женщина, облаченная в лунный свет и блеск звезд, с волосами до пояса снижалась на поляну перед домом. У нее были огромные черные крылья, а вокруг летали вороны и нечисть. Как же она была хороша!

Но от красоты этой веяло холодом и смертью. Белая дама. Даже он, инкуб, знал, что она такое. Ему не совладать с ней.

- Докажи, докажи. - Шепот поднимался до черного неба, шептали сосны, трава, звезды. - Докажи, что ты готова, Ноктурна, преступи черту.

- Не делай того, о чем пожалеешь. - Голос Габриэля раздался так близко, что она покрутила в растерянности головой.

Ангел стоял на крыше знакомого ей дома. Ее дома. Белое одеяние излучало свет. Белые крылья за спиной тоже, казалось, светились. Она была рада его видеть. В ней еще оставалась тяга к нему, чистая и непорочная, желание быть в его свете, прижаться к его ногам, вымалывать прощение за зло, которое, она знала, было неизбежно. Но одновременно с этим Ноктурна ненавидела это безмятежное лицо святого, не опечаленного страстями, не испорченного мучительными колебаниями. Для него в мире все было удивительно просто. Габриэль не желал понимать: то, что не свято, вовсе не обязательно плохо, что есть еще естественные потребности души и тела, нуждающиеся в удовлетворении. Ему это было неведомо. Он и не подозревал, что обманывает самого себя. Невежество святого. Она набралась смелости и дерзко расхохоталась, глядя ему в лицо. Но ей было так больно и одиноко, что она осеклась, испугавшись, что не выдержит и заплачет.

Он продолжал все так же безучастно смотреть на нее. Она с трудом заставила себя отвернуться. Как она хотела, чтобы он защитил ее, забрал оттуда! Но она не могла ему этого сказать, нет, она была слишком горда. Усилием воли сдерживала вопль отчаяния, готовый вырваться из груди: «Габриэль!!! Забери меня отсюда!!! Спаси меня, Габриэль!!!»

Габриэль! Его имя она готова была повторять снова и снова, ища в нем разгадку этого существа. Казалось, раскрой она смысл его имени, и обретет власть над ним.

Вопль вырвался из ее груди, протяжный и возмущенный. Нет, она докажет всем, что она сама себе хозяйка, вольна распоряжаться! Всем!

И она решительно влетела в окно своей спальни. Крылья тут же спрятались под кожу. В безумном желании разрушить все вокруг она смела рукой флаконы духов и косметику с комода. И после этого первого акта вандализма уже не могла остановиться: распахнула шкаф, рвала одежду с вешалок, вываливала ее на пол с полок, сорвала картину со стены и разломала раму. Она рычала от возбуждения. Движение, замеченное боковым зрением, привлекло ее внимание: там пробиралась через сброшенную одежду серая кошка.

Она схватила ее и, ослепленная внезапной волной ярости и злости, начала душить. Кошка смотрела на нее испуганными, неверящими глазами, ее язычок чуть высунулся из пасти. Когда же животное осознало, что это вовсе не игра и не шутка, оно начало сопротивляться, отчаянно борясь за жизнь. Когтями полосая руки хозяйки, она пыталась заставить отпустить ее. Тогда Ноктурна начала ломать ей лапы об коленку, как переламывают тонкие палки. Кошка от боли описалась, острый запах мочи ударил в нос. Тогда она бросила ее на пол и начала топтать ногами так, что переломала ей все ребра и позвоночник. Хруст костей и вопли не останавливали ее. Замерла, только когда увидела, что кошка больше не движется и из ее приоткрытой пасти вытекает тонкая струйка крови. Лишенная жизни животина теперь напоминала серую тряпку, и Ноктурна устало опустила ее на колени рядом с ней.

- Ты пролила первую кровь.

Она оглянулась на голос: около кровати сгущалась тьма, жуткая и живая. Два глаза смотрели на нее из этой черноты.

- Ты инкуб? - спросила она демона, но тот отрицательно покачал головой.

Тогда ей стало страшно, потому что она внезапно ощутила его мощь и силу. Он надвинулся на нее, она испуганно попятилась, понимая, что у нее не хватит сил, чтобы распахнуть крылья и сбежать. Он взял ее за плечи, и она почувствовала себя пойманной бабочкой, которую вот-вот наколют на булавку и пришьют к бумаге. Из последних сил она уперлась руками в его мощную грудь. Он же схватил ее за волосы и начал тянуть назад, заставляя ее тело выгибаться. Она кричала, не понимая, кто он и почему она бессильна.

Его рука, казавшаяся ей огромной лапой, погладила ее тело.

- Я тот, кто создал тебя и наделил силой, я твой хозяин, - услышала она, прежде чем он овладел ею, и лишилась чувств.

Инкуб контролировал сознание детей во сне, чтобы они не проснулись сначала от воплей кошки, а затем и от криков Ноктурны. Когда все было кончено, дом погрузился в страшную тишину. Необходимо было действовать быстро.

Он проник в память Наташи и вытащил оттуда сведения о Стасе Волиной. Хочет того Наташа или нет, но ей нужно оказаться как можно дальше от матери. И балет казался ему прекрасным способом достичь двух целей одновременно.

Ирина подскочила на постели в холодном поту, на улице уже светало. Спотыкаясь о раскиданные вещи, вышла в коридор, дошла до ванной и умылась, проводя мокрой рукой по шее и груди, чтобы смыть неприятное ощущение от сна. Она чувствовала себя усталой, опустошенной, измученной. Посмотрев на свое бледное отражение в зеркале, села на унитаз, все еще отирая лицо мокрой рукой. А когда встала, заметила кровь в воде. Тело и впрямь болело, было нехорошо.

Она вернулась в спальню и только сейчас осознала бардак, который в ней творился. Ночью здесь были воры, а она и не заметила? Глупость какая, она бы проснулась. И тут она увидела серый хвост, выглядывающий из-под груды платьев. Приподняла одежду и еле сдержала вопль, увидев труп кошки.

Скорее надо все убрать, пока не проснулись дети.

Лихорадочно мечась, завернула кошку в какое-то платье, оделась, выбежала во двор, схватила лопату и пошла копать яму, молясь, чтобы земля не была замерзшей. Но на улице вовсю царил весна: уже проросла трава через опрелые листья, почки на деревьях лопнули и появились листья. Похоронив кошку, она вернулась в дом. Что-то подсказывало, что виновницей гибели животного была она сама. И ужас оттого, что она не помнит, как это случилось, обжигал ее.

Наташе позвонили во время завтрака. Она побледнела, услышав новости о том, что Стася Волина ночью пыталась покончить с собой и находится сейчас в больнице. У девочки нервный срыв. Вторая балерина тоже разнервничалась, уверенная, что роль Жизели проклята и с ней тоже что-то случится. Она уступила первенство Наташе.

- Мне придется вернуться в Москву, мам. - Наташа торопилась допить чай. - На репетицию нужно ездить каждый день.

- Я отвезу тебя, мы с Сашей вернемся дня через три. Еще куча дел с бумагами. - Ирина машинально отвечала, размышляя о другом.

Они закупили продуктов, она приготовила дочери суп и второе на несколько дней и, подбросив Наташу до метро - ей нужно было на репетицию, - уехала.

Ирина не сразу вернулась домой, а отправилась к врачу. Тот не нашел никаких нарушений, направил на анализы, прописал успокоительное.

По дороге на парковку она завернула к небольшой церкви.

Она редко заходила в храмы, но сегодня ей было необходимо почувствовать себя защищенной. На сердце было неспокойно. Она чувствовала, что вина за гибель кошки - ее, и убийство камнем лежало на совести.

Купила свечку, подошла к иконе Богородицы, зажгла фитиль и попыталась сосредоточиться на своих невеселых мыслях, прося защиты у Бога. Ирина разглядывала отрешенный, печальный взгляд Марии, когда заметила, как из уголка глаза иконы поползла темная слеза. Оставляя кровавый след на живописном слое, она стекла с оклада и упала на пол. Свеча в ее руке потухла. Ирина, дрожа от ужаса, метнулась к другой иконе, святому Николаю Чудотворцу, но и из его глаз полились кровавые слезы. Все свечи в храме погасли разом.

Глаза святых словно обжигали ее, принося боль и ужас. Она выбежала из храма. Долго хватала ртом воздух, приходя в себя. Потом, вспомнив, что рядом есть католический костел, неверным шагом отправилась туда. По дороге она пыталась найти разумное объяснение случившемуся: несомненно, во всем виноват этот чай, что она пьет. У нее просто галлюцинации, надо выкинуть оставшуюся смесь и попытаться успокоиться.

Костел из красного кирпича выглядел мрачно, но Ирина, преодолев страх, вошла внутрь. Играл орган. Здесь не было икон, и она приободрилась. Прошла поближе к алтарю и села на скамью. Какая разница, где молиться, если нужно обрести душевный покой?

Орган повышал интенсивность и силу звука, Ирина беспокойно подняла голову. Воздух задрожал от очередного аккорда, оглушая прихожан. Люди поднялись со скамей, с беспокойством

перешептываясь.

Органист в ужасе высунулся с балкона.

- Я не контролирую его!

Кто-то бросился к выходу, зажимая уши. Грохот стоял оглушительный, начали дрожать витражные окна.

Ирина медленно поднялась, вопль органа, хрипящий и агрессивный, вынес стекла в храме. В ужасе она попятилась по проходу прочь, не сводя обезумевших глаз с алтаря: там стоял Габриэль с пылающим мечом в руке.

Понимая, что ей больше не войти ни в один храм, она бросилась бежать прочь.

Еще долго она сидела в машине, пытаясь унять дрожь в руках. Глядя на свои непривычно длинные белые пальцы, Ирина пыталась сообразить, кто она и что должна делать.

Потом медленно повернула ключ зажигания. Мотор завелся. Машина тронулась с места.

Дома Ирина выкинула в мусорное ведро оставшуюся смесь для вечернего чая, выпила успокоительного и не без содрогания вернулась в спальню. Проваливаясь в тяжелый сон, подумала, что надо сходить в парикмахерскую: волосы отросли вдруг слишком быстро.

Ноктурна очнулась с чувством странной тяжести. словно тело приковали к кровати. С трудом оторвав от подушки свинцовую голову, пьяно оглянулась вокруг. Качнувшись вперед, достала до подоконника и подтянулась, опираясь на него, к окну. Дотронулась ладонями до прохладного стекла. С трудом залезла на широкий подоконник и открыла створки. Ночь не читалась так ясно, как вчера. Ее взгляд с трудом улавливал движение птиц и насекомых, она не видела, как в чашечках манжеток блестят капельки росы.

«Тебе плохо... - едва различала она то приближающийся, то удаляющийся шепот, будто то говорили волны невидимого моря, набегающие и уходящие от берега. - Ты... не с нами... ты... слаба... Ноктурна!.. Ноктурна... правь сегодняшней ночью... он... придет за тобой!»

«Он!» - Ноктурна испугалась и попятилась внутрь комнаты, чтобы захлопнуть окно, но руки хозяина уже вырвали ее наружу. Он понес ее над землей и сбросил с высоты в озеро. Она вынырнула оттуда сильной и свежей, попыталась раскрыть крылья, но он остановил.

- Не надо, сегодня ночью я вожу тебя.

Он посадил ее себе на спину между двух огромных кожистых крыльев с когтями. Они помчались так быстро, что она пригнулась к его спине, и, хотя он махал крыльями лениво и неторопливо, огни городов внизу пролетали как молнии, сменяя друг друга.

Коснувшись руками спины хозяина, она обнаружила, что тело его между крыльев и по хребту до шеи густо покрыто волосами и чешуйками. Он начал снижаться, и она, бросив взгляд вниз, увидела квадраты и не сразу поняла, что под ними плато Гиза. Они опустились на неровную поверхность пирамиды Хеопса. Ей показалось, они совсем одни. Хозяин сел на самую верхушку и, словно фантастическая гигантская горгулья, хищно свесился вниз, подняв наполовину сложенные крылья у себя над головой. Вдалеке Ноктурна разглядела огни Каира, и тоска по людям вдруг поднялась в ее душе удушливой волной, закружилась голова, и она была вынуждена сесть на камень, чтобы не упасть вниз.

- Смотри, - он простер руку, показывая ей на открывающуюся панораму, - они спят, и мы властвуем над ними. Смотри, Ноктурна, ты была рождена и сотворена для этого мира. Чтобы подчинить его власти ночи и сна. Чтобы мы правили всеми.

Ноктурна знала, что это неизбежно, и, когда он вновь потянул ее к себе, пошла покорно. Слияние с ним на этот раз наполнило яростью и ненавистью - жгучей и ядовитой смесью. От бешенства, от азарта, овладевшего ею, хотелось рвать и уничтожать все вокруг.

- Преступи последнюю черту, - велел он ей.

В отчаянии она знала, что не сможет остановиться.

- Мама? - Саша, разбуженный шумом, вошел в комнату и включил свет.

Но в комнате посреди страшного бардака стояла не мама. Она была выше, блее, волосы опускались ниже бедер, кончики пальцев были золотистыми, на голове, острыми тонкими иглами стремясь вверх, была надета корона. Ткани, в которые она была завернута, были мерцающими и полупрозрачными. Ее глаза были слишком светлыми, а лицо хоть и мамино, но не родное, а чужое, странное, иное.

- Иди сюда, мой хороший, - хищно оскалившись, пропела ведьма.

Саша попытался, золотые когти вцепились в его пижаму, он закричал.

- Посмотри мне в глаза, - мурлыкнула Ноктурна.

Свет ее глаз обжигал и мучил, от слишком яркого света он перестал видеть, вслепую вырвавшись, побежал, ведя рукой вдоль стены, к лестнице.

Она гарпией налетела на него, вонзила когти в кожу, и мальчик закричал от боли, падая на пол.

Она быстро наелась, но вместе с насыщением пришло понимание содеянного. И то, что еще оставалось в ней человеческого, пришло в ужас.

Она поднялась высоко над поселком, окруженным полями, над городом, который уже был освещен встающим солнцем и превращался в серые, страшные джунгли квадратов и прямоугольников крыш и лиан дорог. Она поднималась выше, в раздирающую грудь высоту, ей хотелось сгореть под солнцем, умереть здесь, в голубой выси, а не там, в грязном городе. Она испустила вопль, так похожий на крик отчаяния, но это был вопль радости. Она знала, что больше не вернется в этот город. Выше и выше, жар от солнца становился невыносимым, но она заставляла крылья двигаться и поднимать ее. Кожа стала трескаться как пересохший пергамент, она вопила от боли, но летела выше. Ей хотелось сгореть дотла. Но потом она просто упала в поля на сырую мокрую землю, покрытую сухими остатками прошлогодней и первыми ростками свежей травы. Дымясь от жара, она подняла голову и увидела вдалеке ангела.

- Габриэль! Габриэль! - В голосе ее слышалось душераздирающее отчаяние, и крик разнесся далеко над землей.

Ангел почувствовал, как сердце сжимается от жалости к потерянной душе. Но он не повернулся.

- Габриэль! Убей меня! - Она рыдала, но слезы не текли по ее лицу.

- Слишком поздно, - не оборачиваясь, произнес он. - Ты уже мертва.

Он ушел, и она вдруг начала дико хохотать и, одержимая гневом, встала. Да. Она умерла. Когда-то давно. Но вот снова воскресла. Теперь ей нужно обрести потерянную, разбросанную по всему миру мощь. Воплем она призвала к себе своих слуг. Одним взглядом послала их на охоту.

Ей поднесли пузырек с кровью, и, пригубив его, Ноктурна облизнула губы.

Процесс возрождения был завершен. Но крови говорящей с призраками было слишком мало.

Глава 3

Когда Настя прыгнула через костер, попав в полосу дыма и жара, она почувствовала, как все тело покалывает будто иголками. Но это было не болезненное ощущение, как при переходе в Иной город, а приятное и ласковое прикосновение. Рубашка вспыхнула на ней, горячий воздух ударил в лицо, но когда она приземлилась по другую сторону, боли и ожогов не было. А вот рубашка исчезла.

Она не успела ни замерзнуть, ни испугаться своей наготы. Исчезли женщины. Перед ней стоял демон.

Она скрестила руки на груди, боясь подняться. Он набросил на нее мягкий атласный алый плащ. Она завернулась в него и встала. Сердце гулко билось от страха: снова вспомнился сон в Венеции.

Демон легонько дотронулся до ее подбородка и поднял его, заставив посмотреть ему в глаза. Видимо, то, что он увидел в них, ему понравилось. Губы слегка дрогнули в улыбке.

- Здравствуй, Анастасия.

Жар растекался по телу, словно огонь теперь двигался в ее кровеносной системе, вспыхивая искрами золота.

- Я поступила правильно?

- Ты поступила так, как считала нужным. - Ладонью он приласкал ее щеку. Поцеловал в висок.

Костер внутри вспыхнул ярче. Странно, она ощущала себя совсем иначе с ним рядом. Желание было, но не было страшной зависимости от него. Вроде бы она теперь по-прежнему связана с ним, по-прежнему хочет быть с ним, но при этом остается самой собой. Но кем? Кто такая эта Настя, что вышла из костра?

Он набросил ей на голову красный капюшон.

- Нам пора возвращаться, Красная Шапочка, будь осторожна.

- Это мой лес, демон. Здесь волки мои друзья. - Впервые в жизни она посмотрела ему в глаза спокойно.

- Да! - Его глаза вспыхнули желтым светом. - Все так, все верно.

И она проснулась.

«Господи, ну и бред мне приснился!» - Настя потянулась, не желая вылезать из-под теплого одеяла. Мысленно пробежалась по делам, которые предстоит сделать сегодня: заехать в кафе к Пепе, потом на испанский, затем пробежка с Диего и тренировка. Хороший день.

Она села на кровати и ойкнула, когда увидела, что обнажена. А потом ее бросило в жар: на постели, напоминая кровавую лужу, лежал смятый алый плащ.

- Мама! - тихо прошептала Настя.

Значит, все правда. Она сиганула из окна. Была в лесу. Танцевала вокруг костра и говорила со старой волчицей. Прыгала через огонь. И предстала голой перед графом Виттури.

Завернувшись в плащ, она пробежала к шкафу, достала оттуда халат и переоделась.

Сердце стучало бешеным ритмом. Когда она умылась и переоделась, схватила сумку с учебниками и перед выходом вспомнила про черную коробочку, которую старалась носить с собой все время. Пожалуй, она заедет в агентство, может, Серж сможет открыть ее?

Она выскочила из дома, добежала до метро.

Ее не покидало ощущение, что реальность вокруг воспринимается несколько иначе. Но что именно изменилось, сказать было сложно.

В поезде она достала телефон, чтобы написать несколько сообщений маме.

- Здравствуй, Настя! - сказал пассажир, который опустился рядом с ней на сиденье.

Настя испуганно подняла голову и встретилась взглядом с красными глазами Азазелло. Демон сидел рядом с ней в метро, нижние клыки чуть приподнимали верхнюю губу, лоб бороздили

морщины, одутловатое лицо, нездоровая желтизна, красные глаза... Да как другие пассажиры не разбегаются с воплями?! Она бросила взгляд на стекло напротив: рядом с ней отражался мужчина в деловом костюме. Понятно.

- Что тебе надо, Азazelло?

Демон растерянно моргнул, словно не ожидал этого вопроса. Настя помнила про взгляд василиска. Поэтому она отвернулась от него и уставилась в отражение напротив.

- Я пришел поговорить, не бойся, не съем. Я хочу, чтобы ты сделала кое-что для меня.

Она засмеялась:

- С какой стати?

- Чтобы спасти друзей.

- Это блеф.

- Это правда. Самаэль ведет опасную игру. Ты ведь умная девочка. Наверняка пыталась найти информацию о нем.

- Экгрегор Зла? Сатана? Виновник грехопадения человека? Ангел смерти? Я не верю. В тебе больше зла, чем в нем.

- Глупая девочка. Зло хитрое и расчетливое, думаешь, он просто так нянчится с тобой? Он готовит тебя к смерти.

Настя промолчала.

- Самаэль силен. Он всегда был одиночкой, стоит отдельно от остальных падших ангелов. Считает себя всемогущим. Он, а не Люцифер виновен в том, что человечество обречено. Мы лишь хотим свергнуть его. Ты же сама понимаешь, Настя, что он играет с людьми, заставляя их выбирать. А тебя он принесет в жертву.

Тошнота подкатила к горлу.

- Что ты предлагаешь?

- Ты можешь спасти себя и друзей. Нам нужно лишь одолеть его. Поэтому нам нужна Ноктурна. Без нее даже Люцифер с ним не может тягаться. Ты нам поможешь? А я расскажу тебе кое-что о Самаэле. Что заставит тебя передумать. - Он протянул ей маленький пакетик с травами. Его когти слегка царапнули ее ладонь. - Сегодня ночью завари и выпей. И все увидишь сама.

И он исчез.

Граф Виттури уловил запах райских трав, едва Настя вошла в агентство. Но ничего не сказал. Лица тоже подняла голову, встретилась с ним встревоженным взглядом. Он чуть качнул головой. Она с трудом заставила себя вернуться к документам.

- Сегодня твоим преподавателем по искусствоведению буду я, - сказал он Насте.

Девушка опешила, даже чуть испугалась, но быстро взяла себя в руки. Мило. Раньше она бы густо покраснела.

- Мне нужно только кое-что показать Сержу.

Она полезла в карман джинсов и вынула...

Демон в изумлении смотрел на коробочку на ее ладони.

- Что это? - хрипло спросил он.

- Мне ее дал один парень. - Наивные глаза Насти удивленно смотрели на него.

- Ты всегда берешь, что тебе дают, красавица? - зло поинтересовался он. - Если я тебе дам оплеуху, примешь?

Настя сжала ладонь и отступила:

- Только попробуй.

- Лика, - позвал граф, - ты только посмотри, что наша крошка притащила.

Ангел подошла, и ее синие глаза широко распахнулись при виде коробочки.

- Не может этого быть!

- Да что это такое, можете объяснить?! - Терпение Насти было на исходе.

- Открой и увидишь.

- Не могу, я пыталась, она не открывается.

- Пыталась до сегодняшней ночи?

- А что было сегодня ночью? - Лика вспыхнула, но все-таки спросила: - Вы что? Вы...

Граф припечатал ее на место тяжелым взглядом.

- Мы гуляли в лесу.

- Чего-о-о? - не поняла Лика.

- В моем лесу, - пояснила Настя.

- Граф, вы что... вы... - Лика не могла опомниться.

- Вы посвятили девочку, граф? - бархатным голосом спросила появившаяся в коридоре Рита. Ведьма выглядела прекрасно, и не скажешь, что вчера ее сердце билось на ладони у Насти.

- Не я, - и кажется, это особо забавляло графа, - Настя выбрала не меня, не ангелов, она, представьте себе, вызвала саму Мать.

- А девочка не так проста, как казалось сначала. Не так ли, мой милый граф? - довольно промурлыкала Рита. Она подошла к Насте и, обняв ее крепко, поцеловала в губы. - Ты умница, земная.

- Вы можете прекратить этот идиотский разговор?! - взорвалась наконец Настя. Не хотелось признавать, но поцелуй Риты был обжигающе приятным. - Никого я не выбирала, там они стояли, на полянке. И что такого в этой коробочке?

Она сунула ее под нос Рите. Зеленые глаза рыжей ведьмы как-то странно сверкнули, и она с шипением отскочила в сторону.

- Наша Настя - сплошной склад интересных вещичек, - проворковал граф. Ему это все доставляло несказанное удовольствие. Ну надо же. Кажется, все подключились к игре. Даже Он. Забавно.

Как же он ее злил! Эта полуулыбка, насмешливая и снисходительная, что образует морщинку на правой щеке. Хочется впиться в нее губами, и он об этом знает. Чтобы переключиться, она схватила коробочку и попыталась открыть. К ее огромному удивлению, крышка и правда поддавалась так легко, словно до этого она не пыталась открыть ее ножом. На черной бархатной подушке лежала подвеска.

- Твою мать! - Лика испуганно зажала себе рот. Ангелы не ругаются. Почти. Никогда. Но теперь ей стало понятно, почему граф Виттури на грани того, чтобы расхохотаться над самим собой. Они не ожидали, никто из них, что эта девочка, которая попала в агентство абсолютно случайно, вдруг окажется той самой, о ком еще бредил Иоанн Богослов.

Настя держала коробочку на ладони вытянутой руки. Что они все застыли как статуи? Она, честно говоря ожидала чего-то... более впечатляющего. Кнопку от ядерного чемоданчика, к примеру. Или какой-то таинственный камень из необычной породы. Но они стоят и смотрят на нее, будто она восьмое чудо света. А на бархатной подушечке тускло блестит солнце с месяцем внизу, а вокруг двенадцать звезд, ну и что в этом особенного?

- Что у вас тут происходит? - в коридор вышли Цезарь и Итсаску.

Граф Виттури быстро глянул на Лику и Риту, а потом с улыбкой повернулся к Цезарю:

- Ничего особенного, девчонки и их побрякушки. Если ты не против, Цезарь, я бы хотел поговорить с Настей у тебя в кабинете.

И не дожидаясь ответа, схватил ее под локоть и затолкал в кабинет.

- Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Настя по-прежнему сжимала кулон в руке, зеленые глаза растерянно смотрели прямо на него. Губы приоткрыты, из косы выбилась прядь. Такая абсолютно неидеальная. Земная.

- У меня очень много вопросов, - наконец произнесла она.

Он сложил руки на груди.

- Спрашивай.

Она открыла рот, чтобы спросить, но в этот момент в коридоре послышались удивленные возгласы, и громко хлопнула дверь. Его приближение он чувствовал всегда особенно ярко. Враг не дремлет.

- Черт бы вас всех побрал. - Граф Виттури скрипнул зубами, прижал Настю к стене, а сам встал к ней спиной, лицом к двери. Та распахнулась, и на пороге кабинета оказался высокий статный мужчина, одетый в бежевый деловой костюм. Глаза были серые, волосы русые, длинный и красивый нос, пухлые губы.

Гость не представился, протянул с порога руку Насте:

- Пойдем со мной.

Настя нервно сглотнула. Голос казался знакомым, порождая какие-то тревожные ассоциации. Она чувствовала, как напряжен демон. Внешность гостя внушала доверие, но почему тогда ей так сильно не хотелось к нему идти?

- Не бойся меня, Настя. У меня есть ответы на все вопросы.

Сердце бешено застучало. Ей хотелось получить ответы. Но в то же время было страшно.

- Кто ты такой?

Гость отдернул руку, как будто она не спросила, а попыталась укусить его.

- Иди ко мне! - повторил он с большим напором.

- Напрасно стараешься. Она не подвержена больше гипнозу. - Граф Виттури расслабился, но по-прежнему закрывал Настю собой.

По лицу гостя пробежала секундная тень.

- Настя, я знаю, что у тебя есть подвеска, - попытался он еще раз, - ты должна быть на нашей стороне.

- На чьей именно? - Настя понимала, что знает этот голос. Уже слышала его. Не видела лица. Но голос ей был знаком. - Ты тот самый проводник?

- Архангел Михаил, - представил граф мужчину. - Он плохо обучен этикету и все время забывает представиться, считает, что его все знают. Мания величия.

- Ты больше не можешь находиться с демоном. Ты должна быть с нами. Мы позаботимся о тебе. - Михаил, казалось, не замечал графа Виттури.

- Интересно, почему вы не сделали этого раньше? - язвительно вставил демон. Если нужно, он разнесет агентство, но Настю ему не отдаст. А девчонку придется связать, потому что она будет рваться к ангелам.

- Я никуда не пойду с тобой.

Ангел и демон уставились на нее одинаково удивленно.

- Я вообще никому ничего не должна больше. - Настя ощущала, как огонь в крови забурлил снова, как тогда, в волшебном лесу. - Оставьте меня в покое.

Гнев сверкнул в глазах Михаила. И это был страшный гнев, холодный белый свет вдруг ослепил ее на мгновение. Но тут же погас.

- Значит, я ошибся, - тяжело припечатал он и исчез.

Граф так стрельнул взглядом на стоящих в проеме ребят, что те поспешили прикрыть дверь.

Настя была бесконечно благодарна ему за то, что, не говоря ни слова, он сгреб ее в свои объятия. Она ткнулась лицом ему в грудь, вжалась в него всем телом, а он поцеловал ее в макушку. И они долго стояли так. Постепенно ритм ее сердца становился спокойнее, страх проходил.

- Ты ведь всегда будешь рядом, демон? - прошептала она тихо-тихо.

- Всегда. Пока твоя смерть не разлучит нас.

Ее смерть. И она вспомнила Азazelло: «Он готовит тебя к смерти».

Ну и пусть. Только к ангелам она не пойдет. Архангел Михаил внушал какой-то священный ужас, трепет, ей куда спокойнее с демоном. У нее есть друзья. А то, что смерть витает рядом... Так ведь она смертна, и потому не стоит бояться.

В солнечном сплетении разгорался жар, граф отстранил ее слегка, и на мгновение ей показалось, что она увидела золотое свечение между ними.

- А теперь расскажи мне о проводнике, - сказал он.

Они так и стояли обнявшись, пока он слушал ее рассказ, внимательно глядя ей в глаза.

- Настя, когда же ты научишься рассказывать мне все сразу?

- Я сообщила то, что считала важным. То, как появилась вторая картина. Откуда мне было знать... - Она виновато опустила глаза. - Теперь ты поясни про подвеску. Почему вы так все на меня смотрели?

Вместо ответа он подошел к книжному шкафу, открыл его створки и вытащил Библию. Поманил Настю на диван рядом с собой.

- «Откровение Иоанна Богослова» читала когда-нибудь?

- Нет. Но это же про конец света?

- Да. - Он пролистал до нужного места и ткнул пальцем в главу двенадцать.

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд», - прочитала Настя. Потом посмотрела на подвеску.

- И вы решили, что я - это она? - Она засмеялась.

- Даже Михаил так решил. Только теперь ты выбрала: на небе не появляться. - Он легонько щелкнул ее по носу.

- Кажется, тебе это доставило удовольствие.

Золотые искры снова заиграли в его карих глазах.

- Для меня особое удовольствие поставить архангела на место. Но стать свидетелем того, как его ставит на место простая девчонка, оказалось еще приятнее. Не пожалела, что выбрала меня?

- Нет. К тому же я выбрала не только тебя. Я выбирала вас всех.

Он улыбнулся:

- Пытаешься поставить меня на место?

Настя смело кивнула. Волна горячей лавы двигалась по ее сосудам вместо крови. Близость демона и его дружелюбный настрой расслабляли. Поэтому она не сразу смогла собраться, когда он вдруг опрокинул ее одним рывком на диван, дыхание обожгло ей шею. Она дернулась, но тут же затихла: ожидание его поцелуя было уже блаженством.

Он провел пальцем по ее губам, и они приоткрылись. Наклонился так низко, что его черные волосы ласкали ее лицо. Настя часто дышала под ним, он слышал, как бьется в страстной лихорадке ее сердечко. Его ладонь медленно скользнула по ее телу к бедру.

- Будь любезна, объясни мне, откуда у тебя это?

Он показал ей зажатый между пальцев пакет с травой. Она снова попыталась драпануть, но для него было особым удовольствием пригвоздить ее к дивану своим весом. Стараясь не обращать внимания на то, как будоражило кровь тело под ним, он вцепился в нее взглядом.

- Ну же, Анастасия, удиви меня, - вкрадчиво произнес он.

Тянущая боль внизу живота была откликом на его тяжесть, задыхаясь от желания, которое мутило разум, она честно ответила:

- Азazelло дал. Сегодня в метро.

Правая бровь графа полезла на лоб.

- Почему не рассказала?

- Не успела, - огрызнулась она, еще раз трепыхнулась, пытаюсь выбраться. Вдруг отпустит? Адреналин огромными дозами поступал в кровь, еще немного, и она будет не в силах даже соображать. Но, встретившись взглядом с демоном, она вдруг поняла, что не одна мучается: его взгляд, обычно такой насмешливый, стал мутным от желания, она уловила его частое дыхание и, к своему стыду, почувствовала, что он возбужден. Голова кружилась, комната плыла. Он наклонился ниже, губами коснулся раковины ее уха, лизнул его, с удовольствием почувствовал, как она встrepенулась, отзываясь против воли на ласку.

- Я всегда буду рядом.

Он нежно прикусил мочку уха, и Настя еле слышно застонала. Если бы не необходимость сохранять ее невинность и целомудрие...

Он опустил ее так же внезапно, как и схватил, бросил ей на колени пакетик с травой и отошел к окну. Дверь открылась, и вошел Цезарь.

- У вас все в порядке? - Он цепким взглядом оценил растерянную девушку, заправляющую прядь за ухо, Библию на диване рядом с нею и мрачного графа Виттури около окна. Смерив взглядом город за стеклом, граф повернулся.

- Все хорошо. За исключением одного: Настя сегодня вечером встречается с Азazelло.

К путешествию все было готово. Настя сунула меч в ножны, затянула покрепче резинку на косе.

- Уверена, что ничего не забыла? И что действительно хочешь идти? - в десятый раз спросил граф Виттури. Судя по его подчеркнuto безразличному и насмешливому выражению лица, он нервничал не меньше Диего, который пантерой метался по комнате, мягкими шагами меряя расстояние от стены до стены. На постели Насти развалился Джонни, ему, кажется, все было до лампочки.

Настя кивнула: она еще в метро знала, что пойдет. Демон не пытался ее отговорить, лишь убедился, что она решила, и дал советы.

Лица устала просить Настю не ходить, поэтому просто сидела на стуле, обхватив себя руками. В комнату вплыла Итсаску с напитком, от которого поднимался сладкий аромат.

- Рита сказала пить маленькими глотками. - Она протянула Насте дымящийся напиток изумрудного цвета.

Только тогда Джонни подскочил с кровати, подошел к Насте и провел по ее запястью пальцем, чертя какие-то символы.

- Руны-охранки.

Викинг на мгновение задержал ее кисть в своей руке, и его синий глаз довольно блеснул, встретившись с ее перепуганным взглядом.

- Что-то мне подсказывает, что ты справишься, малышка.

Тот же напиток они налили в кастрюльку Диего и, посмотрев друг на друга зелеными глазами, девушка и пантера начали пить. С каждым глотком они становились прозрачнее, пока чашка не упала пустой на пол, и Настя с Диего не исчезли окончательно.

Настя шла по темному коридору, в конце которого был красный свет. Время от времени она ощущала, как мягкая спина пантеры чуть касается ее ноги.

Они шли в абсолютном молчании. Настя повторяла про себя инструкции графа. Она отправилась в это путешествие, потому что граф надеялся узнать, нашли ли уже демоны Ноктурну или нет. А сама она хотела узнать побольше о нем. Насте нельзя было ничего брать в том мире, нужно было удержаться от искушений; напиток сделали слабым, он должен был быстро вернуть ее обратно. Насте было и страшно, и любопытно. Когда маленькой девочкой она читала греческие мифы, то Аид казался ей местом, где герои проходят самые тяжелые испытания. И часто оказываются пойманными навсегда. Царство мертвых. Само название вселяет страх. И хотя граф Виттури заверил ее, что встречи под действием напитка происходят чаще всего на земле, она не верила в это, потому что коридор был темным, узким и ощущение того, что она спускается под землю, не

покидало ее.

Там, где она вышла, небо было красным. У выхода из пещеры их ждал десяток чертей, а как еще назвать рогатых и козлоногих забавных человечков? Они прыгали вокруг нее и пантеры, дергали ее за косу, Диего за хвост, трогали ее меч, тянули за одежду. Диего с легким рычанием поворачивался вокруг, они бросались врассыпную, хохоча и повизгивая. Эти рогатые были неопасны, Настя протянула руку и погладила одного из них между рожек. Тот довольно хрюкнул и прижался к ее ноге как верный пес. Они и между собой возились не переставая: дергали за хвосты, ставили подножки, тянули за рога: гомон стоял страшный. Черти вели их куда-то в сторону, но Настя остановилась, Диего лег у ее ног, дыша открытой пастью. Правило номер один: далеко не уходить.

Время шло, но никто не появлялся. Настя сбросила напряжение, расслабила плечи и руки. Черти вокруг колбасились как могли, напоминая шумную стаю воробьев: голосили, дрались, кувыркались и задирали друг друга. Может, Азazelло решил не приходить, потому что с ней Диего?

И тут все черти прижались к земле и притихли. В воздухе послышались шепот и звуки капающей воды, иногда тишину разрывали удары грома и звон монотонного колокола. Далеко на горизонте желтыми всполохами сверкала молния. Мужской шепот приближался. От него кожа покрывалась мурашками, и каждый волосок вставал дыбом. Но Настя только крепче сжала зубы. Послышались ритмичные удары, казалось, сокращалось гигантское сердце. Или то бились в унисон сердца девушки и пантеры? Промелькнули по небу черные крылатые тени с воплями динозавров. Настя пригнулась к спине Диего. Больше всего на свете хотелось скрыться в пещере.

Второе правило: что бы ни происходило, сохраняй спокойствие. Ты явилась туда по их зову. Ты нужна им больше, чем они тебе.

И тут на поляну вышло огромное количество демонов. Звероподобные и человекоподобные создания принюхивались и приглядывались к гостям. Настя встала. Она пыталась разглядеть в толпе существ Азazelло. Но его не было среди массы самых странных и невероятных созданий, которые, казалось, невозможно даже вообразить. Диего выгнул спину и зарычал, когда один из них слишком близко выдвинул свои щупальца. Но тут все они как по команде посмотрели назад и вверх, куда-то в багрово-красное небо. Настя увидела черную массу на горизонте, которая увеличивалась. Подул ветер, холодный и колючий. Небо вдруг потемнело до цвета черного бархата, и Настя с ужасом, перемешанным с восторгом, смотрела, как к ней приближается странное конное воинство: у лошадей были черепа вместо морд, гривы такими серебристыми и длинными, что путались между собой, а всадники-демоны были красивее тех, что выползли на площадку раньше, но вместе с тем и более жуткими. Судя по тому, как шумные черти с визгом поспешили исчезнуть, это воинство было грозным. Там были красивые женщины, которые ехали верхом на птицах, мужчины оседлали скелетоподобных и обычных лошадей, какие-то странные летающие ящеры, на которых восседали черные фигуры с горящими красными глазами. Внезапно ей вспомнилось, что так изображали Дикую Охоту – колдовское и демоническое воинство, которое, по преданиям, носилось ночами над дорогами и убивало случайных путников. Кровь стыла при визге лошадей, они больше были похожи на назгулов. Сравнение тоже не прибавило ей храбрости.

Но голос графа Виттури еще звучал в ее памяти: «Третье правило, Настя. Что бы ни происходило, если дашь им понять, что боишься, ты пропала».

Вся небесная кавалькада опустилась вниз, раскидывая и прогоняя прочь демонов поменьше, визг и хохот наполнили поляну. Одна из нагих прекрасных женщин соскочила со своего коня, подбежала к пантере и дернула ее за хвост. А когда животное ошетинилось, громко захохотала, злобно скаля зубы. Она метнула в черную кошку какой-то синий шар, который Настя не успела даже заметить, только синяя вспышка, и вот с корточек поднимается Диего-человек.

Не успела Настя и слова сказать, как ведьма выбросила прозрачный аркан, который лег Диего на шею и затянулся петлей. Обворожительно облизываясь, ведьма подтянула к себе парня.

– Диего! – Настя вытащила меч из ножен и замахнулась, чтобы рассечь веревку, но Диего зарычал на нее, а ведьма снова дико и заливисто захохотала.

– Иди ко мне, котенок!

И Диего послушно шагнул к ней.

– Не слушай ее!

Настя снова попыталась вклинить между ними, но ведьма одним движением руки отбросила ее в сторону. Она взяла Диего за запястья, положила его ладони на свои бедра и подалась вперед. Она была обольстительна и хороша: черные волосы змеями вились на ее голове, глаза были полны тьмы. Но тут Настя с ужасом увидела, что кудри и в самом деле змеи: шипя, поднимались они на ее голове.

- Поцелуй меня, красавчик! - Алые губы ведьмы приблизились к лицу Диего, а змеи обнажили свои клыки.

- Я сказала, оставь его!

Настя почувствовала, как ярость разливается жаром по телу. Ее ноги с силой оттолкнулись от земли, и она одним прыжком оказалась рядом с ведьмой и рассекла мечом синюю вязь. Диего отшатнулся от ведьмы, змеи на голове попытались ужалить Настю, но Диего успел оттащить ее на безопасное расстояние.

Они так и замерли: девушка с поднятым мечом и зеленоглазый оборотень, приобнявший ее за плечи. Ведьма завизжала, и вся группировка демонов грозно надвинулась на пару, но тут вперед вышел мужчина в богатых одеждах, в черной короне. Он был прекрасен и вместе с тем ужасен: лицо засыпано пеплом, на щеках следы от слез, седина в темных волосах и темные пустые глаза. Он поднял руку, и все отступили.

- Так значит, ты и есть игрушка Самаэля? Та самая, что может говорить с призраками?

Голос был глубоким и раскатистым.

- Где Азazelло? - вопросом на вопрос ответила Настя.

Демон приподнял бровь.

- И дерзкая, как я погляжу...

Его взгляд вдруг стал причинять Насте жуткую боль, она со стоном пошатнулась. Кровь словно заморозилась в маленькие колючие кристаллы, которые вонзались в стенки сосудов. Диего тоже закричал от боли.

- Где Азazelло?! - Настя вопила одни и те же слова, чтобы не умолять о пощаде. - Где Азazelло?

- Что здесь происходит? - Ровный и холодный женский голос вдруг прервал ее муки.

Оглушенная, она подняла голову. Перед ней, обвитая белым туманом стояла снежная королева. Иначе язык не поворачивался назвать холодную красавицу с пронзительно светлыми глазами и длинными белыми волосами.

Руна на запястье вдруг накалилась. Настя поняла, что самая настоящая опасность исходит именно от этой женщины.

- Это смертная, - с отвращением продолжала белая дама, наморщив нос, словно Настя смердила. - Что здесь делает человек?

- Полагаю, пришла на разведку, Небесная.

Руна на запястье начала пульсировать и раскаляться. Настя попятилась назад, понимая, что надо уходить.

- Что это у тебя там? - Женщина в одежде из тумана протянула руку, и Настю потащила к ней сила, которой она не могла сопротивляться. Цепкие пальцы схватили ее запястье и перевернули. Под взглядом женщины руны стали появляться на коже. Ее руки вдруг стали синими, и она отпустила Настю.

- Я думала, что убила их всех.

Настя сглотнула. Она бросилась бежать обратно к пещере, но серебристый туман свинцовой тяжестью опутал ее ноги. Она бросила взгляд на пантеру у входа в пещеру.

- Диего! Беги! Скажи, что она здесь! Ноктурна здесь!

Удар по голове был таким сильным, что она потеряла сознание мгновенно.

Когда Настя очнулась, покачивание и плеск воды смутили ее еще до того, как она открыла глаза. Она должна была находиться дома, если действие травы закончилось.

Приоткрыв один глаз, она увидела только деревянную поверхность пола. Перевернулась на спину и открыла глаза. На зеленоватом небе, затянутом облаками, светило нечто похожее на Луну. Пахло протухшими яйцами, просто отвратный запах, но к нему постепенно можно было привыкнуть. Села и поняла, что находится в лодке одна с гребцом, который стоял на носу в черном плаще и

капюшоне, накинутом на голову. Время от времени он шевелил длинным веслом, отталкиваясь от воды.

Настя схватилась за меч, он был на месте. Она осмотрелась: берегов не было видно, вода была черной, и время от времени в ней мелькали бледные пятна. Она присмотрелась и почувствовала, как от ужаса волосы встают дыбом. То были человеческие останки. Перегнувшись через бортик, она увидела, что под мрачными водами кишат люди, корчась в мучениях и агонии.

Она снова села ровно. Нет. Этого не может быть. Это трава, несомненно, они переборщили с этим наркотиком. Она спит.

- Эй! Вы там, с веслом! - Губы предательски дрожали. Она сжала кисть на рукояти меча. Три глубоких вдоха. - Ты, в капюшоне! Я с тобой разговариваю! Куда мы плывем?

Хотелось плакать. Она поднялась на ноги. Подошла к лодочнику и выглянула из-за его плеча.

От носа судна шли тросы, заросшие гнилыми водорослями, за которые тянули, как в упряжке мулы, полуистлевшие скелеты.

Настя сделала шаг назад. В этот момент фигура гребца повернулась к ней. Под капюшоном был просто черный мрак.

- Харон? - тихо спросила Настя.

Тип в капюшоне мгновение молча созерцал ее, потом повернулся и продолжил неторопливые движения веслом.

Настя села на дно лодки и обняла себя за колени. Значит, она умерла. Вот как это бывает. И, уткнувшись лицом в колени, громко и отчаянно заплакала. Лодку стало качать все сильнее и сильнее, хлюпая носом, Настя подняла голову и убедилась, что кошмар продолжается: на борт со всех сторон пытались залезть человеческие тела с белыми глазами. Это были ожившие трупы, они тянули к ней руки. Она поднялась и вытащила меч из ножен. Куда бы она ни плыла в этой жуткой лодке, но падать в жижу с мертвецами не собиралась. Она сбрасывала их за борт, стараясь не сильно раскачивать утлое суденышко. Встав спиной к проводнику, она защищала его от белых и распухших тел, которые пытались забраться к ним. Трупы не рычали, не дышали, был слышен только плеск воды, удары меча.

- Поскорее бы отпустило, - бормотала под нос Настя, просто чтобы слышать свой голос. - Мама, больше не буду принимать наркотики. Угораздило же нажраться до белых мертвецов в черной воде.

Она говорила, говорила, сама смеялась над собой, всхлипывала и снова поднимала меч.

- Ничего, Харонушка, держись, доплывем. Кого я обманываю? Я же умерла. Но что-то совсем не хочется стать вот такой... куда прешь, гад? Получай!

В какой-то момент воды очистились, и трупы исчезли, остались бултыхаться безмолвно позади, словно им преградил дорогу барьер. Когда лодка уткнулась носом в берег, Настя не удержалась и плюхнулась на попу. Лодка поехала по черному песку и остановилась. Проводник соскочил на берег и встал, будто ожидая Настю. Сидеть в лодке смысла особого не было, она соскочила с мечом в руке на берег. Черные камни, черный песок, черные одежды проводника, идущего впереди нее. Уныло следуя за ним, Настя подумала о демоне: будь он здесь, смерть не казалась бы такой беспросветно жуткой. В солнечном сплетении стало теплее. Может, она все-таки не умерла? Настя, бредя за проводником по каменистым скалам, все думала и думала о графе Виттури. Его карие глаза с золотистыми искорками, черные волосы, прекрасное и мужественное лицо, которое хотелось обрисовывать пальцем, его притягивающие губы... Опустив взгляд под ноги, она увидела золотистый свет, который исходил от ее грудной клетки. Может... Настя сосредоточенно вспомнила о своих ощущениях, когда демон крепко обнимал ее, о тяге к нему, о необходимости видеть его, о том, какое счастье слышать его голос. Белая вспышка на мгновение ослепила ее. И потом все погасло. Проводник резко обернулся, Настя испуганно замерла. Но не заметив в ней ничего подозрительного, черный капюшон продолжил свой путь наверх. Девушка следовала за ним, пестуя надежду, что демон услышал ее зов.

Мучительно тяжело было взбираться на высокий черный утес. Мелкие камешки под ногами были как колесики, подошва скользила по ним, Настя еле поспевала за проводником. Ветер тут гулял неслабый, завывая среди острых и тонких камней.

А когда они наконец забрались на вершину, то оказались на площадке, с одной стороны которой возвышался кусок породы, напоминающий высоченную спинку трона. Такое сравнение не зря пришло Насте в голову - внизу и впрямь находилось сиденье, на котором в расслабленной позе сидел высокий человек в темно-фиолетовом, почти черном костюме. Настя уже видела этого демона. На его пепельных щеках по-прежнему были следы от слез. Она вся внутренне сжалась,

вспомнив о той боли, которую он мог причинить одним взглядом.

Но демон, похоже, не собирался ее мучить, он поднялся и сошел к ней с трона. Протянул руку:

- Белиал.

Настя не была уверена, что демонам можно жать руку. Даже спрятала свою за спину, чтобы не поддаться искушению быть вежливой. Белиал ухмыльнулся:

- Умная. Повелителю царства мертвых руку лучше не жать.

Он по-своему был невероятно прекрасен. Корона, которая, казалось, выросла в его голову (или выросла прямо из-под кожи?), придавала ему царственности.

- Почему я здесь? Я умерла?

- Умерла? Нет... Я тебя похитил. Иначе тебя бы растерзали демоны. Кто вообще надоумил тебя пить райскую траву?

- Азazelло.

- Зачем?

- Он обещал рассказать правду о графе Виттури.

- О Самаэле?

Настя кивнула.

- Понятно... Азazelло знал, что я там буду...

Белиал снова направился к трону. Настя ахнула: из его черного камзола на спине торчали кости обломанных крыльев.

Демон повернулся.

- Да. Я тоже падший ангел. И чтобы ты знала, в моем падении виноват Самаэль. Как и в падении всех остальных. Это по его вине мы озлоблены на мир. И все зло существует благодаря твоему хозяину.

- Он мне не хозяин, - возмутилась Настя.

- Слезы на моих щеках застыли навечно. То слезы о Рае. Ты не знаешь, что это такое - потерять все. Оказаться здесь! - Белиал с ненавистью обвел рукой свои черные владения. - Впрочем, скоро ты тоже возненавидишь и это место, и его. Ведь ты тоже здесь по его вине. Отсюда тебе уже не выбраться.

- Я здесь, потому что ты меня сюда притащил!

- Самаэль... Ядовитая тварь... Сладкоголосый демон-искуситель, - словно не слушая Настю, ворчал Белиал. - Да его ненавидят и ангелы, и демоны. Вот увидишь, все только вздохнут с облегчением, когда он исчезнет с лица земли.

- А почему он должен исчезнуть?

- Ноктурна сможет его уничтожить, таково ее назначение.

Внутри Насти все похолодело.

- Он уже убил ее однажды, убьет снова.

- Теперь он слабее, - с нескрываемым удовольствием ответил Белиал. - Теперь у него есть ты.

- Я? - Настя опешила.

- Ты для него ведь особенная смертная?

- Если бы... - Настя отвечала искренне, с горечью. - Но увы, я для него ничего не значу. Вы ошиблись.

Минуту они с Белиалом молча смотрели друг на друга. Внезапно демон воспламенился, языки огня скользнули с него на трон, а потом по кругу озарили всю площадку, на которой стояла Настя. Демон поднялся. Огонь облизывал его тело и льнул к его коже. Он поднял ладони вверх, и на

каждой заплясало небольшое пламя. Стало жарко.

- Люблю играть с огнем, - улыбнулся он и сделал шаг к Насте. - Давай проверим, насколько ты важна для Самаэля? Обещаю принести ему твой пепел.

На площадке стало душно. Дым царапал ей горло. Настя в отчаянии огляделась: это совсем не то место, где ей хотелось бы умереть. Огонь гудел, щеки горели от горячего дыхания пламени. Белиал смотрел на нее своими черными глазами, и в них отражался огонь. Жуткое зрелище.

Настя положила руку на рукоять меча. Движение, которое не ускользнуло от Белиала.

- Ты же не надеешься убить меня с помощью земной железки?

Настя вытащила меч из ножен. Выбора особо не было. Умирать, так с оружием в руках.

- Хочешь проверить?

Ее клинок вдруг раскалился докрасна и вспыхнул языками пламени. Она и демон одинаково удивленно уставились на оружие.

- Значит, он провел посвящение?

Любезность исчезла с его лица, черты исказились и стали звериными. Настя взяла меч в обе руки. Что бы ни имел в виду демон, она странным образом не боится. У нее внутри по венам тоже бежит огонь, и она ощущает себя бесконечно сильной. Демон вдруг покрылся чешуей, изогнулся гибкой змеей и атаковал. Настя среагировала, мечом отбила удар и тут же сделала выпад, демон увильнул в сторону клубком, паря и извиваясь в воздухе огненным драконом. Его пасть открылась, и он сделал бросок, она отскочила в сторону, провернула меч над головой пропеллером и ударила его сбоку.

Визг оглушил ее: вертеться от боли, огненный змей отлетел в сторону.

- Как тебе моя смертная, Белиал? - раздался за спиной Насти глубокий бархатный голос.

Дракон переформировался в ангела в змеиной чешуе и горящими крыльями. На щеке у крылатого был порез, сквозь который виднелась раскаленная лава. Самаэль вышел вперед, прикрыв Настю. Он был одет в обычную черную кожаную куртку. В каждой руке по мечу. Еще никогда она не была так счастлива его видеть.

- Как тебе удалось это?

- Так распорядилась сама природа. Так что, братец, в следующий раз думай, прежде чем пытаться тронуть ее. В ней сила сотен волчиц. Она земная теперь.

- Земная и твоя?

- Только моя.

Настя ткнулась лицом ему в спину. Услышать бы эти слова с ним наедине. А не перед чертовым демоном, раскаленным от ярости. Краем глаза она заметила движение сбоку и развернулась, прикрывая Самаэля. К ним подбирались шайтаны. Их острые, как клинки, хвосты нервно и возбужденно подрагивали в воздухе. Она спокойно выдвинула вперед горящий меч. Попробуйте, засранцы. Она своего демона просто так в обиду не даст.

Шайтаны атаковали все сразу. Она метнулась влево и начала с крайнего, отбивая атаку, прикрываясь от хвоста с острым жалом, который звенел при контакте с ее лезвием, словно тоже был сделан из металла. Краем глаза она видела, как два падших ангела дерутся не на жизнь, а на смерть. От пламени ее меча шайтаны вспыхивали, с воплями отскакивали, но не отставали. Она не давала им замкнуть круг, потому что иначе они легко изжалили бы ее.

Тонкие лезвия мечей Самаэля сверкали, ранив огненного дракона. Белиал визжал, плевался огнем, метал в него пламя, но мерзавец с насмешливой гримасой легко отбивал пламя в самого хозяина. Изловчившись, граф ухватил дракона за шею и прижал к земле, как извивающуюся гадюку. Белиал обратился в самого себя.

- Назови мне хоть одну причину, по которой я должен сохранить твою жалкую жизнь, - проревел граф.

Шайтаны вдруг поджали хвосты и с рычанием отступили. Настя обернулась.

- Катись отсюда, - хрипел Белиал.

- Без нее не уйду.

- Не пущу!

- Как знаешь. - Граф приставил лезвие к его горлу. Страх на мгновение мелькнул в черных глазах заплаканного павшего ангела.

- Отпускаю ее, убирайтесь оба, - с ненавистью выплюнул он.

- Сразу бы так.

Самаэль похлопал его по щеке. Поднялся и поманил к себе Настю. Как только девчонка оказалась в его руках, они испарились из тронного зала подземного царства. Белиал взвыл от досады.

Едва граф Виттури выпустил девушку из своих объятий, как реальный мир обрушился на нее такой непомерной тяжестью, что она упала. Подхватил Настю Джонни, положил на кровать, вокруг хлопотала Лика, а Рита задумчиво проверяла ее пульс. Она повертела головой, увидела Диего, стало легче. Ощущение было, будто ее резко выдернули из глубины и тело не успело перестроиться к разнице давления. Она думала, что умрет от боли и покальваний, от бешеного сердечного ритма. Но Лика постепенно ее успокоила. Дыхание восстановилось, шум в ушах прошел.

- Я чуть не сдох от переживаний. - Джонни теребил свою светлую бороду. - Знаю уже про Ноктурну, но, судя по всему, она еще не набрала мощь, так что давай о том, куда тебя уволок этот демон в короне.

Диего за спиной викинга виновато развел руками.

- Этот демон выхватил тебя и исчез, а меня как будто вытянуло обратно сюда.

- Я была вроде как... в царстве мертвых.

Серж взлохматил волосы и присел на кровать рядом с Настей.

- Серьезно? И как там?

- Не так весело, как здесь, - улыбнулась Настя.

Граф Виттури тихо свистнул.

- Так, достаточно на сегодня, все на выход, нам с Настей надо поговорить.

Нехотя ребята вышли за дверь.

Лика выходила последней, колеблясь, она посмотрела на графа.

- Да не сделаю я ей ничего. Пять минут.

Ангел закрыла дверь.

Но вместо разговора граф присел на край кровати и устало закрыл лицо ладонями. Настя вся сжалась. Сейчас опять будет ругать.

- Как ты догадалась меня позвать?

- Ты сам говорил, помнишь? Когда я пришла воровать шкатулку. Я захотела тебя видеть, и ты понял, что я у тебя в доме. Я надеялась, если позову мысленно, ты почувствуешь...

- Это какая-то неподвластная мне связь. Столько раз пытался ее оборвать, и все впустую. Но теперь она пригодилась. Без нее я бы никогда тебя не нашел.

Настя поежилась:

- И я бы осталась там навечно? Это ужасно!

- Да уж. Бедняга Белиал, ему бы не повезло.

- Почему это?

- Ты б ему все царство разнесла. - Граф, смеясь, посмотрел на нее. В его карих глазах вспыхивали золотые песчинки.

- Все нет. Он сказал, ты погибнешь из-за меня! - вдруг вспомнила она.

- Не волнуйся. Белиал болтлив и лжив. Ты умрешь первой.

Настя отшатнулась.

- Ну, спасибо.

- Это всего лишь правда, смертная, - возразил граф.

Он взял ее нежно за руку, развернул ладонь, провел пальцем по линиям судьбы.

- Ты в этом мире лишь гость. Уйдешь, а я останусь.

Он так нежно и по-доброму сказал это, что Настя поняла. Он говорит правду. Он же бессмертен.

Она взяла его руку, развернула ладонь и увидела, что у него нет линий судьбы.

- Не бойся за меня. - Он легонько щелкнул ее по носу. - Я демон. А теперь отдыхай, Настя.

Граф наклонился, поцеловал ее в лоб, и девушка тут же уснула.

Едва она отключилась, миролюбивое и спокойное лицо демона исказилось от еле сдерживаемого гнева. Ему срочно нужно было поговорить с Матерью.

Едва граф Виттури оказался в гостиной своего особняка, он бросил в яркий огонь, гудевший в камине, щепотку земли из Настиного леса. И сел ждать, крутя в бокале виски со льдом.

Старуха заставила себя ждать. Явилась только через четверть часа, уродливая, как всегда, с трубкой в почти беззубом рту. Она сидела в языках пламени и попыхивала лесными травами.

- Чего тебе?

- Что ты с ней сделала, старая ведьма? - Демон в ожидании старушечки весь почернел от злости. - Я привел ее в лес, чтобы она почерпнула силы и храбрости, думал, ты лишь это дашь ей.

Старуха визгливо расхохоталась и пригрозила ему костлявым пальцем с длинным, загнутым и пожелтевшим ногтем:

- Что, думал, ты один такой умный, демон? И твой творец? Только я хитрее, древнее и злее вас всех. Ты сам мне ее подал на блюдечке, сам отдал! Ты был уверен, что я сделаю так, как ты хочешь, привык считать себя хозяином всех! Но ты просчитался!

- Зачем Азazelло вызвал ее, если не явился, не знаешь?

На лице старой ведьмы мелькнуло сомнение.

- Азazelло? Он-то здесь при чем?

- По его вине она провалилась в преисподнюю, а достать оттуда живого... Сама знаешь, чего мне это стоило.

- Ты спас ее, зная, что потеряешь много сил? - В голосе Матери Самаэль услышал радость. - Может, и Азazelло было интересно, насколько далеко ты зайдешь ради нее.

- Она слишком нужна нам, - уклончиво ответил он. - Так в чем дело? И что это за фокус с мечом?

- О, я приготовила немало сюрпризов для тебя, демон.

- Ты подписала ей смертный приговор.

- Ложь! Ты знал, что она обречена. Но теперь расстаться с ней труднее, не правда ли? Как отправить на смерть ту, от которой кипит кровь? Ты ведь этого испугался, Самаэль? Что земная тебя вдруг стала тревожить. Кошки-мышки с ней уже не так просты.

- Ведьма! - Демон выбросил руку вперед, но старая волчица оградила себя стеной из огня.

- Ты проклят, Самаэль! - захохотала она, и ее лицо стало еще уродливее во всполохах огня. - С ней сила Великой Матери, а древнее и притягательнее этой женщины нет никого на земле. Ты заплатишь за свою гордыню!

- Да что я сделал тебе? - Он вскочил, и всполохи света за его спиной четко очертили огромные крылья на стене.

- Защищал тех, кто разрушает мое! Заступился за людей! Теперь человек тебе отравит жизнь, девчонка встанет костью в горле!

- Убить их было капризом, я не позволил уничтожить его творение...

- Капризом? - Глаза Матери злобно вспыхнули. - Люди уничтожили природу, духов, по их вине появилась Ноктурна. От людей одни беды! Надо было ему убить их, как я велела, а не слушать тебя. Но ты еще наплачешься, Самаэль. Обещаю!

- Будь ты проклята! - Демон выплеснул содержимое бокала в огонь. Ведьма с хохотом исчезла.

Алкоголь вспыхнул, а от льда пламя зашипело словно от боли.

Самаэль от ярости еле сдерживался, чтобы не призвать Тьму. Он совершил ошибку. А платить будет Настя.

Глава 4

Из дневника Насти

С графом Виттури творится что-то странное. Смотрит на меня волком, огрызается, демонстративно уходит, едва прихожу в агентство. Ну что за странный тип! А так хочется поговорить с ним о том, что произошло, что они все имеют в виду, когда говорят, что я земная? Явно не то, что я по земле хожу. Почему загорелся мой меч? И что делать теперь, когда мы знаем, что Ноктурна наращивает силу, отыскивая артефакты, в которых она заключена?

Цезарь с Сержем и Итсаску уехали, как только стало известно, что украденный в США артефакт был замечен в Ирландии. Его можно активировать возле каких-то камней, ребята из агентства в Великобритании тоже сейчас там, пытаются найти воров и отбить у них артефакт.

Лика и Диего много времени проводят со мной в агентстве. Джонни, Ильвир и Рита больше в особняке графа ошиваются. Мы ищем следы второй картины художника. Если найти ее раньше Ноктурны и уничтожить, это нанесет урон ее силе. Но пока следов почти никаких не найдено.

Я подумала, что если поискать в реестрах произведений искусства, которые любили составлять раньше, то, может, наткнемся на эту картину, уж очень она необычная. Но пока просмотры реестров Вены и Берлина (Джонни), Флоренции и Венеции (я), Парижа и Мадрида (Лика) результатов не дали. А их много, очень много, есть даже частные. Но больше идей нет. Итсаску излазила весь интернет, в современных реестрах эта картина не упоминается. Так что мы смотрим старинные, Джонни даже на три дня в Берлин летал ради одного такого. Но пока ничего.

Диего книжные копания не любит совершенно, но в отсутствие Итсаску на нем связь, и он почти все время у компьютера и что-нибудь жует, переписываясь с ребятами и другими агентствами. А потом все выключает и тащит нас с Ликой в спортзал.

Ильвир на днях улучил момент, когда я сидела в кабинете у Цезаря одна. Карлик вошел, осторожно закрыл дверь и неуклюже забрался ко мне на диван.

- Настя, нам надо поговорить.

У него одно веко чуть больше опущено, чем другое, он такой рыжеватый и неуклюжий. По выражению лица никогда не понять, о чем он думает.

- Я должен попросить у тебя прощения за тот день, когда Локи... ну, ты понимаешь.

Он даже не мог произнести «вырвал Рите сердце». Его лицо дернулось от нервного спазма.

- Все в порядке, Ильвир, честно.

- Ты не понимаешь, я так глупо поступил. Ты ведь совсем не виновата, что Кали наложила на тебя проклятие. Но тогда, когда ты вошла, мне было очень больно. Я ведь думал... что потерял...

Я с болью смотрела, как он сжимает маленькие руки. Просто удивительно, что Рита - его дочь.

- Я бы тоже была в панике, - мягко ответила я.

- Рита все для меня. Сама понимаешь.

- Понимаю.

- Значит, друзья? - Ильвир чуть наклонил голову набок.

- Конечно. - Я улыбнулась ему. - Я правда не обижалась, Ильвир. И я рада, что с Ритой все в порядке.

- Слава богам...

- Ильвир, ты в оружии разбираешься лучше, чем я. Мой меч в Аду вспыхнул огнем, когда я сражалась с Белиалом. Это какая-то реакция на демона?

Ильвир нахмурился:

- Покажи-ка меч.

Я сходила за оружием и положила его между нами на диван. Ильвир поиграл с отражением света на клинке, провел ладонью по украшавшим его гарду ставам.

- Я помню этот меч. Нет, тут обычные охранки, берегающие бойца от случайных ран. И сплав

самый обычный. Дело не в мече.

Он посмотрел на меня. Один глаз из-за опущенного века казался задумчиво-ироничным, а второй – обычным. Я отвела взгляд. Значит, дело в посвящении. Что-то со мной старуха сделала. Что-то хорошее? Или мне придется за это заплатить?

– Знаешь, Настя, – Ильвир чуть дотронулся до меня ладонью, – чем больше я узнаю тебя, тем больше убеждаюсь, что ты не просто говорящая с призраками. Ты как этот меч: обычная с виду, с определенными способностями, но внезапно вспыхивающая внутренним огнем. Ты спасла не только мою дочь. Спасла Локи, Диего, а ведь они сами по себе сильнее и могущественнее тебя. И все же... именно ты веришь в каждого из нас так сильно, что становишься сильнее ради нас. Это удивительно. Это то, что восхищает меня в тебе. Ты очень сильная духом.

– Боюсь, что ты переоцениваешь меня, Ильвир. Не такая уж я сильная.

– А мы еще посмотрим. – Он подмигнул мне обычным глазом. – Посмотрим.

Вчера, пока мы корпели над реестром, пришедшим из Лиссабона, вошла Рита, села напротив (мы в кабинете Цезаря вокруг его стола сидели вчетвером: Джонни, Диего, Лика и я) на диван и, пока мы читали каждый по столбцу на странице, смотрела на нас. Рита хороша: в расклешенных брюках, жакете с эффектным поясом, подчеркивающим ее осиную талию, широкополой шляпе, из-под которой каскадом падают уложенные рыжие волосы... Джонни заметно занервничал с ее появлением. Интересно, у них что-то было? Ведь Джонни немало времени провел с Ритой, а она так и излучает искушение, даром что ведьма. Но Джонни – демон. И граф Виттури...

Усилием воли заставила себя вчитаться в старинный текст, португальский, написанный от руки, он был почти непонятен, но мы надеялись, что найдем хоть что-то, отдаленно напоминающее описание картины с демонессой. После посвящения мне стало легче переключаться с мысли о графе на другие, как же я была за это благодарна старой ведьме!

– Уф, – Лика потянулась, – в моем столбце ничего. Пойду сварю нам всем какао.

Какао Лика делала невероятно вкусный: с палочкой корицы и воздушными облачками зефирок, которые выпекала сама. Я даже уговорила ее часть отдавать в наше кафе: вкуснее зефирок ангела я ничего не нашла. Пепе с энтузиазмом отнесся к лакомству: мы подавали по одной штучке с чашечкой кофе.

Когда ангел вышла, Рита отложила журнал с глянцевыми картинками, поднялась и подошла к столу.

– Мальчики, если не возражаете, нам с Настей надо поговорить.

Мальчики не возражали. Слегка разочарованные, что не они вызвали у Риты интерес, они вышли, прикрыв за собой дверь кабинета.

– Настя, что с графом Виттури? – огорошила меня Рита.

– В каком смысле?

– Он какой-то... странный.

– Он демон, Рита, нормальным он не был никогда, – попыталась отшутиться я. В зеленых глазах Риты не было ничего похожего на смех, а вот желания испепелить меня хоть отбавляй. – И вообще, чего ты меня спрашиваешь? Я его почти не вижу.

– Почти не видишь? – Рита просканировала меня с головы до пят. – Ты знаешь, что ночами он сидит на карнизе твоего окна?

– Что?!

Рита пожалела, что ляпнула это. Мое сердце подпрыгнуло, застучало как бешеное. Он так близко каждую ночь! А я его не чувствовала совсем. Ему удалось порвать нашу связь? Тогда зачем ему мой карниз?

Разум проснулся чуть позже: да утомонись, идиотка. Джонни просто больше тебя не сторожит, вот графу и приходится тебя охранять. Ты же сосуд, полный питательной крови для Ноктурны. «Чаша Грааля», – вспомнились слова говорящего с призраками. Я передернула плечами.

– Я не говорила с графом. Не знаю, что тебе сказать, Рита.

Красавица ведьма недовольно хмыкнула. Вошла Лика с подносом, за ней просочились Джонни и Диего. Минут десять мы сидели на диване и болтали. Потом снова взялись за работу. Рита прошла в свой кабинет этажом ниже, у нас там были еще помещения, соединенные с этажом агентства винтовой лестницей, но в основном складские, а также небольшая квартирка Цезаря.

Рита облюбовала себе маленькую каморку, и теперь там висели сухие травы и стояли колбы с жидкостями и веществами неизвестного происхождения. Мы к ней не лезли, да и ведьма сама закрывалась, пуская только Ильвира.

- Возможно, вот это? - Лика провела пальцем по одной из строк. - Упоминается, что в 1756 году в Лиссабон было привезено десять картин, уцелевших при пожаре в доминиканском монастыре в Гимарайнше. Вот здесь: «Успение Девы Марии», «Святой Фома Аквинский»... вот! «И весьма мерзкого вида картина с демоном в образе женщины». Возвращены девять картин, одну оставили в хранилище.

- Значит, картина в Португалии? - уточнил Джонни.

- Мы не дошли до реестра исходящих картин.

- Так давайте его откроем. Найдем дату возвращения картин монастырю. - Диего взялся за старые листы реестра.

- Восьмого октября 1756 года, - сказала Лика, проверив запись, - тут прямо на полях пометка.

- Значит, восьмого октября. Читать начнем с этого момента.

- А вдруг это не наша картина? - Я задумчиво обняла ладонями еще горячую чашку какао.

- Надо проверить любую зацепку. - Джонни покрутил фенечки на запястьях. - Ноктурна не должна добраться до нее первой.

Чихнув от пыли, поднявшейся от перелистывания реестра, я отошла к окну и взглянула на Барселону. Город был залит весенним солнцем. Небо было чистым, без облаков. Самое оно, чтобы гулять, а не копать в реестрах таких давнишних, что найти что-либо в них все равно что иголку в стог сена отыскать.

- Нашел! - Диего ткнул пальцем в страницу. - Брат Ансельм увозит с собой шесть Евангелий в окладах и три картины: «Крещение Иоанна», «Мученичество Святой Лучии» и на дознание картину с богомерзкой жрицей сатаны.

- А куда увозит? - Лика нетерпеливо тряхнула золотыми кудрями.

- Неизвестно. - Диего с досадой выругался. - Опять тупик. И может, не наша картина вовсе.

- Погоди... - Лика задумчиво покрутила пресс-папье Цезаря. - У каждого монастыря своя летопись, хозяйственные книги. Возможно, если здесь не написано, куда отбыл брат Ансельм, то найдем что-нибудь в летописи самого монастыря в Лиссабоне?

- Но у нас ее нет. - Диего сверкнул глазами, облизал пухлые губы и тут же повеселел: - Значит, едем в Португалию!

- Погоди веселиться, - обрезал его Джонни, - сначала Старику эту новость сообщи, посмотрим, кого он пошлет.

- Да и не надо, может, ехать, кажется, в Лиссабоне есть агентство или агент? - Лика пощелкала пальцами, пытаясь вспомнить. - Педро, по-моему. Я сейчас сверюсь с базой!

Ангел унеслась на свое рабочее место.

Я переглянулась с Диего. Оборотень по-прежнему недолюбливал Джонни, и между парнями постоянно чувствовалось противостояние. Они даже внешне были такими антиподами, что объединить их в команду казалось невозможным. Может, и лучше, если есть возможность связаться с агентом в Португалии. Если бы граф отправил этих двоих на задание, не исключено, что они от монастыря камня на камне бы не оставили. В то, что мне поездка не светит, я верила абсолютно. Не тот сейчас момент, чтобы отдаляться от графа Виттури: мою кровушку могут снова возжелать силы тьмы. Сосуд следовало охранять и хранить. Иногда ощущать себя пробиркой с лекарством для Ноктурны было противно. И как она на меня в аду не набросилась? Удивительно. Похоже, пока по моей крови гуляло зелье Риты, я была невкусной?

Агент Педро нашелся, мы связались с ним по скайпу. Он как раз водил по Лиссабону группу туристов, поэтому отослал их осматривать церковь, а сам сел в тени храма на ступени и включил видеосвязь.

- Вы хотите, чтобы я выяснил, куда ездил монах? Без проблем! - Загорелый парень с кудрявой шевелюрой широко улыбнулся в камеру. - А когда нужно?

- Сегодня. Сможешь? - Диего напряженно вглядывался в экран монитора.

- Вот только отведу группу к крепости и помчусь выяснять.

Он помахал нам и отключился.

- Я его никогда не видел на балах, - отметил Диего.

- Он новенький, как и Настя, только присоединился в начале прошлого года. И он не может покидать Лиссабон.

- Почему?

Лица улыбнулась мне, и ее синие глаза озорно свернули.

- Он что-то типа домового, только в городском масштабе.

- А такие бывают?

- Бывают.

- А домовые? - Я вспомнила про хриплое дыхание под своей дверью.

- И домовые бывают. Но они не любят показываться. А вот... городничие, они любят людей водить по городу, рассказывать. Каждый из нас с такими встречался: их просишь дорогу показать, а они целую экскурсию проведут.

Городничий Педро позвонил нам поздно вечером, когда мы уже расходились из агентства: брат Ансельм, судя по записям, уехал в Ватикан.

Демон с презрением и отрешенностью смотрел на ночной город. Он слышал мелкие желания, глупые мысли, которые царили вечером на улицах Барселоны. Иногда он с секундным интересом поворачивал голову вслед чему-то интересному, мелькавшему среди всеобщего моря плоских страстей. Люди. Обычные люди. Как всегда, мало горящих сердец, беспокойных умов, сомневающихся и мятежных душ. Как же ему нравилось вылавливать в общем океане таких людей. Пестовать и развивать. Ощущать, что все было не напрасно, если есть они. Их мало, но какое счастье пройти с ними их короткий путь. Ловец душ, искатель умов. Это была его страсть. Люди. Умные и увлеченные своим делом.

Душа, которая в числе прочих пряталась за окном, на карнизе которого он сидел, росла и могла стать сильной. Он ощущал, как она раскрывается, словно бутон, медленно разворачивает лепестки своих способностей. Только бы успеть насладиться ее цветением, привести ее к исполнению начертанного. Реализовать ее.

Настя...

Демон закрыл глаза, словно свет фонарей стал вдруг болезненным.

Он всерьез опасался за девушку. Старая Мать что-то сделала с ней, предстоит выяснить, что именно. Кулон, подаренный ей, тоже беспокоил. Он не думал, что все будет так сложно. Казалось, девчонка пожертвует собой, умрет героем, спасая человечество. Он думал, что возвращает в ней самопожертвование и героизм, храбрость и решительность. А теперь... все становилось сложнее. В игру, затеянную темными силами, вступило слишком много участников, и он не способен контролировать ее ход. Настя в опасности. Она может не дойти до своего момента реализации, они разыграют ее, как пешку.

Если только...

Нахмуренный лоб демона внезапно расслабился. Возможно... все вовсе не так плохо. Надо только повернуть ситуацию в свою пользу. Когда противников слишком много, они легко могут проиграть, если правильно столкнуть их друг с другом.

Окно внезапно отворилось, и Настя в своей детской ночной рубашке, с русой косой на плече выглянула наружу. Дитя человеческое потянулось к нему с таким доверием и нежностью, что демон сам не понял, как ответил на объятие, только внезапно Настя оказалась в его руках, лицом зарылась в его рубашку. Под тонкой тканью ночнушки тепло ее тела на его ладонях было невероятно приятным. Он почему-то вспомнил, как держал однажды на руках спящего младенца в

тонких батистовых простынях. Маленького мальчика с золотыми волосами. Будущего короля. Тогда хрупкость человеческого тела и доверчивость, с которой младенец продолжал спать, наполнили его тоской и горечью.

- Почему не спишь? - ласково спросил он.

- А ты?

- Демоны не спят, малышка. Иди отдыхай. И не бойся, я рядом.

- Посиди со мной.

Она потянула его в спальню. Наивное дитя, он читал ее мимолетные, спутанные желания и мысли, но не замечал в них прежней одержимости. Хоть что-то старуха-ведьма сделала верно. Подчиняясь мгновенному порыву, он взял Настю за руку и заставил кружиться по комнате. Послушно, прикрыв глаза словно в полусне, она подчинялась ему с такой легкостью, так грациозно двигалась, будто была не человеком, а легкой, воздушной сильфидой. Потом он прижал ее к себе, медленно повел в танце, уткнулся носом в русую макушку. Она пахла цветами, травами, детством.

Ему стало невероятно хорошо от контакта с ней. Казалось, прибавлялось энергии и мощи, как если бы в ней был источник его сил. А ведь он столько их потратил на то, чтобы достать ее из преисподней... Она молчала, и он был благодарен за это. С животным торжеством он ощущал бешеный прилив сил от единения с ней. Наклонил в объятии, скользнул рукой с талии на бедро, золотистый свет, исходящий от нее, тянулся к нему. Он кружил ее на расстоянии вытянутой руки, и искры разлетались в стороны. Удивительно. Эта связь, что появилась еще в Венеции во время танца, становилась сильнее с каждой их встречей. Кто же она для него?

Жар от его ладоней вдруг пошел по всему телу, и это тепло превратилось в ощущение легкости. Настолько, что она почувствовала, как ноги отрываются от пола. Испугавшись, она прервала танец и оглянулась: они висели в воздухе. Если поднимет руку, коснется потолка.

- Мы... - Она испуганно вцепилась в него.

- Мы. Ты не бойся, не упадешь. Веришь? - Он улыбался в темноте. Его голос мягкими волнами омывал ее сознание, мурашки ползли по спине от каждого бархатистого переката.

- Нет, - сказала она. И засмеялась. - Странное чувство.

Он отодвинул ее от себя, она судорожно вцепилась в его руки.

- Я упаду!

- Нет, - он улыбался, в тысячу раз более красивый, чем прежде, - просто отпусти меня сама. Ты не упадешь. Я обещаю.

Ее переполнял восторг и ужас. Наверно, так люди чувствуют себя, оказавшись с газовым баллоном под водой. Вроде как понимаешь, что можешь дышать, но твой мозг вопит совсем о другом, что ты умрешь, если вдохнешь, ведь вокруг вода. Но легкость была невероятной, и она не висла на его руках, а самостоятельно парила в воздухе и держала его за руки. Медленно она оторвала одну руку от него с опаской, не веря самой себе, что делает это.

- Теперь вторую.

Настя смеялась от страха и восторга, и от этого сумасшедшего смещения чувств ей казалось, она потеряла связь с реальностью. Когда решилась, скользнув по его руке ладонью, оторваться от него, в глазах демона блеснуло восхищение.

- Господи боже мой! Я могу! - Она стояла широко расставив руки и покачивалась от неуверенности. Он засмеялся, потом приблизился и крепко обнял. Их тела в воздухе переплелись совсем тесно, и они выплыли в окно. Испуганно спрятав лицо у него на груди, Настя улыбалась от счастья.

- Смотри!

Она повернулась и посмотрела вниз: они летели над ночной Барселоной. Квадратики района Эшампле, пересекающий весь город проспект Диагональ, собор Святого Семейства, черной массой - море с огнями кораблей...

- Как красиво! - В его руках, словно в колыбели, она смотрела на город, ветер обдувал их, но холода не было, кровь в венах, казалось, бурлила, колело кончики пальцев, было жарко. Он прижимал свое лицо к ее горячей щеке, шептал ей на ухо легенды города, а потом она посмотрела в небо, где

тысячи звезд вспыхнули ярко на небосклоне, и неожиданно они показались рассыпанными на небе, как на черном бархате, бриллиантами. Протянула к ним руку, так хотелось дотронуться, собрать их, построить новый узор.

- Какой красивый этот мир...

- Пока его не разрушили, он твой.

- Не разрушат, никогда не разрушат. Мы же не дадим?

- Да, дитя, - улыбался он, - не дадим.

В объятиях демона она полностью доверилась ему, была хрупкой, слабой, незначительной по сравнению с его телом и силой. В нем ощущалась масса тьмы, необратимая и мощная. И все же что-то тянуло ее к нему, необъяснимо притягивало в солнечном сплетении. Ей казалось, что в самой сердцевине мрака есть пламя огня. Свет дрожащий и хлипкий среди давящей неохватности тьмы, но неистребимый, негасимый веками и тысячелетиями. Там внутри горело и пульсировало пламя Прометея и Данко. Свет, о котором он вспоминал, обращаясь к ней, на самом деле горел и трепетал в нем, а ее тянуло к этому свету, как доверчивого мотылька.

С девушкой на руках демон прошел к кровати, по дороге погружая ее в сон. Склонившись над ней, уже крепко спящей, он провел нежно ладонью по ее щеке. Говорящая с призраками. Посвященная Великой Матерью Волчицей. Избранная жена. Все это было не то, совсем не то. Дитя человеческое, чистая душа. Вот кем она была. И до самого ее конца он будет тянуться к ней, ведь чистые души делают демона сильнее и могущественнее.

В кафе с утра было очень много посетителей, но, несмотря на то что спала она мало, Настя чувствовала себя отдохнувшей. И невероятно счастливой.

- Кофе прекрасный, с перчинкой, - кивнул Пепе, отпив из чашки во время своего перерыва. - А я купил настоящие турки и поднос с песком, буду делать кофе по-турецки, но только особенным посетителям.

- А мне сделаешь? - загорелась Настя.

- Может быть, может быть, - с загадочным видом подмигнул ей Пепе.

В кафе зашла заплаканная девушка, машинально взяла салфетку со стола, попыталась вытереть зареванное лицо.

- Туалет вот здесь. - Настя вышла из-за стойки и проводила посетительницу. - Там есть бумажные полотенца.

- Спасибо. - Дверь за девушкой закрылась, и раздались всхлипы и рыдания.

Пепе поправил очки на носу, встретился взглядом с Настей и улыбнулся:

- Сделай ей кофе, Настя. С корицей. Молоко обезжиренное, и не слишком взбивай его в пену.

- Есть.

Когда девушка вышла, Пепе поставил чашку на столик.

- Садитесь, отдохните.

- Я не хочу, спасибо. - Девушка все еще всхлипывала.

- Садитесь, - настоял Пепе и отодвинул стул. - Мы угощаем.

Девушка села, пододвинула чашку к себе.

- Спасибо.

- И кто бы он ни был, знаете, он вас недостойн. - Пепе поставил перед ней вазочку с зефирками. - И плакать по нему не стоит.

- Просто все так неожиданно. - Слезы опять потекли по лицу.

- Ничего, - похлопал ее по руке Пепе, - время лечит.

Она пила кофе и успокаивалась. Настя украдкой наблюдала, как подсыхают слезы, как улыбка

появляется на лице, когда зефирка касается языка и тает на нем.

Пепе, как никто, умел успокаивать. Ему доверяешь как дедушке, как доброму волшебнику из сказки. И когда девушка поднялась и поблагодарила, она уже не была угнетена и расстроена. И Настя за нее была рада.

- Она наверняка вернется, кажется, зефир ей очень понравился, - глядя ей вслед, сказал Пепе.

Настя улыбнулась. Посетители действительно возвращались очень часто. Вот такие, которые оказывались в кафе у Пепе случайно.

После работы в кафе ее встретил Диего, и они вместе отправились в агентство на совещание.

- Итак, Ватикан... - Граф Виттури обвел всех суровым взглядом. - Уверен, что если картина там осталась, то ее не выставляют в музее.

- Но в хранилище Ватикана простому смертному не попасть, - возразил Джонни.

- Простому, конечно, нет, - усмехнулся граф.

- Вы же туда не можете войти? - уточнила Настя.

В глазах графа Виттури засверкали золотистые искры смеха.

- Это еще почему?

- Ну, потому что... - Настя не была уверена, как правильно обозначить графа, но демона в святая святых католической церкви представить было невозможно.

- У графа Виттури там старые знакомые, - промурлыкала Рита.

- Но попасть в Ватикан - это одно. А вот добраться до хранилища - это совсем другое. Мне понадобится команда. Лика?

- Да, конечно. - Лика аж вся засветилась от удовольствия.

- Я с удовольствием поеду, граф, - обратился к Виттури Диего и вовремя спохватился: - Если пригласите.

Что-то похожее на раздражение мелькнуло в черных зрачках графа Виттури.

- Не сомневаюсь, - процедил он.

- А Настя? - сверкнул зелеными глазами оборотень.

- Настю придется взять с собой, - кивнул граф. - Я не могу ее оставить.

- Почему же, граф, мы с папой за ней присмотрим. - Рита была само очарование, грациозная, мягкая, но дикая кошка. Однако граф не поддался ее чарам.

- Нет. Я присмотрю за ней сам, - отрезал он. - И Ильвир поедет с нами. Джонни и ты, Рита, останетесь здесь для связи.

- Я и не собиралась ехать в Ватикан, - пожала плечами Рита. - Не очень-то там ведьмам рады.

- Почему я должен остаться? - Джонни недовольно смерил взглядом Диего.

- Потому что я так решил. Пока Серж, Итсаску и Цезарь не вернутся, здесь должно быть два агента. И вы с Ритой справитесь.

Джонни хотел было что-то добавить, но потом передумал, опустил голову, пригладил светлую бороду и слегка усмехнулся. Словно понял, к чему клонит граф.

Ильвир ждал в аэропорту, нервно поправляя лямки рюкзака: он любил путешествовать налегке. Оставляя Риту после того, как он чуть было не потерял свою единственную дочь, не хотелось, но граф Виттури был непреклонен. Да и карлик сам понимал, что нужнее в Ватикане, чем в Барселоне.

Повернувшись, он увидел, как к нему идут агенты с графом. Зрелище было потрясающее: справа от графа шла Лика в идеально сидящем черном комбинезоне, заправленном в высокие сапоги на каблучке. Золотистые волосы уложены в локоны. За спиной колчан и убранный в футляр лук, за собой ангел везла маленький серебристый чемодан. Граф Виттури шел рядом с ней в белой рубашке

и черной кожаной куртке, красивый мерзавец, за спину небрежно перекинута длинная сумка: наверняка и мечи вошли, и вещи. Диего был, как всегда, одет шикарно, как будто собирался фотографироваться на обложку мужского журнала мод. За собой оборотень вез два маленьких чемодана: свой и Насти. Она шла возле него: золотисто-русая коса через плечо, тоже в брючном коричневом костюме, только кожаном, с широким поясом. Сумка с мечом за спиной, и ей явно не по себе от внимания, которое вся эта группа привлекает к себе. А выглядели они вместе очень эффектно, их провожали взглядами, пока они шли по длинному залу вылетов.

Впятером они подошли к одному из выходов, на котором светилась надпись: «РИМ».

- Странно, больше никого нет, - заметила Настя.

- Ничего странного, мы летим на очень маленьком самолете, - подмигнул ей Ильвир.

Граф Виттури молча протянул свой посадочный бортпроводнице.

Самолет был действительно маленьким, но очень уютным. Вещи они сложили в специальный отсек в салоне. Насте было не по себе: она ни разу не летала на частных самолетах. Лика взяла ее за руку, и девушка расслабилась. Полет прошел незаметно: Лика, Диего и Настя болтали обо всем на свете, пока Ильвир и граф Виттури переговаривались вполголоса о чем-то очень важном, судя по тому, как напряженно Ильвир тер лоб и хмурился.

Новое приключение наполняло кровь адреналином. С тех пор как Настя стала работать в агентстве, покой стал казаться ей чем-то далеким и недостижимым. Иные города, призраки, демоны, оборотни, вампиры... И растущая угроза в виде возрождения Ноктурны... В это верилось с трудом, несмотря на все, что она видела. Единственные, кто вселял в нее покой, - ее друзья. Она была уверена в их поддержке. Только это чувство крепкой дружбы давало надежду на будущее: ведь пока есть верные друзья, можно преодолеть многие беды.

Глава 5

Рим в апреле чудесен. Было очень тепло, даже жарко, когда они вышли из аэропорта. Их встретил бледный и худой Луиджи – один из агентов. Он низко поклонился графу Виттури, молча погрузил все вещи в машину. Настя смотрела в окно по дороге и наслаждалась: Рим разворачивал перед ней свою многовековую историю, щедро делился красотой зданий и площадей. Они проехали вдоль набережной Тибра, свернули в узкие улочки исторического центра и остановились у привлекательного особняка. Выгрузив их, Луиджи уехал ставить машину в гараж, двери распахнулись, и на пороге их встретил вышколенный дворецкий. Настя оробела: в музей они пришли или в агентство? Но оказалось, то был особняк графа.

В холле дворецкий поднес графу на серебряном подносе конверт. Граф распечатал его специальным ножом, развернул и стал читать. Потом небрежно бросил бумагу на поднос и повернулся к своим спутникам. Его манеры вдруг стали такими волнующе элегантными, каждое движение – театральное, словно он окунулся в новое окружение, которое преклонялось перед ним, и чувствовал себя королем.

– Отдохните с дороги, – велел он своим спутникам. – На обед вас позовут. Вечером у нас небольшое мероприятие.

Ильвир первым пошел вслед за дворецким по лестнице вверх. Особняк был такой шикарный, что Настя робела и боялась что-либо трогать: такое ощущение, что она в царском дворце. Комната, которую ей выделили, была уютной, но тоже слишком шикарной: кровать под шелковым балдахином, огромное трехстворчатое зеркало и красивый туалетный столик, мягкое кресло с обивкой в цвет балдахину. Спустя некоторое время в дверь постучали. Настя как раз заканчивала развешивать свои немногочисленные вещи в шкафу.

Вошел слуга, в руках у него были четыре коробки, поставленные друг на друга.

– Господин граф просит переодеться к ужину. – С поклоном он поставил коробки на постель и ретировался.

Настя открыла первую коробочку, самую маленькую, в ней лежали длинные атласные перчатки зеленого цвета с тонкой золотистой вышивкой.

Она открыла следующую коробку: туфельки. В третьей коробке было вечернее платье с вырезом, открывающим плечи. Золотая вышивка на лифе повторяла узор перчаток. Все было подобрано со вкусом, и платье пришлось ей впору. В четвертой была накидка. В этот момент вошла Лика в синем с серебром платье.

– Куда мы такие пойдем? – спросила Настя.

Лика пожала плечами:

– Куда бы он ни повел, Настя, мы пойдем за ним. Дай я тебя причешу.

Диего ждал у лестницы в холле, одетый в смокинг. Лика и Настя были прекрасны: элегантные, соблазнительно шикарные в вечерних платьях и подобранных под них легких накидках. Настя застенчиво улыбалась, спускаясь к нему навстречу. Когда ее рука в перчатке легла в его ладонь, парень довольно улыбнулся.

– Лика. – Граф Виттури предложил ангелу руку. Лика, смеясь, обвила ее своей, затянутой в серебристую перчатку.

На выходе их уже ждал Луиджи.

– Куда мы едем? – Настя с любопытством смотрела в окно на огни вечернего Рима.

– Так... небольшой визит вежливости к знакомым. – Граф Виттури был в тот вечер тоже в смокинге и, к удивлению Насти, смотрелся в нем гармонично.

– А Ильвир?

– У него большое домашнее задание, – откликнулся граф.

Когда она выходила из машины, он опередил Диего, и Настя с удовольствием взяла его под руку. Они находились перед великолепным особняком, окруженным садом. Все окна горели светом, то и дело подъезжали машины с элегантно одетыми людьми, через открытые двери холла доносилась музыка. Сердце Насти часто колотилось от волнения.

Они вошли, и дыхание захватило от золотого света, хрустальных люстр и светлых мраморных полов.

Пространство холла было огромным.

- Вы позволите? - Насмешливый голос графа вернул ее в реальность. Она расстегнула брошь на накидке, и та плавно соскользнула с плеч. Граф подхватил ее, не удержался, наклонился ниже, к уху девушки, и проворковал:

- Этот вырез тебе очень идет, Настя. - Кончиками пальцев он чуть коснулся ее плеча.

Этот голос заставлял умирать и рождаться вновь. Настя задохнулась от удовольствия, когда пальцы графа скользнули от шеи к плечу. Касание было мимолетным, незаметным для остальных, но в ней оно пробудило горящую лаву, которая теперь обжигала кожу, придавала щекам румянец, а глазам азартный блеск.

Так-то лучше. Он бросил накидку дворецкому и повел Настю дальше. Она и впрямь была чудо как хороша. Румянец, опаливший щеки, прекрасно сочетался с белой кожей и зеленой тканью платья. Глаза с грустинкой манили и притягивали как омуты. Губы тоже стали алее, словно он перед этим целовал ее. Полуобнаженные плечи и высокая прическа придавали королевский вид, а рядом с ним, он знал, она ощущала себя королевой. И пусть все взгляды сначала притягивает яркая Лика, в Насте есть своя сокровенная, глубинная красота, которая волнует и чарует постепенно.

Прощальный подарок старой ведьмы.

Настя чувствовала, как по ней скользят взгляды гостей. Это было неприятное ощущение: взгляды то раздевали, то оценивали, то презирали, то восхищались, но она неизменно чувствовала себя выставленной напоказ, чуть ли не обнаженной.

- Никого не бойся, Настя. Я вырву сердце любому, кто тебя обидит.

Она испуганно вздрогнула и посмотрела на графа.

- Шутка, - ухмыльнулся он. - Пойдем поздороваемся с хозяйкой.

Они прошли в соседний зал.

- Граф Микиелли Виттури со спутницей, - громко провозгласил один из распорядителей праздника.

Настя восхищалась элегантностью, с которой граф подвел ее к хозяевам, которые, судя по их надменным лицам, были или считали себя знатью. Но при виде графа напускное ушло с их лиц, сменившись подобострастием и восхищением. Женщины пытались привлечь его внимание, мужчины - развеселить. Но граф, быстро закончив светский разговор, увильнул от расспросов о личности Насти, которая лишь стояла рядом с ним, мило улыбаясь, отвел хозяйку в сторону и, поцеловав ей руку так, что дородная дама вспыхнула, спросил:

- А что, княгиня Долгорукая еще гостит у вас?

- Гостит, но совсем расхворалась, к нам не спустится.

- Как жаль. Мне бы хотелось с ней повидаться. Можем ли мы подняться к ней?

- Право, не знаю, граф, - засомневалась хозяйка. - Я пошлю спросить. Но как представить вашу спутницу?

- Скажите, что это ее соотечественница. Со своей собственной тайной, - подмигнул граф.

Хозяйка отошла.

Настя спросила:

- Во что вы играете, граф?

- Тише, милая. Улыбайтесь. На вашем личике не должно быть и тени заботы. - Он шутливо коснулся ее подбородка.

- А Лика и Диего? - Насте вдруг стало стыдно, что, увлеченная очарованием демона не менее, чем остальные, она забыла о друзьях.

- У них свое домашнее задание, а у нас свое. Пойдем. - Граф увидел появившуюся наверху лестницы хозяйку и потянул Настю за собой.

Диего забрал из протянутой руки хозяина особняка ключ.

- Благодарю, - его зеленые глаза насмешливо сверкнули, - теперь вы заснете, проснетесь, когда я

вам велю, и забудете все, что происходило с того момента, как вы увидели очаровательную блондинку и решили за ней приударить. Она от вас ускользнула под руку со своим парнем.

Лица хмыкнула. Ей не понравился план с самого начала: ангел не может обманывать, но ей этого и не понадобилось, стоило просто улыбнуться хозяину без тени кокетства, как тот решил приударить за девушкой. Дальше было просто: он сам предложил посмотреть картину Рембрандта, которая висела у него в кабинете. Диего лишь нужно было последовать за ними, ввести в транс хозяина, заставить его открыть потайной сейф и вытащить ключ от подвала особняка.

- У нас мало времени, его могут хватиться, пойдём. - Диего взял Лику за руку.

- Почему ты сейчас его не отпустишь?

- А потом как мы вернем ключ на место? Ты запомнила код?

Лица помотала головой.

- Тогда пойдём.

Следовать за Диего было легко. От него исходила уверенность в себе и сила.

- Я не хочу так надолго оставлять Настю в руках графа.

Лица про себя подумала, что граф, если бы захотел, уже давно подчинил бы себе Настю. Нет, она ему нужна явно для иной цели. И то, что он так бережен с ней, с недавнего времени стало пугать Лику даже больше, чем если бы он воспользовался доверием и обожанием девушки. Уж кому, как не ей, знать, чем оборачивается привязанность высших созданий к людям. Только вот как быть с тем, что Насте отдали кулон избранной? Как быть с тем, что она прошла через посвящение?

Куда заманивает ее демон?

Вопросы... вопросы... и ни одного ответа. Они-то сначала с Цезарем боялись, что демон просто отнимет у Насти душу. Только теперь становилось страшнее оттого, что не отнимает, не разрушает, а словно хранит ее как ценную фигуру для решительного шага в конце партии.

- Кажется, это здесь.

Диего остановился перед дверью и сунул ключ в замочную скважину. С трудом повернул его и открыл. В нос им ударил запах сырости и затхлости.

Лица достала из клатча фонарик и осветила: подвальная лестница уходила глубоко вниз.

- Скорее, - нетерпеливо поторопил ее Диего.

Проклиная высокие, пусть и устойчивые каблуки, Лица пошла вниз вслед за Диего. Ангел сама не могла понять, почему у нее было ощущение, что в этом подвале они с Диего не одни. Сырость была осязаемой. Иногда казалось, что некто прикасается к ней холодными пальцами. Жаль, она не взяла с собой оружия. С ним гораздо спокойнее.

Княгиня Долгорукая сидела в темном углу. Настя угадывала лишь уложенные буклями седые волосы, царственную осанку, сложенные на коленях руки и лицо, полное достоинства и строгости.

- Княгиня, как я рад снова вас видеть. - Граф элегантно поклонился и поцеловал протянутую ему морщинистую руку.

- Хватит паясничать, - мягко велела княгиня по-русски, голос был с легким акцентом, видимо, она выросла за границей.

Граф, к удивлению Насти, перешел на русский с легкостью.

- Что ж, тогда сразу к делу, - кивнул он.

- Подойди сюда, девочка.

Настя приблизилась, не зная, что делать. Как принято приветствовать княгиню, ей было неизвестно.

- Садись. - Палец княгини с матово блеснувшим перстнем показал на кресло напротив.

Настя села. Некоторое время она, не в силах поднять глаза на княгиню, изучала ее руки, очень изящные, несмотря на возраст. А княгиня изучала ее. Настя чувствовала, как взгляд скользит по ней, внимательный и анализирующий.

- И чего ты хочешь?

Вопрос был явно не к Насте.

- Я хочу знать, чем это все обернется. Я не сталкивался с подобным ранее.

- Я тоже. - Княгиня вздохнула. - Слышала, что возможно, чтобы Мать выбрала наставницу. Но это явно не тот случай. Наставницы не могут быть людьми, они перерождаются.

- Этого не произойдет? - Насте показалось, в голосе демона послышалась тревога.

- Нет, - покачала головой княгиня. - Она бы изменилась тут же, ты бы увидел. И перестала бы быть человеком. А это человек, совершенно определенно. - Старуха наклонилась к Насте и взяла ее за руку. - И еще совсем дитя. Как же так? - усмехнулась она.

- Княгиня, вы обо мне крайне плохого мнения, - засмеялся демон за спиной Насти.

Глаза княгини озорно блеснули.

- Я не в старческом маразме, граф, прекрасно помню, как вы наставили рога моему жениху.

- Не удержался, - ухмыльнулся граф. - Вы чудо как хороши, княгиня.

- Была.

- Для меня вы хороши всегда.

Княгиня не ответила, вздохнула и выдвинула ящичек в столе.

Когда она достала колоду старых и потрепанных карт, Насте стало не по себе. Мысленно она окрестила княгиню Долгорукую Пиковой дамой, едва вошла в ее будуар. А теперь с картами в руках, после разговора княгиня и вовсе казалась настоящей ведьмой, пусть и весьма аристократичного вида.

Насте безумно хотелось взбрыкнуть, расспросить, что все это значит, только не могла: в княгине было столько очарования и достоинства, что хотелось сидеть смиренно и слушать этот странный разговор. А еще смотреть, как мерцают перстни на руках, пока княгиня мешает карты.

- Сними. - Княгиня придвинула к ней колоду.

Настя послушно сдвинула примерно середину стопки.

- Зачем ты вообще ее повел к Матери? - спросила княгиня, раскладывая карты на столе, тасуя одни, разворачивая веером другие.

- Я лишь хотел посвятить ее, думал, что в своем лесу Настя обретет то, что поможет ей стать храбрее и сильнее. И научится следовать интуиции.

Настя озадаченно слушала графа.

- Только в итоге она попала к Матери. И ты подумал, что Старуха окажет тебе услугу, ничего не потребовав взамен?

- Я так думал. Настя прекрасно справлялась с лесом, и потому мне показалось идеальным, если она пройдет испытание у Матери.

- А с Матерью ты говорил?

- Да.

Княгиня подняла взгляд на графа и усмехнулась.

- Похоже, разговор с ней тебе не по вкусу пришелся.

Граф молчал за Настиной спиной. Княгиня раскладывала карты, хмурилась.

- Подожди-ка снаружи, дитя, - мягко сказала она Насте.

Настя наконец нашла силы возмутиться:

- Ну уж нет. Я останусь. Речь идет обо мне. Я хочу знать, что плохого в том, что случилось? Почему вы все так странно говорите? Что значит быть земной? Что плохого в том, что я прыгнула через костер? Почему происходит вся эта чертовщина?

- Настя... - мягко заговорил граф Виттури.

- Нет! - Настя упрямо вцепилась в столик с картами. - Не уйду, вы меня не заставите! Хватит, я и так запуталась. Я хочу знать. Даже если я умру, все равно. Хочу знать.

- Многие знания, многие беды, - мягко возразила княгиня. - Но коли хочешь так сильно остаться, оставайся. - Она перевела взгляд на карты. - Старая Мать дала ей силу, которую ты просил для нее. Но она наградила ее способностью обновляться, черпать силы из природы, дала ей силу огня в спутники. И еще...

Княгиня замолчала, глядя на карты.

- Что еще? - Граф Виттури подошел ближе к столу.

- Боюсь, что девочка проклята, граф. - Княгиня показала на один из раскладов.

Холод пробежал по спине Насти.

- Очень странное сочетание, никогда не видела такого раньше.

- И это обязательно проклятие?

- Проклятие или предназначение, только судьба ее обретет резкий поворот.

- Но я не чувствую никакого изменения линии судьбы, - озадаченно ответил демон. - Все по-прежнему.

- Я лишь говорю, что вижу, но кому, как не вам, знать, что карты часто лгут, граф.

- Не всегда. И не в ваших руках, княгиня.

Долгорукая молча перевела взгляд на расклад. Вздохнула.

- Увы, мой граф. Сами понимаете, я чудес не творю и весьма ограничена в своем таланте. Вижу только, что все противоречиво: душа девушки слепа и невинна, но одновременно она зоркая и искушенная. Ее способности ограничены человеческим телом, но одновременно в ней силы, которые невозможно взять под контроль. Она бессильна перед роком, но одновременно, может перевернуть все написанное ранее. Это не может сочетаться!

Горячая ладонь графа Виттури легла на Настино плечо.

- Благодарю, княгиня. Вы многое прояснили.

Настя поднялась по команде графа, и он наклонился поцеловать руку княгине.

- Когда ты придешь за мной? - спросила она.

- Еще рано.

- Сто лет, - возразила она. - Разве тебе этого мало? Посмотри на меня. Я стара. Прошу.

- Ты нужна мне, - возразил он.

- Я устала, граф.

Он ничего не ответил, поцеловал ей руку и вышел вместе с Настей.

Она повернулась к нему с вопросом, готовым сорваться с губ, но он покачал головой:

- Не сейчас.

Насте показалось, что взгляд у него холодный, почти ненавидящий. Она приносит ему одни проблемы. И виновато отвела глаза.

В конце коридора показались Лика и Диего.

- Неудачно, - заговорил Диего, и граф сделал знак следовать за ним. Они вышли в сад. - Ход замурован, и вполне основательно.

- И еще там печать, ее так просто не снять. Вам придется повозиться, - добавила Лика. - И защита: там кто-то был, но не напал на нас, потому что мы лишь смотрели.

- Два или три дня... Нет, времени нет. Они могут пронюхать, что мы здесь. Тогда план Б.

- А куда был ход? - спросила Настя.

- В Ватикан, - шепнула ей Лика. - А вы чем занимались?

- Отвлекали гостей, - вперед Насти ответил граф. - Времени мало. Мы попрощаемся с хозяйкой, идите к машине.

И он увел Настю от ребят.

- Я устала от вас и ваших тайн! - сердито шипела Настя. - Вы требуете от меня рассказывать вам все, а сами...

Он резко развернул ее к себе и тихо, но очень гневно сказал:

- Настя, не сейчас. Соберись. И прекрати это. Доверься мне.

- Не могу я тебе доверять... - Слезы щипали глаза. - Как меня достало все!

И тут от испуга она перестала дышать.

Зрачки графа вдруг стали расширяться, пока Тьма не заполнила глаза полностью. И эта Тьма была живой, плескалась и шевелилась.

- Я прошу тебя, - еле сдерживая ярость, повторил он. - У меня был очень тяжелый день. Будь хорошей девочкой. Еще полчаса.

Она испуганно кивнула. Обмякла, покорно проследовала за ним.

Княгиня Долгорукая не спала. Мысленно она пробежала по раскладу, сделанному для девочки, и все не могла понять, что именно ее так смущает в нем. Что-то она упустила. Нечто важное. Проклиная старческую память, она все крутилась в постели, не находя удобного положения. Да и какое удобное положение может быть для столь древней старухи? А он ничуть не изменился. Все так же хорош. И она бы ничего не поменяла в своей жизни, по-прежнему бы сдалась на его милость в шестнадцать лет, потому что лучшего мужчины у нее не было и не будет. Только вот он все не желал выполнять свое обещание, данное, пока его руки, обжигая ее девичье тело, дарили ей первые ласки.

- Ты обещал, демон. - Старуха плакала беззвучно, только слезы выкатывались из опущенных уголков погасших глаз.

- Я исполню свое обещание, - вдруг раздалось у изголовья.

Он материализовался перед ней, опустился на колени рядом с ложем, взял руку и поцеловал.

Она счастливо вздохнула:

- Моя жизнь была прекрасной, счастливой, как ты и обещал. Благодарю за дар, данный мне. Благодарю за любовь, за детей, за мужей. Я всегда скучала по тебе, знай!

Демон смотрел на старуху, но видел прекрасную девушку с каштановыми волосами, что разметались по подушке.

- Ты уверена, что хочешь сейчас?

- Да! - выдохнули алые губы.

- Ты прекрасна, - искренне сказал он, лаская ее морщинистое лицо.

И он поцеловал ее. Она обвила слабыми руками его за шею. И в последний момент, когда ее душа уже покидала тело, княгиня вдруг явственно поняла, что именно значил расклад для Насти. Но сказать ничего не успела.

Демон осторожно уложил голову княгини на подушку. Казалось, она спала, и покой сглаживал ее черты.

Он горько улыбнулся, в последний раз проведя рукой по ее лицу. И прижался щекой к ее теплой ладони.

Глупы те, кто говорит, что смерть существует. Смерти нет. Это не одно мифическое существо. Это ангелы, это демоны, это и он, Самаэль. Каждый приходит за своей душой. Поцелуй смерти может подарить только он. Но он приходит только к тем, кого выбирает сам. И редко делает исключения.

Ангелы тоже пожинают свой урожай душ так же, как и демоны. И кто придет за тобой, Настя?

Вернувшись в свой особняк, граф Виттури налил себе коньяку, но, повертев бокал в руке, оставил на столе. Для него толкование, сделанное княгиней, имело смысл: он и Настя так тесно сплелись, что чувствуют друг друга. И возможно, даже карты не в состоянии отделить его от нее, поэтому и получается: невинная душа искушена, а ограниченный в способностях человек оказывается одновременно всесильным. Сейчас ему было стыдно, что он напугал ее, но горечь от понимания того, что ему придется попроситься с княгиней тем вечером, была слишком сильна. Ему было не до капризов маленькой девочки. Но она не виновата. Она напугана, ведь ее разум ограничен, зато сердце готово остановиться за каждого, кто дорог ей. Она противоположность ему даже в этом. Демон привязывается разумом, но тьма не дает любить сердцем.

Он поднялся к себе в спальню, хотелось принять душ и переодеться. В комнате горел ночник. Граф повернул голову и увидел, что Настя спит, свернувшись в кресле и накрывшись пледом. Малышка хотела получить ответы, ждала его и заснула.

Демон ухмыльнулся, подошел ближе. Он взял в руку ее косу, прислушался. Сон девушки был сладок, поэтому он не стал ее будить. Взяв на руки, он вынес ее из своей комнаты. По дороге она пошевелилась и потерлась лицом о его кожаную куртку. Вздохнула. Он замер с ней на руках в тускло освещенном коридоре. Часть его существа вкрадчиво нашептывала: отнеси ее к себе, раздень, сделай своей.

Вместо этого он отнес девушку в ее спальню, накрыл одеялом и вышел, прикрыв за собой дверь.

- Итак, тайное хранилище Ватикана представляет собой подземный бункер, общая протяженность проходов составляет восемьдесят пять километров. Притом что государственная граница Ватикана составляет чуть больше трех километров, - вещал граф Виттури за завтраком. - Туда ведут несколько официальных и тайных проходов. Один из них, увы, оказался закрыт и запечатан.

- Я проверил два других хода, - вступил Ильвир, - один из них недоступен. Здание над ним снесено. На его месте брусчатая мостовая. А второй возможен. Но... сами понимаете, граф, о нем мало информации. Мы узнаем, возможен ли он, уже будучи внутри.

- На данный момент это наш единственный шанс, мне бы не хотелось задействовать свои связи официально... - Граф Виттури жестом отказался от молока к кофе, дворецкий прошел дальше, предлагая молоко Лике. Ангел кивнула.

- А если печать стоит и на том ходе? Где-нибудь посередине дороги? - спросил Диего.

- Тогда мне придется снять ее. На это уйдут силы и время. Но у нас не будет другого выхода.

- Но, граф, снятие священной печати... - начала Лика.

- Ты что же, думаешь, меня они останавливали все это время? - усмехнулся граф. - Ватикан обладает большими оккультными знаниями, но их недостаточно, чтобы одолеть меня.

Холод пробежал по спине Насти в этот момент. Граф Виттури и демон... Иногда она явно отличала человеческого и, казалось, более земного графа от абсолютно потустороннего, таинственного, мощного создания, что жило в этой оболочке. Порой оно лишь проскальзывало в выражении глаз или лица графа, а порой проявляло себя так явно, что сердце в пятки уходило. Никогда ей не стереть из памяти глас демона, разрывающего в гневе Локи на две сущности. Никогда не позабыть мрак в его глазах, холодный и живой, что охладил вчера пыл ее возмущения.

Оторвав взгляд от блинчиков, Настя испуганно звякнула вилкой о тарелку: демон внимательно смотрел на нее, неотразимо прекрасный в свете падавших на него лучей солнца.

- Единственной из нас, кто видел картину, является Настя. Так что она идет со мной. Ильвир, ты тоже с нами.

- Хорошо, - кивнул карлик.

- Я тоже, - поднял голову Диего.

- Гипноз может пригодиться, - вступилась за Диего Лика, увидев недовольство на лице графа.

- Будь по-твоему, - согласился граф.

Днем вся команда отдыхала, только Ильвир и граф, закрывшись в кабинете, обсуждали план действий.

Настя мало спала ночью, поэтому с удовольствием легла после обеда. Ее разбудила Лика, вместе они спустились пить чай в столовую. Там сидел и Диего, задумчиво вертя в руках вазочку с шоколадными конфетами. Лика выхватила одну шоколадку и положила в рот.

- Мм, божественно!

Оборотень поднял на нее зеленые глаза, усмехнулся, погруженный в свои мысли.

- Чего ты? - Лика потрепала его по плечу. - Осуждаешь?

- Нет, что ты, но вот задумался, пролезешь ли ты в тайных проходах папского дворца.

Лика засмеялась.

Ангел всегда была стройной, несмотря на то что сладости поглощала постоянно. Но Диего нравилось ее все время подкалывать.

Настя разлила чай по чашкам. Лика урвала еще одну шоколадку, игнорируя слабое сопротивление оборотня. Втроем они обсудили последние новости от Цезаря, Сержа и Йтсаску: камень инков действительно был активирован, Ноктурна наращивала силу. Они возвращались в Барселону, где их ждали Рита и Джонни.

- Если пузырек с моей кровью уже у Ноктурны, то можно считать, что я для нее больше неинтересна, - рассудила Настя.

- Кто ее знает. - Диего добавил в чай молока. - Лучше не рисковать понапрасну. Поэтому Старик с тобой и носится, боится, как бы Ноктурна не решила, что ей нужно больше твоей крови.

Лика задумчиво покачала головой.

- Но еще подвеска...

- Какая подвеска?

Лика испуганно взглянула на Настю: она совсем забыла, что о подвеске, кроме нее, графа и Риты, больше никому не известно.

- Так, мысли вслух, - улизнула она и с облегчением увидела, как в комнату входит граф Виттури. Он смерил всех троих строгим взглядом из-под черных бровей. Чуть нахмурившись, он заявил:

- Выступаем в одиннадцать часов. Ильвир выдаст все необходимое.

Когда они вышли, накрапывал мелкий дождь. Шли молча по ночному Риму, повсюду гулял народ, из ресторанов вкусно пахло, слышался смех и громкие разговоры. Золото фонарей преломлялось на влажном бульжном мощении улиц. Настя с любопытством смотрела по сторонам: времени на экскурсии по городу у нее не было, хотелось запомнить хоть что-то. Пешком добрались до римского Форума. Древний город римлян был прекрасно подсвечен, колонны храмов, триумфальную арку, развалины было видно очень хорошо. Граф Виттури легко перемахнул через ограждение, следом за ним перелезли остальные. Диего посадил Ильвира, карлик, чуть переваливаясь на коротких ногах, подошел к графу, который смотрел на развалины в виде круглой кирпичной кладки с разбросанными кругом серыми камнями.

- Это здесь, - сказал он, отвлекая графа от воспоминаний.

Они подошли ближе. В кладке угадывался вход.

- Что это? - спросила Настя. Честно говоря, она думала, что они пойдут дальше, к высоким постройкам, а не застрянут здесь.

- Umbilicus urbis, - ответил граф Виттури, разглядывая камни. - Посвети мне, Ильвир, только осторожно. В темноте нас могут заметить. Пуп города. Знаешь пословицу, что все дороги ведут в Рим?

Свет фонарика был проглочен чернотой узкого прохода. Граф просунул в него руку, пытаясь сдвинуть препятствие.

- Да.

- Так вот, все дороги, ведущие в Рим, сходятся здесь. По преданию, здесь находится вход в потусторонний мир. Его всегда обходили стороной. Идеальное место для тайного прохода в Ватикан и из Ватикана.

Он продвинулся плечом вперед, чертыхнулся, исчез в черной пасти отверстия, некоторое время оттуда доносились только шорохи и звуки падающих камней.

Дождь усилился, Настя обхватила себя руками и нервно переступила с ноги на ногу: теоретически они сейчас оскверняли памятник культуры, если их тут застанет полиция, то запросто может арестовать.

- Настя! - глухо послышалось из черноты зева. - Ты следующая!

Адреналин в крови внезапно повысился, в висках застучало, когда она протиснулась боком в проход. Камни оставляли пыль на руках и одежде, неровные края наверняка подрали кожу куртки, но впереди ее ждал граф, и она торопилась к нему, не смея задерживать группу. Просунувшись, она почувствовала, как сапог поехал вниз, и вскрикнула бы, но ее тут же поймали крепкие руки графа. Он подхватил ее и задержал в воздухе.

- Испугалась, птичка? - Голос был насмешливым.

- Поставь меня, - ровно попросила она. Сердце колотилось как бешеное, и она уже не знала отчего: оттого ли, что она проникает в запретное место, или оттого, что его руки на талии напомнили ей об их первой встрече и танце.

- А если не поставлю? - Дыхание защекотало ее шею. Она вцепилась в рукава его куртки. В темноте она не видела его лица, но знала, что сейчас не момент для флирта и он просто испытывает ее.

- Я тебе врежу между ног, и отпустишь, - заверила она. Он тихо рассмеялся и опустил ее осторожно вниз, оказалось, он стоял на небольшом выступе, а дальше был провал глубиной в метр. Можно запросто свернуть себе шею.

- Включи фонарик, - посоветовал он.

Она достала из кармана фонарик с резинкой, включила и надела на лоб. Огляделась. Площадка, на которой она стояла, была небольшой, прямо перед ней находился плоский камень с лунками. Похоже, это алтарь для жертвоприношений. Вскоре рядом с ней появилась Лика.

- Очень неприятное место, - поежилась она, отступая в сторону, чтобы пропустить Диего.

Оборотень помог графу спустить Ильвира, вся группа включила фонарики, граф спрыгнул к ним и подошел к камню.

- Его нужно сдвинуть. Похоже, проход под ним. - Ильвир осмотрел алтарь со всех сторон.

Мужчины взялись за камень, сначала пытались сдвинуть в одну сторону, потом в другую, но ничего не получалось.

- Попробуем поднять.

Широкими ножами они стали подкапывать края алтаря. Настя копала и думала о том, что Лика права. Место было неприятным. Здесь было холодно, влажно, грязно, а камень с вьезшимися темными пятнами неизвестно чего, вина или крови, пах как-то отвратительно. Она уже собиралась это прокомментировать, но тут граф быстро отмахнул поднятые комья земли в сторону и засунул руку под край. Не дожидаясь помощи, он сначала одной рукой, а затем двумя, понемногу приподнимаясь, смог поднять его и сдвинуть в сторону.

- Легче, чем могло показаться.

- Неудивительно, - ответил Диего, глядя в открывшийся им узкий лаз. - Ведь кто-то должен был суметь сдвинуть его снизу в случае побега из Ватикана...

- Я иду первым, Диего, ты замыкаешь цепочку.

Оборотень кивнул графу.

Лаз оказался графу по пояс. Ему пришлось опуститься на четвереньки и изучить пространство.

- Здесь дальше еще один спуск... и там каменные ступени.

Он исчез из поля зрения. За ним следом спустилась Настя. Опираясь на ладони, она увидела, что земляной лаз изгибается и уходит вниз.

- Удобнее, если ты полезешь ногами вперед, - подсказал граф Виттури.

Она развернулась и полезла. Руки и одежда были безнадежно испачканы, но это было самой малой

проблемой. Граф ухватил ее за сапог и помог нащупать ногой ступеньку. Когда она наполовину уже стояла на лестнице, он без зазрения совести положил ей руки на попу. Настя даже замерла от неожиданности.

- Не останавливайся, я тебе помогу, - невозмутимо сказал он, придерживая ее.

Она пролезла полностью через узкий лаз и повернулась к нему, а он поставил ее на землю, но рук не убрал, наоборот, прижал к себе сильнее. Против воли Настя почувствовала легкую щекотку внизу живота, словно телу это все было безумно приятно, несмотря на то что разум был против таких игр, учитывая обстановку.

- Что ты там говорила по поводу того, чтобы мне врезать? - Ее фонарик осветил его лицо, перепачканное землей.

- Вы не чувствуете, как смердит здесь, граф? - спросила Настя.

- Не пытайся сменить тему.

- Я серьезно.

Она хотела еще что-то добавить, но тут ее взгляд поймал движение за спиной графа, и, недолго думая, она обняла его за шею и толкнула в сторону, пытаясь прикрыть. Он же вывернулся и сам прижал ее к стене.

- Во что ты пытаешься со мной играть? - Судя по ухмылке, ему это все очень нравилось.

- Там кто-то есть...

Он резко повернулся и осветил проход, она тоже, испуганно дыша, металась фонариком по стенам и полу. Коридор был широкий, стены выложены камнем, и уходил так далеко вперед, что света не хватало, чтобы осветить его целиком. Но там никого не было.

Граф Виттури повернулся к ней, явно чтобы сказать что-нибудь саркастическое, но в этот момент появилась Лика, точнее, ее ноги. Граф помог ей нащупать ступени и спуститься.

- Разве вы не чувствуете, как здесь пахнет? - повторила Настя.

Ангел и демон почти хором ответили:

- Нет.

У Насти сжималось сердце от тревожного и тягостного предчувствия. В этом подземелье она впервые ощутила силу своей интуиции. Казалось, внутри ее вдруг зашевелилось звериное чутье. В памяти ярко проявились воспоминания о волчьем вое из ее леса, и воображаемый зверь в душе принял форму белой волчицы. Ее шерсть стояла дыбом, а морда угрожающе скалилась. Рычание вырывалось из клыкастой пасти, и глаза яростно горели. Но сколько девушка ни пыталась найти причину для такого страшного беспокойства, она не находила ничего, что могло бы послужить поводом.

«Это мое воображение, - попыталась она успокоиться. - Просто перенервничала и страшно, вот и все».

Диего мягко спрыгнул последним, осветил коридор и присвистнул:

- Надо же! До последнего не верилось.

- Идем. - Граф двинулся первым. Настя шла за ним, рядом с ней Лика. А сзади плелся Ильвир, и почти неслышно ступал оборотень.

Дурной запах не испарился. Он будто волнами накатывал на нее, то обволакивая, то отступая. Холод и сырость не делали поход легче, и Настю скоро начало трясти. Нервная дрожь была такой сильной, что зуб на зуб не попадал.

Иногда ей казалось, что впереди в темноте качается какая-то белая пелена, но стоило осветить кому-нибудь этот темный участок, как она понимала, что там ничего нет.

- Выпусти меня...

Шепот донесся не отчетливо, она подумала, что ей показалось.

Шорох их шагов в гулком каменном коридоре вполне мог обмануть ее слух.

- Здесь какой-то вход. - Лика посветила на небольшой проход справа.

- Выпусти меня-я-я... - Настя крутила головой, не понимая, откуда идет звук. Шепот был чуть отчетливей, чем в первый раз. По спине побежали мурашки, хотелось повести плечами, словно сбросить чью-то руку.

Граф вошел в проход.

- Похоже просто на хозяйственный закуток, возможно, это был склад.

Настя смотрела, как свет его фонаря гуляет по каменным стенам. Кладка была неровной, по стене шли заплаты широкими прямоугольниками из более мелких камней, по три в высоту с каждой стороны.

- Выпусти-и меня-я-я!!! - Вопль был таким сильным, что она подскочила от неожиданности и поранила руку о неровную кладку прохода.

- Здесь кто-то есть, разве вы не слышите!!! - Паника овладела ею. Она поморщилась от боли и осветила кисть: кожа содрана, течет кровь.

Красная капля с руки упала на пол и тут же впиталась в камни.

- Ты о чем, Настя? - Граф шагнул к ней.

- У тебя кровь! Дай мне! - Лика провела по ее коже рукой, и ранка мгновенно затянулась.

Шорох и поскребывание отвлекли Настю от раны. Она увидела, как на стене за спиной графа один из камней выдвинулся вперед, и пыль с песком осыпались вниз.

Этот шорох услышал Диего.

- Теперь и я слышу. - Он огляделся и как раз вовремя: камень со звонким стуком выпал из стены.

Волосы зашевелились на голове Насти.

- О господи... - Второй камень выпал следом за первым.

Еще одно постукивание и царапанье отвлекло ее: из другой заплаты тоже посыпались камни.

Граф вытащил мечи. Сталь зазвенела, словно была рада послужить в бою.

- Отходите отсюда! - скомандовал он.

Ребята в спешке бросились разбирать свое оружие, которое Диего нес в сумке. Когда Настя дрожащими пальцами застегивала пояс с мечом, она видела, как все ниши пришли в движение, а из первой показалось нечто белесо-серое, на мгновение привиделось, что это рука. Настя помотала головой, пытаясь сбросить наваждение, не может же быть...

- Черт бы подрал... - выругался граф.

- Что это? - Лика на всякий случай вложила стрелу в свой лук.

- Это замурованные Ватиканом неудобные церкви кардиналы, да и просто служки. Видимо, они еще и охраняют проход.

Белая рука выдавливала камни, в спешке нащупывая слабые места в кладке. Из другой замурованной ниши показалась голова, замотанная в белый саван.

- Но кладка была нетронутой! - Диего сказал это и превратился в пантеру.

- Моя кровь... это все из-за меня. - Насте казалось, что от страха она уже поседела. Просто невозможно физически выносить столько ужаса.

- Не думаю, - покачал головой Ильвир.

- Я сказал: назад! - Демон оттолкнул застывшую Настю из прохода обратно в тоннель.

Заживо замурованных, видимо, заворачивали в саваны и связывали, потому что они разрывали ветхую ткань и вылезали из ниш. На мгновение в сознании Насти мелькнуло смешное сравнение с плацкартным вагоном поезда, но полуистлевшие охранники прохода были такими жуткими, что было не до смеха. Их рты были зашиты грубо нитками, плоть местами была порвана.

Настя замерла за спиной графа, не было сил двигаться. На мгновение мимо графа к ней

протянулась рука с синими пятнами на белой коже, мумия вдруг открыла рот: нити, которыми была сшита кожа, разорвали губы. Настя отшатнулась назад с воплем «Мама!», пытаясь нащупать в панике рукоять меча. Ее поймала за плечи Ли́ка. Мумия не смогла пройти мимо графа, он разрубил ее пополам и отпихнул ногой верхнюю часть тела обратно в помещение с нишами. Мимолетно он бросил взгляд на Настю, чтобы убедиться, что она в порядке, и тут же вернул свое внимание к нападавшим. Настя видела, как ползали, соединяясь снова, останки, и была благодарна, что отказалась от ужина.

Ди́его прыгал позади графа, трепал и отбрасывал назад, в ниши, потревоженные трупы.

- Они злы, ведь их замуровали еще живыми и наложили на них заклинания. Умирая, скребясь за каменными плитами, они понимали, что никто не спасет их. И поэтому стремятся разорвать всех, они не успокоятся. - Голос Ли́ки звучал спокойно над ухом Насти.

- Бедные, - прошептала Настя.

- Кажется, у меня что-то было... - Ильвир в спешке полез в свой рюкзак. - Огонь их должен успокоить.

- Помоги мне!!! - Вопль раздался снова где-то над Настей. Она подняла голову и осмотрела потолок. Значит, это кричит не один из стражников. А кто-то еще.

- У меня кто-то просит помощи... - растерянно сообщила она Ли́ке. Но та была слишком поглощена зрелищем нападающих на графа Виттури мумий. Он стоял в проходе, загораживая им выход в тоннель. Они бросались на него как бешеные крысы, цеплялись за мечи, но он крошил их спокойно и сосредоточенно. Только изрезанные трупы снова собирались и бросались на него.

Ильвир с победоносным воплем вытащил бутылку с прикрепленным к нему фитилем.

- Бодрящий коктейль для наших новых друзей, - подмигнул он Насте.

Карлик зажег фитиль и метнул его в склеп, граф Виттури выскочил из прохода как раз вовремя: вслед за ним там взметнулась огненная волна и поглотила все пространство маленького зала.

- Если кто из них и уцелеет, то решим эту проблему на обратном пути. Вперед! - И граф зашагал решительным и быстрым шагом дальше.

Из пламени никто не спешил появляться, сколько они ни оборачивались.

- Почему не было взрыва? - спросила Настя Ильви́ра.

- Взрыв? - Карлик поднял рыжие брови. - Настя, это было бы крайне опасно. А вот божественное пламя Бригитты... Оно не приводит к взрыву, но быстро распространяется и пожирает все магическое на своем пути, очищая помещение. Не обжигает и не сжигает остального.

Сердце все еще бешено стучало. Настя сама не поняла, как догнала графа Виттури и вцепилась в рукав его куртки.

- Не бойся, Настя. Мы с тобой.

Он сказал это очень тихо. Его пальцы погладили ее дрожавшую руку, и Настя выдохнула и задышала спокойнее. А потом отпустила его и просто зашагала следом, чувствуя защиту.

Дурной запах исчез, сырость по-прежнему заставляла дрожать от холода, но Настя шла уверенно и спокойно.

Неожиданно тоннель разошелся на два одинаковых ответвления.

- Вот так удача, то ни одного хода, то сразу два, - процедил граф.

Ильвир достал карты и компас.

- Вправо, - уверенно сказал он, сверившись с картой.

Настя ступила вслед за остальными в правый ход, но буквально почувствовала, как зверь в ней упирается лапами.

- Нет! Нам налево. - Она остановилась, и граф осветил ее лицо. Настя зажмурилась от яркого света.

- Ильвир изучал карты и неплохо ориентируется в подземельях, Настя. Я считаю, что нам надо следовать за ним.

- Я не согласна с тобой.

Он внимательно посмотрел на нее.

- У смертной появилось собственное мнение?

- Да, - немного удивленно ответила она.

- Я думал, не доживу, - с облегчением сказал он. - И почему ты считаешь, что нам налево?

- Просто... интуиция.

Граф и Настя так жадно вглядывались в глаза друг друга, что Лике стало не по себе. Между человеком и демоном, похоже, происходило что-то, чего ангел до сих пор не улавливала. Теперь же она ощутила, что они, находясь на разных концах оси бесконечность - конечность, создают между собой энергию, силу которой ангел измерить не могла. Между ними шла борьба, но одновременно они постоянно сближались. Чем больше отталкивались, тем ближе становились. Как такое возможно?

Демон колебался. Настя видела это, чувствовала. Он хотел встать на ее сторону, но рациональное мешало.

- Давайте проверим левый проход, - наконец сказал он.

Настя облегченно выдохнула.

Они повернули налево. Чем дальше они шли, тем легче становилось, словно за спиной появились крылья.

- Я здесь! - вдруг услышала она и остановилась.

Но тут затормозила вся группа: желтый свет фонарей высветил белые кости скелетов, лежащих на полу тоннеля впереди.

- Может, здесь ловушка? - спросил Ильвир.

- Или их положили, чтобы пустить нас по ложному ходу? - настаивала Настя.

- У них нет оружия, - заметил Диего. - Вряд ли они умерли в сражении.

- И вещей нет, - поддакнула Лика.

- Я предлагаю проверить правый проход на всякий случай, мы еще не так далеко ушли. - Ильвир посмотрел на графа Виттури.

- Я не пойду туда! - Настя просто не могла сделать и шагу назад. Зверь в ней упирался, скулил, не желал подчиниться. - Я подожду вас здесь.

- Настя... - граф положил ей руки на плечи, - ты из нас всех самая уязвимая. Я просто не могу оставить тебя здесь одну.

- Да послушай же!!! - Она в нетерпении сбросила его горячие ладони. - Ты заставил меня прыгнуть из окна, помог найти лес, пройти через него, стать одной из волчиц. А теперь ты не веришь мне. Зачем мне тогда интуиция?

- Я не говорю, что ты не права, - мягко возразил он.

- Но ты не хочешь ко мне прислушаться, - парировала она.

- Мы можем спорить здесь до рассвета, - встрял Диего. - Я доверяю Насте. Могу остаться с ней, пока вы проверяете другой путь.

- А что если он - верный? Возвращаться за Настей - потеряем время. Идем все вместе.

Граф Виттури решительно зашагал обратно к развилке. Диего пожал плечами, вроде извиняясь, и пошел за графом, но только Настя не торопилась за ними.

Задержавшись, она тихонько шепнула:

- Где ты?

- Я здесь! - радостно встрепенулся голос. - Найди камень с надписью.

Она осветила стену, потолок, потом пол и нашла его: камень с полустертой надписью, которую невозможно было прочесть.

- Настя! - От сердитого голоса графа она испуганно вздрогнула.

- Я вернусь! - быстро прошептала она и последовала за остальными. Она не чувствовала опасности от своего невидимого собеседника, скорее бескрайнее отчаяние и страх, что она не вернется.

- Не уходи! Не бросай! - молил голос.

- Я вернусь, - твердо повторила Настя.

- Куда вернешься? - услышала ее Лика.

Они уже стояли у правого прохода. Настя содрогнулась от неприятных ощущений. Ей будто воздуха не хватало, и дрожь пробегала по спине. Белая пелена пару раз почудилась в черноте коридора. Она сделала медленный выдох и шагнула вперед.

Прошло пятнадцать минут с тех пор, как они свернули. Вопреки ощущениям Насти ничего не происходило. Коридор шел ровно, не делился, и никто не торопился нападать на них. Девушка начала корить себя за тот спектакль, что устроила демону. Глупо получилось, истерично. Она уже представляла себе его ироничный взгляд, когда они дойдут до хранилища.

И в этот момент из темноты на них выдвинулись белые фигуры. В первый момент показалось, что это белые туши убитых животных выезжают на них из мрака тоннеля, но уже через секунду стало видно, что это белые тела минотавров. Полузвери были страшны, их морды с рогами не были похожи на бычьи, точнее, было ощущение, что им срезали морды, вставили зубастые пасти, оставив красную плоть, в которой терялись глаза. Их было очень много.

Послышался звон мечей демона.

- Уходите! - крикнул он. - Уведите Настю.

И бросился вперед на минотавров, исчезнув в темноте среди их белых тел.

Ильвир схватил Настю за руку.

- Идем!

Но она обнажила меч.

- Их слишком много! Он один!

Минотавры и впрямь прорвались мимо демона, бросились на ребят. Диего метнулся пантерой на одного из них и вцепился ему в глотку, повалив на землю. Лика стреляла спокойно и методично, но одновременно отступала. Ильвир кинулся рыться в своем рюкзаке.

Настя видела, как иногда в темноте сверкали мечи графа Виттури. Она рванулась было к нему, но Ильвир крепко схватил ее.

- Куда?! Ты человек, Настя. Умрешь тут же!

Он потащил ее прочь. Настя упиралась, оглядывалась, но вскоре за поворотом исчез свет от фонариков друзей, и шум борьбы стал тише.

- Куда мы идем?

- В Ватикан. - Ильвир торопливо семенил ножками и пыхтел. - Мы должны дойти туда сегодня и найти картину. Если нельзя пройти там, то попробуем другой вариант.

- А остальные? Мы бросим их?

- Настя, нужно трезво осознавать наши с тобой возможности, мы не можем сражаться с монстрами так эффективно, как остальные. Зато мы можем найти картину. В этом суть работы команды. Каждый выполняет то, что должен.

Настя первой почувствовала движение за спиной. словно ее слух обострился, стал нечеловеческим, звериным. Она обернулась и увидела приближающегося к ней минотавра.

Все произошло слишком быстро. В одну секунду в ее памяти навсегда отпечатались неживая бледность его тела, раскрытая пасть с острыми зубами и клейкой слюной, окровавленная, будто он

только что драл кого-то, страшная голова с наросшей сырой плотью, в которой среди складок блестели глаза и рога, острые как ножи. Чудовище надвигалось, Настя попятилась, споткнулась и стала падать на каменный пол. Понимая, что не успевает даже вытащить меч, она инстинктивно выставила вперед руку. Упала спиной, чудовище прыгнуло на нее, ужас перед неумолимой гибелью накатил страшной мощной волной, в отчаянии она закричала.

В следующее мгновение, словно из-под нее, выскочила белая собака, с рычанием бросилась на минотавра, повалила его навзничь и перегрызла ему глотку, кровь черной лужей потекла вокруг.

Задышавшись от испуга, Настя кое-как поднялась, пока животное трепало монстра. Когда минотавр перестал дергаться, собака повернулась к Насте.

Это был громадный волк. Волчица. Белая, с окровавленной мордой и шеей. Она облизнулась, шагнула к Насте.

- Не надо! - Настя от пережитого уже слабо сопротивлялась. У нее подогнулись колени, и она села у стены, покорно ожидая смерти. Накатило бессилие и ощущение, что она опустошена. Но волчица и не думала нападать, она дружелюбно обнюхала ее и села рядом, даже наклонила кровавую морду набок, вопросительно разглядывая желтыми глазами испуганную девушку.

- Пучок зелени святому Патрику в... - Ильвир, который тоже не успел среагировать, только сейчас стал приходить в себя от изумления.

В этот момент появились остальные. Граф Виттури, весь в крови и подранной куртке, Лика с брызгами крови на лице и волосах, Диего вытирал руки и рот платком. При виде Насте, Ильвира и волчицы они притормозили.

А Настя спрятала лицо в ладонях и заплакала. Волчица заботливо подсунула нос под ее локоть и осторожно лизнула в лицо.

- Уйди, пожалуйста, - всхлипывая, пробормотала девушка. И волчица исчезла.

- Что тут произошло? - спросила Лика.

- Он набросился на Настю, - заикаясь, произнес Ильвир, показывая на растерзанного монстра. - Она упала, и тут из нее выскочила волчица.

- Из меня?! - Настя подняла взгляд на Ильвира.

- Из тебя.

- Я думала, из земли... Я не знаю, что я думала. Я думала, я умру!

Диего помог ей подняться и крепко обнял:

- Тише, тише.

Настя, дрожа, прижалась к оборотню. Демон, ангел и Ильвир молча переглянулись.

- Вперед, нельзя терять время! - Граф решительно шагнул на территорию, усыпанную скелетами. За ним последовали остальные.

Ноги стали ватными, от слабости после нервного потрясения шаги были неуверенными. Диего подставил плечо, чтобы она могла на него опереться.

Они шли все дальше, скоро стало сыро, и стены тоннеля оказались покрытыми чем-то вроде склизкого мха.

- Мы под Тибром, - сообщил граф. - Похоже, этот путь был верен.

Ильвир достал компас и охнул:

- Тогда здесь изменены полюсы, граф. И компас ошибался.

- Я уже не удивляюсь. Защита продумана, посмотрим, что нас ждет дальше.

Настю передернуло от своих предположений.

- Если часы не обманывают, то сейчас два ночи, - сообщил Ильвир.

- Самое время почтить, если не спится, - сказал граф, останавливаясь около железной двери. Свет

фонариков выхватывал покрытые зеленым налетом изображения и буквы. Настя протянула руку, чтобы дотронуться до рельефа, но Ильвир мягко остановил ее:

- Не стоит.

Она отдернула руку. После всего, что было, не хватало только кусающейся двери или ядовитой плесени. Ильвир, что-то насвистывая себе под нос, разложил прямо на каменном полу инструменты и, вытащив из матерчатого футляра острый и тонкий, как игла, кинжал, начал быстро чертить символы, едва касаясь поверхности двери.

Предоставив Ильвиру разбираться с замками, граф подошел к Насте. Девчонка совсем не держалась на ногах.

- Иди сюда. - Он раскрыл ей объятия, и она, отпустив руку Диего, доверчиво шагнула к нему.

Едва их тела соприкоснулись, он почувствовал уже знакомое тепло в солнечном сплетении.

- Так лучше? - спросил он, уткнувшись ей в волосы.

Она кивнула. Ей было хорошо в кольце его рук. И только так она ощущала себя в безопасности. Он делился с ней силой, и постепенно она успокаивалась и обретала снова твердость. И тогда ее разум начал анализировать появление волчицы.

- Возможно ли, чтобы она появилась... из меня? Как только мы вошли в этот ход, моя интуиция стала почти звериной. И, может... - Однако здравый смысл не давал закончить столь безумное предположение.

- Мать наделила тебя природной силой, но я даже и не подумал, что она оказалась так щедра. Волчица - это твое звериное Я. Твоя сестра, если хочешь. Часть твоей души, которая прочно привязана к дикому.

Она подняла на него взгляд, который после слез был особенно зеленым. Он провел пальцем по ее красной от слез щеке.

- Ты знаешь еще кого-то с такой душой?

- Да. Знал. Но это не такой хороший подарок, как может показаться. Тебе придется научиться общаться с ней. Вызвать ее получилось спонтанно, но вот получится ли в следующий раз? И она забирает много твоих сил, как я погляжу. Тебе надо научиться их пополнять.

Он говорил это, а сам думал, успеет ли она научиться и что в ее судьбе может изменить это новое обстоятельство.

В это время послышался скрежет и щелчок.

- Вуаля! - провозгласил Ильвир, приоткрыл дверь и пригласил их в проход театральным поклоном. - Добро пожаловать в секретное хранилище Ватикана!

Глава 6

Из каменной древности они вдруг шагнули в современный бетонный коридор, покрашенный в серый цвет, с приглушенно горящими лампами.

- Нам сюда. - Граф повел их вправо, уверенно двигаясь по лабиринту из коридоров, лестниц и дверей.

Настя шла за графом, не сводя глаз с его спины. Как же так случилось, что всего за несколько месяцев она перестала представлять этот мир без него? А ведь могла никогда его не узнать. Если бы не случайность. Если бы не любопытство. С ним ей было не страшно. Пусть он пытался иногда казаться злым, она знала, верила, что в душе он прекрасен. Еще прекрасней, чем внешне. И именно к этой красоте, к этому огню она тянулась. За его спиной она была спокойна. С ним она была счастлива. Сколько всего открыло ей его присутствие. Массу опасностей, странных приключений, но... именно он подарил ей танец на балу, полет над Барселоной, прогулку по ее лесу. Он спустился за ней в ад, так как же она может не доверять ему? Все, что говорят о нем ангелы и демоны, - ложь. Настоящее - это то, что она чувствует сердцем.

Он обернулся и подмигнул ей. Настя вместо того, чтобы покраснеть, улыбнулась в ответ. Она оставит след в его жизни. Как бы он ни пытался от нее отстраниться, связь слишком сильная. Демон шел по архиву мимо коробок и папок с письмами из прошлого, интригами, просьбами, требованиями. Они еще вопили каждый на свой лад, эти письма. Пытались выторговать развод для короля, просили казни для слишком наглого ученого, соблазняли быстрой победой для увеличения папских владений. Письма предавали, убивали, спасали. Все это - история. Прошлое. Все это - следы людей, многих из которых он знал. Взгляд скользил по чернильным надписям, то и дело вспыхивала усмешка. Горькая. Торжествующая.

Все эти голоса, руки, души угасли давно. И только он снова и снова бросается в бой. Проиграть? Выиграть? Не важно. Главное, бороться. Не сдаваться, не опускать рук, не гасить свое пламя. Пусть тебе выключат печень или сердце, за ночь отрастет снова, так ведь, Отец? Сколько бы ни вырывали у него жизней, он вновь и вновь берется за новые. Пусть он не может спасти всех, но даже одна душа, одна прекрасная душа достойна того, чтобы ради нее бороться с ангелами и демонами.

Они дошли до хранилища картин. Еще два с половиной часа просматривали огромное количество произведений искусства, но так и не нашли искомое.

Граф Виттури мрачнел на глазах.

- Ее здесь нет, - признала очевидное Лика.

- Картина уже у них? - предположил Диего.

- Не думаю. - Граф проигрывал различные варианты, крутил, как кубик Рубика, факты и предположения.

- Может, она не доехала до Ватикана? - размышляла вслух Настя. - Может, не понравилась, и ее уничтожили. Может, ее выкрали уже давно. Или переместили в другое место.

- В другое, - эхом отозвался граф Виттури, устало проведя рукой по волосам. Потом тихо засмеялся. А потом все громче и громче, пока хохот не заполнил хранилище, не разнесся по всем отсекам.

- Что вас так позабавило, граф? - с любопытством спросил Ильвир.

- То, что этот вариант вполне возможен. Наполеон вывез из Ватикана в 1809 году часть архива. - Граф прислонился головой к стене, прикрыв глаза. Свет падал на него так, что четкие линии его лица оказались еще более подчеркнутыми, отчего он стал похож на статую.

- Значит, едем в Париж? - тихо сказал Диего, окинув спокойным взглядом хранилище.

Настя почувствовала усталость. До сих пор надежда найти картину вселяла бодрость духа, но сейчас часы без сна и пройденные испытания навалились на плечи тяжестью. Ей до смерти хотелось оказаться под синим небом.

- Пойдем, - скомандовал граф, видимо, приняв решение. - Пора возвращаться.

Они молча вышли из хранилища, Ильвир захлопнул дверь, и они снова оказались в каменном коридоре. Обрато шли быстрее, поэтому, когда впереди снова забелели кости скелетов, Настя вспомнила и про голос. Он не заставил себя ждать.

- Освободи! - снова пронеслось эхом.

Она устало опустила на пол, достала нож и просунула лезвие между камнями.

- Что ты делаешь? - заинтересованно спросил Диего.

Но Настя молчала, пока наконец не приподняла камень с надписью. Там оказалось углубление, она просунула туда руку и вытащила медальон на старом кожаном ремне. Протерев его от грязи и земли, она увидела, что это ладанка. Попыталась открыть.

Щелчок, и ладанка раскрылась, внутри было пусто.

- Благодарю, - раздалось возле нее.

Настя вздрогнула и подняла взгляд. Перед ней стоял пожилой мужчина с легкими залысинами, его глаза весело и молодо блестели, несмотря на возраст. Лицо чуть оплывшее, но не лишенное привлекательности. Было понятно с первого взгляда, что он не простит промаха врагам, но может внушить трепет и тем, кто на его стороне. Одет он был в белую сутану, расшитую золотом. На голове красовалась папская тиара.

Он самодовольно протянул ей руку с огромным перстнем, видимо, для того, чтобы она его поцеловала. Вместо этого Настя встала, сжимая в руке ладанку.

- Вы кто?

На лице незнакомца пронеслось выражение раздражения и гнева. Но он быстро смягчил его.

- Недалекая девица... Опустись на колени и друзьям своим вели, перед посредником Господа нашего на земле нужно смирать гордыню!

- Что происходит, Настя? С кем ты говоришь? - Диего с интересом смотрел на пространство перед ней.

- Я тут, кажется, откопала папу римского, - неуверенно ответила Настя.

- Которого? - с интересом спросил граф Виттури.

При звуке его голоса, призрак Папы резко обернулся.

- Пресвятая дева Мария, - перекрестился он в спешке, - это же Сатана!

И испарился.

Настя растерянно посмотрела на ладанку. Что теперь делать?

- Обрато уже не положишь, - прочел ее мысли граф. - Бери с собой, может, призрак останется здесь, в своих владениях.

Но он ошибся. Стоило им возобновить путь, призрак, дождавшись, что граф Виттури ушел вперед, снова материализовался рядом с Настей. Шел он с достоинством, еле поспевая за легким шагом девушки.

- И давно ты вступила на путь греха, дочь моя? - поинтересовался он наконец, бросая любопытные взгляды на Настю. Он уже успел оценить обтянутые в узкие брюки бедра девушки сзади, а теперь пытался прикинуть размер ее груди под кожаной курткой.

Настя закатила глаза. От нее не скрылись изучающие взгляды призрака, и она ругала себя за то, что освободила его. Возникло ощущение, что он ее лапает.

- Послушайте, оставьте меня в покое. Идите на все четыре стороны, что вы ко мне пристали? - все же взорвалась она. - Хватит!

- Я всего лишь интересуюсь личностью моей освободительницы, - примирительно подмигнул ей призрак. Настя опешила. Да он с ней заигрывает!

- Вы хотя бы осознаете, что вы призрак? - грубо спросила она.

- Надеюсь, это не помешает нашему сближению, - забеспокоился папа римский. - Я хотел бы поучаствовать в спасении твоей души.

Но сказал это так, как будто в процессе спасения души предполагалась бурная оргия.

- Вы вообще кто такой? - попыталась сменить тему Настя.

- Его святейшество папа Александр, - последовал ответ.

- И вы испанец?

- А ты откуда, прелестница?

- Для римского папы вы какой-то слишком... увлеченный.

- Я ценю красоту. Как женского лица, так и тела. - Призрак без всякого стеснения хлопнул ее по попе.

Настя аж подскочила:

- Ты что себе позволяешь?!

От контакта с призраком начались головокружение и тошнота. Она и так была без сил, а теперь и вовсе ослабла.

- Я знал, что тебе понравится. - Он быстро обнял ее и прижал к стене. Несмотря на возраст, папа римский Александр оказался резв и силен. Только появление графа Виттури заставило его быстро сдать завоеванные позиции и испариться.

Перед глазамиплыли круги. Настя ослабла и ничего не видела и не слышала. Наконец сквозь ватную пелену пробился голос графа:

- Ей надо на свежий воздух скорее!

Кто-то подхватил ее на руки и понес. Сознание проваливалось в белый туман. Белая как снег пелена окружала ее, и больше ничего не было видно.

Навстречу ей появилась женщина в льняной рубаше и с венком из цветов на голове, и хоть была она красива, Настя узнала Старую Мать из своего леса. Она подошла к девушке, мягко положила ладони на ее плечи. Подчиняясь, Настя опустила на землю. Здесь внизу туман рассеялся, и было видно траву и цветы.

- Ложись, бери силу из земли, - прошептала женщина, погладив ее щеку.

Настя закрыла глаза.

- На землю ее!

- Но здесь грязно и мокро...

- Лика, да пойми же! - Голос графа Виттури звучал глухо, как сквозь ватную пелену.

Ее опустили на землю и камни. Ладони развернули и прижали к сырой земле.

- Ну же, Настя...

Она открыла глаза. Над ней начинающее светлеть небо. О боже, как хорошо. Как хорошо...

Сознание прояснялось, она стала ощущать холод, капли дождя, падающие на лицо, и наконец, повернув голову, увидела лица друзей.

- Уже лучше, - прошептала она, чтобы взбодрить их.

- Такая же златовласка, как моя дочь Лукреция, - раздалось над головой.

Настя застонала от бессилия. Из всех возможных святых отцов римской католической церкви ей достался папа-распутник Родриго Борджиа.

Когда силы восстановились, а земля перестала вертеться, едва она прикрывала глаза, Настя поднялась. Она промокла и продрогла, была перепачкана и все еще хотела спать. Лика, как могла, отряхнула ее. Папа Борджиа стоял напротив, перебирая четки.

- Хотя, ты знаешь, твоя спутница больше похожа на Лукрецию, - сделал он вывод.

- Рада слышать, - процедила Настя.

- Настя, - отвлек ее граф, - так что за призрак тебя отвлекает?

- Его...

- ...святейшество папа Александр, - подсказал призрак.

- Который? Их было много, - нетерпеливо уточнил граф.

- Подозреваю, что Родриго Борджиа.

Граф Виттури засмеялся. Настя с отчаянием поймала себя на том, что любит его, несмотря на обстановку и усталость.

- Вот как! Тот самый Борджиа... Ну вот что, призрак... пусть я тебя не вижу, но заточить смогу, не сомневайся. Настя, отдай мне ладанку.

Настя послушно передала ладанку графу.

- Касаться Насти можно только с ее разрешения, иначе я найду тебе такое место упокоения, где тебя никто не откопает.

- Он говорит, что понял. - Настя опустила все проклятия в адрес демонической сущности графа и перечисление всех его мерзких дел, а также срамных прозвищ и имен, которыми наградила его в своей виртуозной короткой речи папа римский.

Они как раз собрались убраться с Форума до момента, как рассвет полностью прогонит ночную мглу, когда сверху раздался громогласный голос, от которого у Насти кровь застыла в жилах.

- Анастасия!

Послышался лязг мечей демона, он оказался прямо перед Настей, а она, замерев от восхищения и ужаса, смотрела, как с древней триумфальной арки сорвалась огромная крылатая фигура и приземлилась перед ними, сотрясая землю. Это был архангел Михаил, но в ангельском своем обличье, в сверкающих доспехах, громадный и вооруженный. Тут же она ощутила, как накалилась подвеска, которую она носила теперь на цепочке под одеждой.

Вслед за Михаилом приземлились еще два ангела поменьше.

Лица встала рядом с графом и натянула тетиву лука.

- Ну и друзья у тебя, - поспешил вставить свои пять копеек призрак. Теперь он смотрел на Настю с уважением.

- Это не друзья. - Она тоже обнажила меч.

- Все можно решить мирным путем, Настя, - обратился к ней архангел. - Пойдем со мной.

Внутри Насти зарычала волчица.

- Ни за что!

- У нас преимущество в силе. Это плохо закончится для твоих друзей. Будь благоразумна.

- Знаешь, - встрял в разговор папа римский, - если твой враг сильнее, надо уступить. Не лги и не говори правду.

- То есть? - спросила Настя призрака. Но Михаил подумал, что она разговаривает с ним:

- Пойдем со мной. Я расскажу тебе все, как было и как будет. И ты сама поймешь, что единственный правильный путь - остаться с нами.

- Скажи, что подумаешь над его ценным предложением. Но сейчас слишком устала и промокла, чтобы слушать его разумные доводы. Попроси отсрочить столь важную для вас встречу. Договаривайся так, будто пойдешь и в самом деле. Тогда поверит, - инструктировал папа Александр.

Настя была вынуждена признать, что в дипломатии она слабее Борджиа. Не зря же его считают отъявленным интриганом, отравителем, соблазнителем и распутником. Ведь не просто прийти к власти, удержаться на престоле, победить своих соперников, одолеть врагов, соблазнить женщин, даже будучи уже в возрасте. Мужчина был неглуп.

Она вздохнула и убрала меч.

И повторила речь, которую ей диктовал призрак. Она действительно начала дрожать от холода и сырости, поэтому архангел ей поверил. А может, Михаила дополнительно смутили мечи графа

Виттури. В любом случае он нехотя кивнул, и ангелы отступили с Форума, дав возможность агентам вернуться снова в город.

- Спасибо, ваше святейшество, - сказала Настя.

Папа Александр приободрился.

- Ну вот, может, станем друзьями. - И он многозначительно подмигнул ей.

Настя засмеялась. По дороге папа Александр охал на мотоциклы и машины, с любопытством крутил головой, оглядывая город. Настя, как могла, отвечала на его многочисленные вопросы.

- Со стороны это выглядит странно, - прокомментировал Диего Лике, кивнув на весело болтающую с пустотой Настю.

Лика устало взяла оборотня под руку и положила голову на его плечо.

- Как бы это ни выглядело, я рада, что она взбодрилась.

Диего улыбнулся и приобнял Лику за плечи.

Ильвир и граф Виттури шли позади в молчании.

Настина спина была испачкана в земле, да вся она была в земле и грязи, мокрая, но пока она смеялась, болтая с призраком, он был спокоен. В сущности, сейчас они были похожи: его ненавидели ангелы и демоны. А ее, похоже, хочет использовать и одна, и другая сторона. И если она выберет его сторону, то станет, как и он, изгоем. Изгоем, как и все они: Лика, Цезарь, Локи, Диего. Все они сделали выбор в его пользу. И если она окончательно встанет на его сторону, как предать ее? Как принести в жертву ради спасения остальных? Раньше это казалось просто. Теперь с каждым разом все сложнее. Доверчивость, с которой она шла к нему, поражала. Ведь она уже не слабая девчонка, которой так легко вскружить голову на балу. Но когда она смотрела на него теперь, когда с глаз спала пелена очарования, которым демоны любого ранга, от инкуба до Люцифера, пользуются практически постоянно, он знал, что по-прежнему важен для нее. И это было больно. Предать ее веру в него.

Горячие струи воды на ледяную кожу... Вот оно - истинное наслаждение. Измученные мышцы расслабляются, земля, запутавшаяся в волосах, превращается в мутную воду и исчезает в сливе. Это была долгая и изматывающая ночь. Хотелось упасть в кровать и забыться сладким сном под волшебным балдахином в доме графа.

Ступни болели от долгой ходьбы, встать ими на сухое полотенце - особенное удовольствие. Вытирая лицо большим полотенцем, Настя вышла из ванной и вскрикнула от неожиданности, увидев на своей кровати папу Александра.

- Какого черта! - Она поспешила прижать полотенце к телу.

Мужчина, все еще в папской тиаре, совершенно непринужденно рассматривал ее.

- Такое тело надо обязательно нарисовать. На месте твоего господина я бы задумался над этим. Изгибы хороши, эта линия бедра к талии как изгиб хрустального бокала или лука. Уверен, что груди у тебя тоже прекрасны. Я всего лишь призрак, могла бы и показать.

Настя никогда не была так близка к истерике.

- Ваше святейшество, подите вон! - Она показала на выход.

Он медленно и с достоинством поднялся и уже подходил к двери, когда та открылась, и на пороге появился граф Виттури. Настя взвывла, подскочив на месте и пытаясь прикрыться полотенцем.

- Прости! - Он отступил и проговорил из-за двери: - Ты кричала!

- Скажи ему, чтобы не заходил ко мне в комнату! Иначе я его сама зарюю! Там же, где и откопала!

Смех графа был ответом на это требование.

- Хорошо, хорошо. Родриго Борджиа! Ты ее слышал, развратник старый!

- Я мужчина в самом расцвете сил, - обиженно просунул посередине закрытой двери голову папа римский. - И раз уж ты меня осязаеть, мы могли бы...

- Во-о-он! - Настя запульнула в голову подушкой с кровати.

Смех графа и призрака был ей ответом.

Настя залезла под одеяло и сама тихонько засмеялась. Угрозило же!

Она проспала до обеда. Было особенно приятно проснуться и осознать, что они смогли выбраться из ночных приключений без последствий. Правда, потом Настя вспомнила о призраке и со стоном уткнулась лицом в подушку.

Поздний завтрак проходил в столовой. Настя осторожно спустилась вниз, лелея в душе надежду, что папе римскому срочно понадобилось по делам в Ватикан. Но раз демон угрожал ему ладанкой, вряд ли его святейшество так уж свободен. А зарыть его и приговорить к заключению еще лет этак на четыреста у Насти не хватило бы наглости. Призрак вчера явно наслаждался подаренной свободой, возможно, он сам подскажет, где его лучше оставить.

Светлая столовая была залита солнцем. Подавали оладьи, бутерброды и пончики с шоколадом. Лика, вся в шоколаде, весело смеялась над шутками Диего. Ильвир ел и читал одновременно. Граф Виттури стоял у окна и говорил с кем-то по телефону по-французски. Папа римский Александр с интересом изучал репродукцию картины Боттичелли «Рождение Венеры».

Настя, надеясь, что призрак ее еще некоторое время не увидит, тихонько скользнула на свое место.

Ее желанию о спокойном завтраке не суждено было исполниться.

- Похожа на мою дочь Лукрецию, - кивнул на картину призрак, подошел к столу и сел напротив Насти. - Так что, великая грешница, расскажи мне, как ты пала в объятия демона.

Настя подавилась кофе, и он выплеснулся в блюдце. Все проклиная, она тихо возразила:

- Никуда я не падала!

- Ты служишь темным силам и злу, - настаивал папа, торопливо крестясь. - Как он совратил тебя? Исповедуйся, а я, может, отпущу твои грехи. Если будешь истинно раскаиваться. Только подробнее рассказывай, ничего не упусти.

Глаза папы римского Александра, то бишь Родриго Борджиа, весело горели. Столько в них было жизни, что просто невозможно было осознать, что он бестелесен и уже много веков как мертв.

- Он меня не совращал! - Настя в горячке возразила и только потом осознала, что ее слышали все. Почувствовав, как в ней поднимается удушливой волной стыд и ярость, она возмущенно добавила: - Да дайте уже мне поесть по-человечески!

Папа Александр сделал разрешающий жест, и Настя схватила бутерброд с сыром. Она боялась поднять взгляд на друзей, и пауза за столом слегка затянулась.

- Вечером вылет в Париж. Там нас ждут Серж и Итсаску. - Голос графа Виттури далекими грозвыми перекатами прозвучал в тишине столовой. - Диего, зайди ко мне, когда закончишь.

И граф вышел.

- Он в последнее время тобой особенно недоволен, - покачала головой Лика. - Почему?

- Я не знаю, - солгал оборотень. Он метнул взгляд на Настю, которая ела свой завтрак молча и задумчиво. Коса лежала у нее на плече, волосы блестели на солнце. Все было бы просто в этой жизни, если бы все они были, как она, - людьми. Но даже на ее долю пришлось много испытаний.

- Мавр расстроен, - прокомментировал папа римский, когда Диего вышел.

- Он не мавр, - возмутилась Настя.

- Не возражай мне, блудница. Таким блондинки очень нравятся, как бы не совратил мою Лукрецию. Она чиста, как ангел.

- Она и есть ангел.

Папа римский рассмеялся.

- Ангел заодно с демоном, где это видано?

- У нас современный мир, - с вызовом бросила Настя. - Мужчины порой женятся на мужчинах,

женщины становятся священниками, почему бы ангелу не работать с демоном?

- Для ангела она слишком... привлекательна. - Папа римский прижал ребра ладоней к груди и пожал воображаемый бюст.

- Ваше святейшество, да как вы можете! - Она смяла салфетку и бросила в Борджиа. Салфетка пролетела мимо.

- Опять пошлит? - спросила Лика с любопытством.

- Еще как.

Диего в столовую не возвращался. После завтрака Лика и Настя пошли прогуляться по Риму перед вылетом. Недалеко от особняка графа оказался Пантеон, и Настя затащила туда Лику посмотреть на храм всех богов.

Войдя внутрь, она замерла от иноземной нереальной гармонии и воздушности постройки, которая снаружи казалась приземистой и академичной. Купол с отверстием, через которое было видно небо, восхитил ее настолько, что Настя не находила слов, чтобы выразить свои чувства. Она замерла, глядя на небо, и казалось, что это оно смотрит на нее.

- Лика, разве это не прекрасно? Такое ощущение, что Бог смотрит на нас оттуда.

- Бог не там, Настя.

- А где? - Она перевела на ангела зеленые глаза. Лика с нежностью обняла ее за плечи.

- Представь себе, что видишь сон о цветке, с которого пчела собирает нектар, чтобы сотворить мед. Когда ты спишь, ты являешься одновременно и пчелой, и цветком, и медом, и девушкой. Бог видит сон о всех нас, и он во всех нас.

- Если бог во всем, то он и в демоне тоже.

- В этом демоне, - кивнула Лика. - И во всех остальных.

- Значит, никто не грешен?

- Грех... - Лика на мгновение задумалась. - Я не знаю, что сказать тебе на это. Наверно, эта червоточина есть во всех.

- Даже ангелы грешны?

- Ангелы грешны тем, что равнодушны. Что не прикладывают усилий для спасения. Они тоже зло. - Ее голос вдруг стал холодным и горьким.

- Но ты неравнодушна.

- Нет. И потому я тоже грешна.

Что-то было в печали Лики такое, от чего Настя содрогнулась. У ангела была своя история, и, видно, очень тяжелая.

Лика вышла на свет, падавший из ока храма, и золото ее волос вспыхнуло ярче. Закрыв глаза, она подставила лицо солнцу.

- Что бы ни было, Настя, всегда поступай так, как велит тебе сердце. Если делаешь что-то, то только потому, что действительно хочешь. Не жертвуй ничем, ожидая уступок небес в ответ. Жертвуют только слабые богам. А боги равнодушны к жертвенному огню, уж поверь мне.

- Думаешь, ангелы еще вернуться?

- Да. Архангелы жестоки и хладнокровны. Они не знают сочувствия, потому что думают, что так сохранят непредвзятость. И они не отступают. Сегодня произошло нечто странное. Михаил прислушался к тебе. Видимо, силой он тебя принудить не сможет, поэтому старается получить свое мирным путем.

- Против нас все. - Настя опустила голову. - Ангелы, демоны, Ноктурна. Как мы сможем спасти мир от ее гнева и силы, если так беспомощны?

- Я верю. - Лика вытаскала Настю на солнечный свет и заглянула ей в глаза. - Нас не сломают, не догонят и не победят. Пока мы верим. В добро. В чудеса. И магию любви. Пока мы верим в себя.

Синий взгляд ангела успокаивал.

- У меня вопрос: если вы станете предаваться однополю любви, разрешите хотя бы посмотреть?

Настя улыбнулась. Папа римский, оказывается, увязался за ними.

- Ваше святейшество, - спросила Настя, когда Лика пошла в булочную покупать выпечку, - а как все-таки вы оказались под тем камнем?

- Архивариус хранилища был таким, как ты, говорящим с призраками. Когда я понял, что он меня видит, то возликовал: хоть какая-то компания, весь Ватикан был глух и слеп ко мне, и я, как глас вопиющего в пустыне...

- А покороче?

- Если вырезать прелюдию из любви, моя прелестница, удовольствия будет минут на пять, - парировал папа римский. - Что ты краснеешь, как невинное дитя?

И тут до римского папы дошло.

- Дитя мое! - взволнованно начал он. - Хочешь сказать, демон ни разу тебя не...

Папа сделал неприличный жест бедрами.

- Ни разу!

- И он тебя даже не... - Он облапал ее виртуально.

- Нет!

- И даже не целовал?

- Да хватит уже! - Кровь кипела лавой, Настя даже задыхалась от неловкости, стыда, возмущения, гнева, которые ядовитой смесью кусали кожу.

- Хорошо, хорошо! - примирительно выставил вперед ладони римский папа. - Так вот, я проводил дни и ночи в беседах с архивариусом. Начал учить его, как добиться власти, но тот был не слишком заинтересован в ней, куда больше его привлекали документы и печати, письма и книги. Кажется, я утомил его своими беседами. - Папа скорбно вздохнул. - Когда он полез в архив оккультной магии и колдовства, я и подумать не мог, что он затевает что-то нехорошее. А когда увидел у него в руках свою ладанку, было слишком поздно. Потом были века тьмы и безмолвия, молитв и уединения. Пока не появилась ты, прекрасная дочь Сиона.

- Кажется, совсем недавно я была вавилонской блудницей, - напомнила Настя.

- Язык не повернется назвать так чистое дитя. Хотя тебе стоит поторопиться и вступить в брак, залежалый товар тоже не слишком ценится.

Настя прикрыла лицо рукой в отчаянии. Но в этот момент из булочной вынырнула солнечная Лика.

И конечно, ангел уже жевала какую-то выпечку.

- А вот и Диего, - сказала Лика. - Вот прохвост, почуял, что я булочки купила!

Диего смотрел на идущих по улице девушек, и на душе было гадко от разговора с графом Виттури. Проклятый демон давно просек чувства Диего. Оборотня бесило, что он для него открытая книга.

- Ты же понимаешь, что ей не быть с тобой? Что причинишь ей вред? - гремело у него в ушах.

Он не дурак, он все понимал. Он скрывал, как мог, но демон видел, демон чуял все страсти и пороки. Диего и сам понимал, да и не был уверен, что зверь, в нем живущий, не оживет опять в бешеной сладострастной жажде в момент сближения с девушкой.

И он знал, что графа бесит его отношение к ней, но даже не подозревал о том, что не только ему приближаться к ней, но и ей сближаться с ним опасно. И теперь он был намерен сделать все, чтобы выполнить слово, данное графу. Он не признается в своих чувствах. Никогда.

Глава 7

Полет прошел спокойно, если не считать постоянные восторженные комментарии Родриго Борджиа о том, что стоило просидеть взаперти столько веков, чтобы распробовать радости будущего.

В аэропорту Шарль де Голль их встречали Серж и Итсаску в сопровождении симпатичной француженки в кепке, белых кедах, обтягивающих джинсах и короткой маечке с надписью «Femme Fatale». У Лии было светлое густое каре а-ля Мирей Матье, серые с карими крапинками глаза, вздернутый носик и пухлые губы. Она была человеком, в чем поспешила заверить Настю. Перед графом девушка совсем не сконфузилась, расцеловала всех в обе щеки.

Папа римский не преминул вставить свое слово:

- Похожа...

- На вашу дочь Лукрецию. Я уже понял.

- Какая попка! - взволнованно шептал призрак, когда Лия повела всех к своей машине. - Да будет вовеки прославлена новая, откровенная и возмутительная мода, ничего не скрывающая от взглядов истинных ценителей женских форм!

- А можете это думать про себя? - сквозь зубы процедила Настя.

На некоторое время папа римский замолчал, цепко выхватывая Лию взглядом в толпе аэропорта.

- Поиски картины могут затянуться, - услышала Настя голос Ильвира. - Архив был вывезен, но по дороге многое было утеряно, потом его перевозили с места на место, уничтожали ненужное, раздавали, даже был момент, когда уличные торговцы рыбой заворачивали товар в письма государей Европы предыдущих веков.

- Да, но вряд ли они заворачивали рыбу в холсты, - возразил граф Виттури.

Лица по другую сторону рассказывала Сержу и Итсаску про римские приключения. Диего ушел вперед к Лие и о чем-то беседовал с ней, девушка отвечала, с интересом глядя на парня. Насте вдруг сделалось не по себе. Словно холод пронесся по залу аэропорта. Она передернула плечами.

Лия, как оказалось, приехала на минивэне, так что вся группа разместилась вполне комфортно, граф сидел рядом с парижанкой, а Настя оказалась спиной к ним. Лия трещала на французском, а граф отвечал ей с улыбкой, ласково. То небольшое, что Настя понимала, ей не нравилось: девчонка явно клеилась к графу. Прикусив губу, Настя старалась уяснить, что это в порядке вещей, но в ней поднималось звериное возмущение. И еще чисто женская зависть к тому, как Лия очаровательна и притягательна, что в ней есть шарм, которого Насте не приобрести.

Серж что-то рассказывал Итсаску, показывая ей из окна город, руки вампирши он держал в своих, и Настя любовалась этой парой. Вот если бы и ее кто-нибудь так полюбил. Просто заботился о ней. Просто был рядом.

Вздохнув, она отвлеклась на город. В Париже у графа оказалась во владении огромная мансарда.

- Что ж, вы располагайтесь. - Лия провела словно невзначай пальчиками по запястью графа. Тот усмехнулся. - Жаль, для меня места нет.

- Можешь остаться в моей спальне. - Граф Виттури подхватил свою сумку. - Я все равно не сплю.

Лия жадно облизнула губы.

- Это было бы чудесно.

- Тогда пойдем, я покажу тебе дорогу к моей постели.

Настя чувствовала себя разбитой и несчастной. Им с Ликой досталась одна ванная на две комнаты, и ангел пропустила ее в душ вперед. Настя плакала, стоя под струями воды. Было обидно, но почему - не могла объяснить. Она не хотела быть такой, как Лия. Но ей было грустно, что графу Лия нравилась. От этого она ощущала себя пустой. Со стороны Настя понимала, как глупо выглядит ее дурацкая ревность. Граф не ее собственность, и ревновать нет прав. Просто было обидно, и все.

Вывышившись, она тут же залезла в кровать и пребывала в ужасе, что может не успеть уснуть до того, как Лия окажется в объятиях демона. И довольно быстро отключилась, обиженная и нахолившаяся, как воробушек.

За завтраком Настя ела, не поднимая глаз, а папа римский, сев рядом, долго елозил, вздыхал и

устраивался, пытаюсь обратить на себя внимание девушки.

- Какая это была ночь, - наконец мечтательно произнес он.

Настя почувствовала тошноту. Еще не хватало, чтобы он в подробностях описал все произошедшее между графом Виттури и Лией. Вон она льнет к нему как кошка, задевает как бы невзначай, улыбается, стреляет глазами.

- Тебе действительно стоит поучиться у этой милой куртизанки. Спит обнаженной, так что я смог полюбоваться на ее тело и даже потрогать.

- Как это развидеть? - Настя пыталась прогнать образ папы римского с Лией.

- Я все ждал, когда придет исчадие ада. - Борджиа кивнул на графа Виттури. - Но он так и не явился. А она вся извертелась на простынях, как грешница в кипящем масле. А жаль, за неимением возможности сделать это самому с удовольствием посмотрел бы...

- Ваше святейшество, молчите! - опередила Настя готового сказать очередную скабрёзность папу.

Но все же его рассказ взбудрил ее. После него она вдруг по-другому взглянула на графа и француженку. То, что он ей нравился, было очевидно. И она была невероятно очаровательна. Трудно не повестись. Граф Виттури умело поддерживал флирт с Лией, но не скатывался к тому, чтобы отреагировать более явно на ее поползновения. Настя вдруг осознала, как он мастерски водил Лию за нос, дразнил, подтрунивал над ней, но делал это без злобы и без дальнейших планов на девушку. Такт, любезность, сдержанность, невероятная способность поддерживать игру, не давая противнику приблизиться, не вынуждая его отступить. Когда ее глаза открылись, она вдруг поняла, что так умело и благородно держаться очень сложно, но графу Виттури это, казалось, давалось легко.

- Идеальный политик, - поддержал ее мысли призрак. - Не говорит да, не говорит нет. Не отталкивает, не дает приблизиться. Поддерживает интерес и не дает разочароваться в себе. Кажется, сегодня ночью бедняжка Лия опять будет одна.

Настя же подумала о том, как ужасно смотрелась со стороны ее недавняя слепая страсть к графу. Она же, наверно, выглядела намного глупее изящной и кокетливой Лии. Стыд залил душу горечью. Как же хорошо, что граф мягко отталкивал ее, а потом и вовсе дал возможность получить силы у Матери. Какой же он... мудрый.

Она смотрела на него, на легкую улыбку, с которой он слушал Лию, и испытывала невероятную благодарность за все, что он делает и делал. Кажется, эти его угрозы про душу взамен на ночь были всего лишь угрозами, способными отрезвить Настю. Ему не нужна ее душа. И она сама совсем не нужна.

Настя опустила глаза на чашку кофе. Может, это и к лучшему.

Их поход по архивам Парижа, в которых находились остатки того, что вывез Наполеон и не смог выкупить Ватикан, не дал результатов. Их охотно пускали, ведь архивы открыты для публики. А дальше либо граф представлялся, и перед ним с поклоном открывали двери, либо действовал Диего, гипнозом заставляя сотрудников идти навстречу странной компании.

Был солнечный полдень, когда они вышли из очередного архива.

- Есть еще пара мелких. Неподалеку. - Серж развернул карту.

- Думаю, мы справимся вдвоем с одним из них. - Итсаску утянула его прочь. Ей жутко надоело ходить толпой по Парижу, хотелось побыть с Сержем наедине, вдвоем копаться в проклятых архивах, вдвоем гулять по набережной, подставляя лицо ветру, и пить кофе за круглым столиком на террасе.

Настя устало опустилась на скамью. Она на ногах уже шесть часов, и хотелось отдохнуть. От графа Виттури это не ускользнуло.

Он предложил остальным проверить второй пункт, отпустил домой уставшего Ильвира, а сам сел на скамейку к Насте. Перед ними была набережная Сены, слева виднелась алтарная часть собора Парижской Богоматери на острове Сите.

- Впервые в Париже? - спросил он.

Настя кивнула. Очарование города вдруг захватило ее, словно до сих пор она и не видела его вовсе. Остановившись, она смогла почувствовать его ритм и дыхание: взволнованно провожала глазами

кораблики на реке, смотрела на туристов, которые позировали на мостах, на то, как солнце горит в стеклах домов, выходящих на реку.

- Твой невидимый друг рядом с нами?

- Нет, - Настя покачала головой, замороженно глядя на реку, - он все утро где-то пропадает. Может, наконец оставит меня в покое.

- Сомневаюсь, - улыбнулся граф Виттури. - Я бы на его месте от тебя ни на шаг не отходил. Кто еще будет так терпелив к такому, как он... Кто еще выслушает, покраснеет, пожалеет его...

- Мое терпение далеко не ангельское.

- Твое терпение гораздо крепче.

Некоторое время они сидели молча. Потом граф чуть приобнял одной рукой Настю за плечи и наклонился к ней ближе.

- Здесь, за нашими спинами, Латинский квартал. Лабиринты улочек, таящих в себе массу секретов и тайн. - Голос его убаюкивал. И поэтому следующий вопрос сбил с ритма: - Итак, чего желает прелестница? У меня есть полное собрание смертных грехов на выбор: наркотики, выпивка, безудержный секс...

- Боже, - Настя притворно зевнула, - все это примитивно и неинтересно.

- Раз так... - Он приблизился и, улыбаясь, как довольный кот, прошептал (она закрыла глаза от удовольствия): - Есть еще ящик свежей клубники и вкусный чай.

- Я вся твоя, демон, - рассмеялась Настя. - Что ж ты с этого не начал? Веди меня к грехопадению или как там его...

- Вообще-то это чайная, - смеясь, возразил он и помог ей встать.

Она взяла его под руку. Он не возражал, лишь посмотрел на нее своими карими глазами так, что у нее от счастья душа запела.

Сначала все было хорошо. Они пили чай с макаронами и клубникой, он рассказывал ей свои парижские истории, которых было немало. Время от времени демон попадал в Париж, и всякий раз город менялся, будто готовился к встрече: строил декорации, творил атмосферу. И это было волшебство: солнечный свет падал на их столик, освещал золотые искры в его глазах, ласкал его лицо, путался в черных кудрях. Перекаты его голоса ласкали слух, смех заставлял кровь бежать быстрее. Она вся погрузилась в его истории, перед мысленным взором проносились сцены французской революции, слышались выстрелы и крики, улицы заполнялись баррикадами, запах пороха щекотал ноздри...

А потом он вроде бы случайно накрыл ее руку своей, и Насте вдруг вспомнилась Лия, флирт, и она испугалась, что он провернет с ней тот же номер. Ей не хотелось быть такой самоуверенной до слепоты и радовать себя ложными надеждами. И она резко выдернула руку, словно обожглась.

Он замолчал. Она не поднимала глаз.

Потом посмотрела в сторону, на пару за столом. Двое были поглощены друг другом, обнимались так тесно, что даже неприлично, ворковали вполголоса. Разве они думали о вечности? О фальши? Они просто хотели быть друг с другом.

- У него есть девушка в другом городе.

- Ты вечно все портишь. - Она наконец перевела на него взгляд.

- Ты думаешь, это такая константа: счастье, радость, делить жизнь с другим. Верх романтизма и море заблуждений. Люди ныряют от счастья к горю, от чаяния к отчаянию. Они умирают за любовь, сражаются за нее, но, получив, не могут насладиться. Вы ищете вечной любви, а сами не способны нести ее вес.

- Говорить о любви с демоном - все равно что бросать камни в море в надежде, что заполнишь его.

В гневе она поднялась и выбежала на улицу. Он оставил деньги на столе и вышел за ней. Но не пошел следом, а встал, мрачно провожая ее взглядом. Потом наклонил голову и произнес:

- Выходи уже. Она ушла.

- Доволен? - Лика вышла из-за угла. Она была зла, если такое вообще можно сказать об ангеле. -

Оставь ее в покое. Что ты хочешь от нее? Душу? Падения? Посмеяться? Ставишь новый опыт над человеком?

- Это время, Лика. Я так стар, что время моложе меня. Человеческая жизнь превращается в мгновение. Обесценивается погоня за душами, они никому не нужны. Мы сами цепляемся за секунды, потому что нам надоело их бег. Если бы остановить их жужжание, мелькание, - он прислонился спиной к стене и поднял глаза к небу, - в новой тишине я смог бы услышать что-то более ценное, чем ход времени, как считаешь?

- Демон, ты наказан за гордыню, ты призван сохранять гармонию по другую сторону оси.

Он усмехнулся:

- Тебе не надоело ходить за мной?

- Только так я могу предотвратить то, что ты собираешься сделать.

- Если я соберусь что-то сделать, Лика, то ни ты, ни все небесное воинство не сможете меня остановить. Уж ты должна это знать.

Лика смотрела на него с сожалением. Бедный демон, он сам запутался в этом деле так, что не знает, за какую нить потянуть. Она оперлась спиной о стену рядом с ним. Не сговариваясь, они стали невидимыми для пешеходов.

- Я верю, ты найдешь выход. Ты ведь всегда его находишь? - Синие глаза ангела тревожно вглядывались в профиль графа.

- Лика, я устал. Сколько тысяч лет продолжается эта борьба? Я делаю все, что могу, чтобы они жили, я предал ради них. Может, пора прекратить? Сама же видишь... Они все такие же. Жадные, завистливые, похотливые, а когда мне удастся выловить из их массы светлую, яркую душу, они же сами стремятся ее уничтожить. Сколько можно?

Лика хотела обнять его, хотела подарить часть любви из своей души, но это было невозможно. Она ангел. Он демон. Они разные полюса, им даже прикоснуться друг к другу некомфортно.

- Ты же спас меня. - Слезы текли по фарфоровому личику.

Демон посмотрел на нее, отвел глаза и отвернулся.

- Помнишь, ты сказал, что делаешь это просто так? Потому что тебе скучно? Это неправда.

- Лика... - Граф печально усмехнулся. - Как я мог пройти мимо ангела с подбитыми крыльями? Того, кого мои бывшие братья, архангелы, не захотели спасти, брезгливо отвернувшись? Как мог не ответить на твою просьбу о помощи? В конце концов, всем ангелам следует пасть хотя бы раз. Это весьма интересный опыт. - За его иронией слышалась боль.

- Мы ведь похожи с тобой... Я чуть не погибла из-за любви к смертному. Ты в отчаянии из-за Насти.

- Я не... - Демон сжал руки в кулаки, и черная аура за клубилась вокруг него. - Ты же знаешь, демоны не могут любить. Это просто долг.

- Демоны, может, и не могут. Но ты же больше чем демон, Самаэль. Ты - тот, кто ближе всех стоял к Нему.

- И ниже всех пал. И ничего не могу сделать, чтобы изменить предписанное. Сколько бы ни старался.

Лика оставила его наблюдать за людским потоком, а сама пошла за Настей. Ей было больнее за него, чем за себя. Как-никак, она сама нарушила первое правило ангелов: не испытывать влечения к людям. Влюбилась в душу мальчика. Приглаживала рукой его кудри. Шептала ему на ухо стихи. Наслаждалась его юношеской честностью и горячим стремлением изменить будущее. Когда он выступил с одой перед удивленными учителями, она испытывала материнскую гордость. И даже не подозревала, что горячая привязанность ангела к душе человека может привязать его и к человеку. Но он стал мужчиной. Страстным, легко увлекающимся женщинами. Как он умел обольщать, как искал в каждой из них музу, искренне и горячо поклоняясь каждой из них, ища вдохновение! А между тем муза всегда была рядом. Охраняла его. Спасала. Когда она поняла, что он примет участие в восстании, то сделала все, чтобы он в тот морозный день не смог появиться на площади. Она любила его уже не только за гениальность. Она любила в нем человека. И это стало пыткой: видеть, как он любит женщин, как ласкает их и раздевает, как они дарят ему свою нежность. Она чувствовала страсть. Желание опалаяло ее щеки. Когда он спал, она приходила, садилась на постель рядом, ласкала его лицо, шею, грудь. Она уже была готова переступить черту и материализоваться

перед ним.

- Не стоит. - Рядом с альковым спящего поэта появился человек в черном. Ангел вздрогнула, понимая, кто пришел к ней. - Если материализуешься, чтобы быть с ним, небеса накажут тебя.

- Как?

- Ты можешь стать мужчиной, ребенком... даже животным. Старухой. Он никогда не посмотрит на тебя. Ты обрекла его на гибель своей любовью. Архангелы готовят ему смерть.

- Я хочу спасти его.

- Тогда оставь.

Ангел знала, что он прав. Вместе они вышли из спальни.

Но искушение увидеть его снова было велико. Она сражалась сама с собой некоторое время, но потом снова вернулась в его город. Он стал семьянином, развил свой талант, но за его спиной зрел заговор. Увидев опасность, она в слезах бросилась в ноги демону:

- Спаси его! Умоляю! Дай ему другую судьбу!

Лицо демона стало серым от горя.

- Ты все-таки виделась с ним! Ангел, ты обрекла его на гибель. Я выторговал для него спасение у архангелов при условии, что ты оставишь его, в последний момент дуэль должна была отмениться. Но теперь... Мы потеряли его.

Они были там, на дуэли. Стояли вдвоем за спиной поэта, не в силах помочь. А за спиной его соперника стоял Михаил. Он молился. Проклятый лицемер.

Все, что оставалось: принять падающего раненого в свои объятия. В последний раз ласкать его кудри и целовать лоб. Она сама попросила демона остановить муки умирающего. Наблюдать за тем, как он угасает, не было сил. Они оба проиграли тогда. Дар исцеления пришел к ней сразу после смерти поэта. Словно извинение небес за боль, нанесенную ей. А красивое тело - будто наказание и проклятие.

Лица прикрыла глаза. И вот через века еще одна человеческая жизнь объединила их в бесполезной борьбе с небесами. Настя.

Глава 8

Иной Париж... Настя даже не почувствовала, как перешла границу. И только по тишине осознала, что уже не находится больше в живом городе. И конечно, собираясь на прогулку по архивам Парижа, мечта с собой она не взяла. Без оружия, в тишине города ее каблучки стучали тревожно, а сердце сжималось от страха.

Зачем она снова в Ином городе? Что на этот раз готовит он ей? Надо ли вызывать демона? Или она справится?

При мысли о демоне Настя гордо хмыкнула. Ну уж нет. После того, что она сказала, звать его на помощь было бы все равно что попросить прощения. Сама справится.

Повернув бодро за угол, она увидела сидящего на мостовой человека и притормозила.

Мужчина в пальто сидел так, будто только что его сбила машина, растерянно оглядываясь вокруг. В нем совершенно ничего не сочеталось: пальто и одежда были классического кроя, деловые, словно он направлялся на заключение важной сделки, не хватало еще портфеля в руке, но при этом стрижка совершенно не клеилась с образом: это был ирокез, выкрашенный в ядовито-зеленый цвет. Настя подошла ближе, мужчина поднял на нее глаза. Они были синие, он был весьма красив, молод, но ирокез, густо унизывающий уши пирсинг, татуировка, вьющаяся по шее, – все это никак не вязалось с его одеждой и абсолютно потерянным взглядом.

– Привет. – Настя помахала на всякий случай рукой. – Ты кто?

– Где я? – Голос был хрипловатым от волнения. Парень рассеянно смотрел на свои руки и трогал одежду.

– В Ином городе. Тебе помочь?

– Сам встану.

Он неуклюже поднялся, зачем-то пощупал себя за плечи, завел руки за спину, похлопал по лопаткам. Провел рукой по лицу, испуганно схватился за уши, за пирсинг.

– Зеркало есть?

Настя порылась в сумочке и вытащила пудреницу. Парень взял у нее зеркальце, руки у него тряслись, но пальцы были длинными, очень красивыми. Он посмотрел на себя, повернул голову чуть набок, дотронулся испуганно до шеи и потер татуировку, словно хотел ее стереть, как грязь. Осознав, что это рисунок на коже, он застонал и отдал пудреницу девушке. Сев обратно на асфальт, он обхватил голову руками.

– Может, тебе все-таки нужна помощь?

Он поднял голову, вытер мокрое от слез лицо. И снова удивился, долго размазывал соленую каплю между пальцев.

– Это что?

– Слезы.

– Я могу плакать только душой, – сказал странный парень. – Слезы – это физиология человека.

– Э-э-э... Ну, ты вроде как человек...

Настя не переставала оглядываться по сторонам, ведь в Иных городах на нее все время нападали. Но этот парень не вызывал у нее страха. Скорее ему хотелось помочь. Бунтарский дух в виде татуировок, ирокеза и пирсинга никак не вязался с его одеждой и манерами. Он был растерян и смятен, и его синие глаза смотрели вокруг в ужасе и недоумении.

– Как тебя зовут? – сделала она еще одну попытку светской беседы.

– Габриэль.

– И кто же ты, если не человек?

– Я ангел.

Настя с недоверием еще раз окинула взглядом парня:

– Да ладно... ангел с пирсингом?

- Видимо, это часть наказания.

- За что же тебя наказали?

- За то, что не смог предотвратить... - Габриэль глубоко задумался. - Не помню. Я должен был что-то предотвратить.

- И что будешь делать теперь?

Парень потер татуировку на шее.

- Искать девушку.

Настя засмеялась. Ничего себе! Только воплотился, и сразу же девушку ему подавай. Может, потому и прикид такой выбрал.

- Ладно, что ж, удачи!

Она пошла прочь.

- Эй, подожди! - Габриэль догнал ее и зашагал рядом. - А ты что здесь делаешь?

- Не знаю. Иной город просто «крадет» меня всякий раз, когда ему что-то нужно. Только вот что на этот раз?

- Отсюда можно выбраться?

- Да. Но переход обратно, если город сам не отпустит, не очень приятен. Поэтому лучше поскорее выяснить, зачем мы здесь.

Прошло два часа бесплодных шатаний по иному Парижу, они сидели на скамье в Люксембургском саду. Здесь по крайней мере тишина не была такой удручающей, потому что слышно было, как журчит вода в фонтане. Настя была измотана, от голода слегка кружилась голова. Габриэль сидел, положив пальто на скамью, расстегнув ворот рубашки и закатав рукава. Его татуировка была затейливой: розы с шипами, вьющиеся по груди и шее. На руках выше кистей тоже все было в татуировках.

- Надо попробовать найти еду. - Настя со вздохом поднялась. - Я долго не продержусь без обеда.

На солнце было жарко, она расстегнула куртку и развязала платок на шее.

По скрипу засыпанных камушками дорожек она знала, что парень поплелся за ней.

Они вскоре обнаружили булочную. Войдя внутрь, Настя глубоко вдохнула запах выпечки. Но тут же забеспокоилась: можно ли есть еду из Иного города? Нет ли в этом опасности или ловушки?

Габриэль зашел за прилавок и спокойно взял два круассана.

- Держи, - протянул он ей.

- Я не знаю, можно ли это есть.

- Как знаешь. - Парень откусил половину круассана, и слоеное тесто посыпалось на пол. Он жевал и мычал от удовольствия.

- Вкусная штука!

Настя покрутила в руке выпечку. Есть хотелось невероятно, и она решила. Будь что будет. Упасть в голодный обморок в Ином городе куда опасней.

Но откусить она не успела. Звякнул колокольчик на двери булочной, Габриэль и Настя одновременно повернулись, чтобы посмотреть, кто пришел.

Встретившись с холодными и льдистыми глазами Михаила, Настя нервно сглотнула. За ним были еще двое, как и в Риме. Дальше все происходило быстро, неотвратно, жестко.

Настя бросила круассан в Михаила, метнулась за прилавок, выдвинула деревянный ящик, там лежали лопатки, ложки, ножи, они загремели от резкого движения, она схватила два ножа, развернулась как раз вовремя: на нее шел один из ангелов. Габриэль, увидев реакцию девушки, тоже поспешил схватить стул, перекрывая проход за прилавок с другой стороны.

Ангел смотрел на Настю секунду, потом со всей силы ударил в плечо. Ее мотнуло об прилавок, она закричала от страха и адреналина, выброшенного в кровь. Ее тут же схватили за локти, свели лопатки за спиной, вытащили в зал, поставили перед Михаилом. Она вопила и выдиралась, архангел с презрением, чуть выгнув губы, размахнулся и наотмашь ударил ее по лицу. От боли, неожиданности, звезд в глазах и звона в голове Настя выронила оружие. По лицу побежала горячая кровь.

Архангел протянул руку к кулону, чтобы сорвать его. Настя в одно мгновение налилась яростью и животным инстинктом самосохранения.

- Нет! - закричала она что есть силы и, воспользовавшись тем, что ее крепко держат за руки, оттолкнулась ногами от земли и пнула ими архангела. Тот на шаг отступил назад. Его спокойное лицо вдруг преломилось гневом.

- Как ты смеешь, дева! - И он вытащил меч.

Настя закричала снова, почти завывала, выталкивая из себя силу ярости. И внезапно физически ощутила, как гнев покидает ее в форме волчицы. Белая волчица выпрыгнула из груди девушки, опрокинула архангела, оскалилась ему прямо в лицо. Настя увидела, как он нацелил меч на брюхо волчицы. В испуге она не успела ничего сделать, только подумала: «Берегись!» Волчица, казалось, услышала ее и, развернувшись, вцепилась в предплечье архангела.

Настя пыталась вырваться из рук удерживающего ее ангела, но внезапно он сам отпустил ее и свалился на пол. Она обернулась: позади стоял Габриэль, сжимая в руке стеклянную бутылку с водой.

Подхватив ножи, она бросилась с ним на выход, дорогу им преградил третий ангел. Габриэль, страшно закричав, набросился на него с кулаками.

- Беги!

Настя выскочила из булочной и помчалась по городу. Оглянувшись, она увидела, как за ней бегут Габриэль и волчица. Она не была уверена, что от ангелов так легко уйти. Поэтому, когда перед ней возник темный силуэт, она испугалась, что это один из них.

Но это был Белиал. Золотая корона, присыпанные пеплом волосы и лицо, страшные черные глаза. Он был выше человеческого роста.

Настя остановилась, сжимая в руке ножи, в отчаянии глядя по сторонам. Белиал хищно оскалился, и его голос прозвучал демонически громко и совсем иначе, чем в Аду:

- Не ожидала, что так скоро свидимся, земная?

Настя наклонилась вперед, заняв стойку с ножами наготове. Выхода все равно не было. Позади ангелы, впереди демон.

У ног, чуть впереди, появилась волчица, рыча на Белиала, она угрожающе обнажила клыки и десны. Белая шерсть стояла дыбом. Настя понимала, что животное черпает из нее силы, но это была хоть какая-то подмога. Габриэль был безоружен.

- Это еще кто? - спросил он, запыхавшись.

Настя не успела ответить. Белиал выгнулся, превратился в огненного дракона и набросился на Настю. Та отскочила в сторону, попыталась ткнуть ножом в чешуйчатое, красное от жара тело ящера, но он увернулся. Волчица бросилась на него, клацнула зубами, но не поймала, а хвост дракона, развернувшись, врезал по ней так сильно, что она безвольным мешком отлетела в сторону. Дракон же принялся за Габриэля. Парень отпрыгнул за мусорные баки, Настя бросилась на Белиала с ножами, от ненависти все клокотало в душе. Но в этот момент ее кто-то схватил за косу, притянул назад, выбил ножи из рук, больно завел их за спину и стянул в оковы. Она повернула голову: Михаил.

Даже связанная, она не желала сдаваться. Вопила, била ногами, пытаясь добраться до архангела и ударить его. Он поставил ее на колени и достал меч. Что-то черное метнулось вдруг сбоку, и архангел отпустил Настю. Она с трудом поднялась и увидела, как он борется с пантерой: черная кошка норовила клыками вцепиться ему в горло. По-прежнему связанная, она оглядела перестановку на поле боя. Лица прикрывала Габриэля, который с трудом выбирался из-за мусорных баков, ангелы сражались с Итсаску, Сержем и Ильвиrom. Но, похоже, подкрепление пришло не только к ней.

Белиал, отброшенный от Габриэля стрелами, принял снова человекоподобный образ и, запрокинув голову, издал такой леденящий душу клич, что внутри у Насти все задрожало и заледенело от

страха. И они явились к нему. Всадники на полуистлевших лошадях с красными глазами ворвались на улицу из-за поворота. Настя почувствовала, как сзади ее кто-то дергает за оковы, попыталась обернуться.

- Да не шевелись ты! - Лия сосредоточенно возилась с замком на оковах в виде выступающих пазлов. Таких замков ей еще видеть не приходилось, и она пыталась разобраться, как они работают. В атмосфере творящегося кругом хаоса это было не так-то просто. Русская девица была вся в крови и пыли, но держалась стойко. Наконец пазлы соединились, замок щелкнул, и оковы спали.

- Вот, держи. - Лия протянула Насте меч, а сама быстрым и отработанным движением вынула из кобуры револьвер и сбила выстрелом летящего на них всадника.

- Это же демоны, как у тебя получается?

- Так же, как и у вампирши вашей. Пули отлиты с заклинаниями. Проход находится в магазине одежды на соседней улице. Ты идешь со мной.

Она схватила Настю под руку и потащила прочь.

- Нет, постой, мы не можем бросить остальных.

- Приказ графа Виттури.

- Они же в опасности! - Настя пыталась вырваться.

Лия крепко вцепилась в нее.

- Дура, он приказал увести тебя, он здесь!

И она показала вверх. Настя увидела на крыше дома черный силуэт, который через мгновение сорвался вниз.

Закричав от ужаса, Настя не сразу осознала, что демон приземлился вполне безопасно, преодолев высоту пятиэтажного здания. Когда она привыкнет к такому?

- Идем!

Но Настя была поглощена борьбой, развернувшейся между Белиалом, его демонами и Самаэлем, которому по мере возможности помогала Лика, за ней беспомощно прятался Габриэль. Архангел Михаил боролся с пантерой, то одолевая, то проигрывая, два ангела отбивались от карлика, Сержа и Итсаску. Настя искала глазами волчицу. Та, прихрамывая, кралась вдоль стены дома к ней.

«Вернись», - позвала ее Настя. Все равно животное ранено, а силы на исходе. Она так и не научилась копить силу, в ритме их приключений это было невозможно. Волчица растаяла в воздухе, Настя почувствовала, как она втекла в нее небольшим приливом сил.

Самаэль в битве был прекрасен. Демон словно исполнял танец смерти: зажигательный, резкий, головокружительный. Его мечи сверкали, вращаясь, то над головой, то по бокам, то впереди. Так быстро, что уловить точные движения человеческий глаз был неспособен. Он улыбался, посмеивался над противниками. Был уверен в своей силе и мощи.

Лика стреляла хладнокровно, доставала стрелу из колчана, вставляла ее, натягивала тетиву и отпускала. С легким шелестом стрелы достигали своих целей. Демоны раненые, демоны убитые, ангелы в гневе, агенты - все кружилось перед глазами Насти.

- Надо забрать Габриэля.

Настя достала меч из ножен.

- А черт бы тебя побрал! - Лия выскочила вперед. - Беги, я прикрою.

Настя быстро добралась до Габриэля и схватила его за рукав:

- Пошли со мной!

И тут резкая боль пронзила ее тело. Колени подкосились, она опустилась на тротуар, рассеянно моргая.

Самаэль, смеясь, отбивал очередной удар Белиала, когда сзади к нему прорвался один из вызванных демонов и вонзил в него свое ледяное копьё. Боль была внезапной, неожиданно резкой и глубокой, демон еле отбил удар противника, развернулся, убил напавшего сзади, вытащил его копьё, которое тут же рассыпалось в крошку. Но боль не проходила. С удивлением он увидел, как

бежит из раны кровь на тротуар, заливаясь в щели между камнями мостовой. Раны не закрывались. Слабость и боль усиливались. Демон покачнулся.

Белиал захохотал, глядя на то, как Самаэль с неверием дотрагивается до раны.

Лица подхватила его вовремя, не дала упасть, пыталась залечить, но у нее не получалось.

- Как это возможно? - Ее губы обескровили от ужаса, оттого, что неуязвимый стал уязвим.

Растерянно посмотрев вокруг, слабеющий демон увидел бледную от боли Настю, возле которой хлопотал парень с зелеными волосами. И тут до Самаэля дошло.

- Настя...

Лица почувствовала отчаяние, какого не ощущала никогда еще: смертная тянет силы из него, из самого сильного среди них. Она не представляла себе мира без бессмертного духа Самаэля. Все держалось на нем. Все они живы благодаря ему. И человечество живо, потому что он опекает его. Что происходит? Как получилась эта связь?

Демон все больше слабел, еле держался на ногах. Лица чувствовала, как он все сильнее приваливается к ее плечу.

Лица с отчаянным воплем попыталась прикрыть Лику и Самаэля, Итсаску бросилась к ней на помощь, оставив Ильвира и Сержа сражаться с ангелами. Настя поднялась с помощью Габриэля, побежала, от слабости не чувствуя ног, к окровавленному демону:

- Граф!

Он повернулся к ней, бледный и растерянный. И тут же выражение его лица поменялось.

- Уведите ее! Немедленно!

Диего, отбросив Михаила, пытавшегося разорвать пантере пасть, в прыжке обратился в человека, схватил Настю за шкирку и потащил прочь. Она рвалась к графу, плакала.

- Настя, это ты его делаешь слабее!

Он подхватил ее на руки и бросился к проходу в Париж. С ними бежал Габриэль. Счет шел на секунды. Диего не знал, сколько еще смогут прикрывать графа агенты, поэтому бежал что есть силы, потом поставил Настю на ноги и потянул за собой, она уже следовала за ним не сопротивляясь. Они прыгнули в переход с разбега, не мешкая. И Настя потеряла сознание.

В Париже они вышли в закрытом на ремонт ателье. Кругом стояли поломанные манекены, рулоны ткани и большой стол для раскроя. Диего положил на него Настю и достал оставленную графом живительную настойку.

- Ты как? - бросил он незнакомому парню в пирсинге, который, казалось, преодолел переход без проблем.

- Я-то нормально, а она?

- Придет в себя.

Он раздвинул губы Насти, влил немного жидкости и дождался глотка. Она приходила в себя мучительно долго, видимо, была измотана до предела.

- Что там произошло? Кто были все эти... создания? - Парень обошел стол с другой стороны.

- А ты-то кто? - Диего бросил на него короткий взгляд, который, он знал, выдает в нем хищника. Но незнакомец не пугался, а с беспокойством смотрел на белое лицо Насти.

- Я - ангел, правда, я уже в этом не уверен. - Парень почесал зеленый ирокез.

Диего покачал головой. Ну и дела. У Насти просто талант находить странных личностей. Нашла же она Цезаря, потом призраков, теперь вот еще и парень этот непонятный. Но опасности от него вроде не исходило.

События последних часов Диего измотали. Когда Лица увидела, что Настя впереди нее просто исчезла, она бросилась за ней, но прохода уже не было. Граф Виттури вызвал их всех тут же, организовал переход, и они блуждали по Иному городу в поисках Насти, пока не услышали шум.

Они подоспели вовремя, но теперь, когда Настя была в безопасности, он переживал за остальных.

Переход засветился, и появилась Лия, ее колени были в крови, она упала, корчась от боли, и Диего поспешил дать ей флягу. Девушка глотала жадно, дрожа от пережитого.

- Граф? Как граф? - Настя кое-как слезла со стола, странная пронизывающая боль в теле прошла, но сил было мало. Габриэль подставил ей плечо для опоры. Лия ничего не ответила. Вслед за ней выпрыгнула Итсаску и вытянула Сержа, фляга перекочевала к нему в руки, парень задышался. Появилась Лика, за ней граф Виттури с Ильвиром на руках. Лика пыталась залечить Ильвира, тот был ранен в грудь, но получалось плохо.

- Рана нанесена ангельским мечом, я практически бессильна.

Граф Виттури положил Ильвира на широкий стол. Настя с облегчением увидела, что граф в порядке, а вот карлик был без сознания. У нее все похолодело внутри.

- Рита должна знать, возможно, есть заклинания. Мы летим в Барселону немедленно. Лия, организуй машину и вылет.

- Есть. - Лия трясущимися руками вытащила телефон и начала звонить.

- Я могу чем-то помочь? - робко спросила Настя у Лики.

За ангела ответил граф Виттури:

- Можешь, Настя. Если не будешь своевольно уходить одна и подставлять всю команду. - Его ярость, до сих пор сдерживаемая, прорвалась наружу. - Ты могла связаться со мной, всего этого можно было избежать! Почему ты молчала?

Девушка не отвечала, опустив глаза. «Погибель моя!» - в гневе думал он. Она проклята, он проклят - все больнее и опаснее, он становится уязвимым рядом с ней, она словно пьет из него соки. Нужно научить ее восстанавливать силы. Иначе они оба погибнут. За что их связали вместе? Почему он так уязвим теперь? Что это за новый вид наказания?

По дороге в аэропорт все молчали, прислушиваясь к хриплому дыханию Ильвира. Призрак папы римского тоже сидел тихо, понимая, что Насте сейчас не до бесед. Девушка слабела, но жаловаться боялась, потому что куда важнее был Ильвир, да и все случилось из-за нее. И все же силы утекали капля за каплей, прикрыв глаза, она дремала, прислонившись к стеклу, потом, в аэропорту, заставляла себя двигаться, на автомате прощалась с заплаканной Лией. Габриэль летел с ними, он помогал ей, единственный из всей команды понимал, что Настя вот-вот упадет. Когда самолет взлетел, шум в ушах не давал слышать переговоры Лики и графа, склонившихся над Ильвиром. Она проваливалась в темно-багровую, почти черную пелену, руки безвольно повисли. Она не могла пошевелить и пальцем. Состояние усугублялось чувством вины и страхом, что они не успеют донести Ильвира. И все из-за нее. Все из-за нее. Из-за нее...

Черт бы ее побрал. Яблоко раздора, упрямая, взбалмошная, непослушная девчонка. Он чувствовал, что она слабеет, знал, что придется дать ей сил, чтобы дотянула до Барселоны. Но медлил, мстительно наблюдая, как она бледнеет, как дыхание становится все более слабым и прерывистым. Он подошел, только когда судорога начала сводить ее пальцы. Тогда он взял ее за руку и дал немного сил. Совсем чуть-чуть.

- После приземления отнесите ее куда-нибудь на природу.

Он сказал это отстраненно. Диего и Габриэль кивнули и переглянулись.

К самолету подъехали две машины, из одной выскочила Рита, вслед за ней Джонни. А Диего внес Настю на заднее сиденье другой машины. И велел ехать к морю.

Было тепло, поэтому они сняли с Насти куртку и обувь, положили на песок, ладони прижали к земле. И сели рядом. Море набегало и иногда доставало до Настиных ступней. Ангел и оборотень тихо беседовали, Диего вводил Габриэля в курс происходящих событий. А Габриэль коротко рассказал про напавших на них ангелов.

Старуха Мать подошла к лежащей Насте и покачала головой:

- Он совсем тебя не бережет, девочка.

Настя хотела ответить, пошевелиться, но не могла.

Старуха положила ладонь ей на грудь, прямо над сердцем, и зашептала заклинания скрипучим голосом шаманки. Настя провалилась в темноту, вынырнула на поверхности озера и глубоко вдохнула сладкий ночной воздух. Повернулась на спину и посмотрела на небо, где сквозь облака белела Луна. Она ощущала, как воды озера проникают под кожу, бегут по ее сосудам, очищая, даря силы. Ее волосы стали водорослями, а сама она растворялась в небе и воде.

Голос Старухи звучал над ней в ночи, убаюкивая:

- Земная да черпнет силу из земли и воды. Да будет она сильна, волчицы земные и небесные пусть служат ей. Единой пусть будет с огнем, водой, землей и воздухом. Так сказала я, так и будет.

Настя закрыла глаза. Ее сознание растворялось в пространстве воды и воздуха. Она была и не была одновременно. Медленно погрузилась она под воду и мягко легла на песчаное дно. А когда открыла глаза, над ней было голубое небо, ноги лизало море, а тело было полно сил.

Демон почувствовал ее приближение еще до того, как она вошла вместе с ребятами в агентство. Сила исходила от нее волнами, такая притягательная и мощная, что он обернулся. Торжество блеснуло на миг в душе: Мать завершила инициацию, как он и рассчитывал, не выдержала, что он оставил Настю без сил.

Но тут же отвлекся на Риту: ведьма черпала из него силы для своих магических действий. Ильвир лежал, угасая с каждой секундой, Риту трясло все сильнее, она отдавала всю свою мощь, но магия не помогала. Когда Ильвир перестал дышать, она сломалась, тонкая и нежная фарфоровая красавица обрушилась на его тело маленькой потерянной девочкой.

- Папа! Папа!

Демон шагнул к ней, чтобы утешить, но Локи опередил его: обнял ее за плечи, поднял, прижал к себе. Рита рыдала, обвив его за шею, доверчиво уткнувшись ему в грудь. И демон чуть кивнул Локи, смотрящему на него с вызовом единственным синим глазом: так и должно быть.

Цезарь в горе спрятал лицо в ладонях, он с Ильвиром прошел длинный земной путь.

В груди демона клокотала ярость и злость на архангелов, на их презрение ко всему во имя высоких целей. В охоте за Настей они переступили все границы. И он им отомстит. Понимая, что еще немного, и черная ярость заволоклет его сознание, Самаэль выскочил прочь из агентства, и рык отчаяния прозвучал уже на лестнице.

Итсаску подошла к Насте и сказала:

- Тебе лучше уйти.

Настя была бледна. По щекам текли слезы, но когда она подняла взгляд на Итсаску, та еле удержалась, чтобы не отступить: в глазах Насти не было нерешительности, неуверенности, страха. Взгляд резал, по-звериному с вызовом смотрел прямо в душу.

- Мне незачем уходить. Ангелы охотятся за мной, но моей вины в этом нет.

Рита обернулась на ее голос. Ведьма и Настя встретились взглядами.

- Мне жаль, Рита, искренне жаль, что он погиб. Поверь, я сделаю все, чтобы отплатить ангелам за то зло, что они причинили.

Рита кивнула:

- Спасибо, земная. Я с тобой.

- Что еще за земная? - Итсаску, нахмурившись, сложила руки на груди.

- Покажи ей, - всхлипнув, посоветовала Рита. - Покажи им всем.

Настя прикрыла глаза и почуяла их запах, услышала их шаг и рычание. В комнату вошли три волка. Обнажив желтые клыки, один из них выдвинулся вперед на Итсаску. Вампирша положила руку на рукоять пистолета. На ее лице было написано полное замешательство.

- Я заключила договор с Матерью Волчицей. Я больше не одна.

Настя обняла Риту и вышла вон, даже не взглянув на Итсаску. Волки последовали за ней.

- Это тебе не девочка, которую можно шпынять по поводу и без, - тихо рыкнул Локи. - И мой совет: не связывайся с ней. Обидишь одну волчицу, придет мстить стая.

Настя шла по городу одна. Даже призрак оставил ее в покое, увидев волков. Впрочем, сейчас ее не сопровождали даже звери. В ней было столько энергии, столько сил, что нужно было срочно как-то их использовать. И она вспомнила про спортзал. Пойдет туда, намашется мечом вдоволь, может, сбавит немного обороты, с которыми кровь бьет в виски. Невозможно было поверить, что Ильвир мертв. Несмотря на свой малый рост, он занимал большое место в сердцах агентов. И было несправедливо, что его не стало. Неправильно.

Она открыла спортзал своим ключом и по звукам ударов догадалась, что кому-то еще пришла идея выплеснуть ярость и боль в движении. Она зашла в зал и остановилась на пороге. Демон боксировал грушу, которую ребята использовали для разогрева. Бедная груша, которую Настя и сдвинуть не могла, моталась туда-сюда, а граф, без перчаток, обнаженный по пояс, в ярости избивал ее. Обнаженный по пояс... Настя в оцепенении пробежала глазами по выпуклым мышцам на руках и выступившим венам. По блестящему от пота плечу, широкой спине. А граф, не замечая ее, в отчаянии и ярости кричал, в злости пиная грушу. И если бы демон мог плакать, он бы рыдал. Настя отступила назад: слишком больно видеть его таким. Она развернулась, чтобы уйти, но в этот момент он вдруг появился прямо перед ней, тяжело дыша, глядя на нее своими горящими глазами так, словно пошевелись она, – и он ее растерзает.

Инстинкт сохранения подсказал: застынь. В глазах графа Виттури, в черных глазах демона плескалась Тьма. Страх перед ней был таким исконным, первобытным, что сердце билось в горле. Он медленно опустил веки, пряча темноту своей души от нее. Не произнося ни слова, взял ее руку и положил ладонью к себе на грудь. Прижал на мгновение и отпустил. Она стояла, ощущая ладонью его влажную и горячую кожу. Кажется, она забыла, что значит дышать. Что ему нужно от нее?

Сила. Она почувствовала, как из нее перетекает в него энергия, как возвращается от него к ней, как замыкает их в узел, в круг, в кольцо.

Нерешительно она провела по его груди ладонью и положила вторую руку, заглянула ему в лицо: он не смотрел на нее. Осмелев, в восхищении она провела кончиками пальцев по шее, поднимаясь вверх к его лицу. Он чуть откинул голову, давая ей возможность изучить его. Капля пота медленно катилась с ключицы в ложбинку на накачанной груди. Во рту все пересохло. Это мука – касаться его, это счастье – касаться его. Хотелось прижаться губами к этой коже, целовать демона в мужском обличье и поклоняться ему, словно божеству. Золотой свет разливался между ними теплой и искристой волной. Настя скользнула рукой с груди на его живот. Он дышал, ожидая ее прикосновений. Она обвела пальцем каждую мышцу до границы брюк. Ее пальцы задержались на поясе, сердце колотилось быстро, будто от нетерпения хотело выскочить из груди. Она прижалась лбом к его горячей груди, не сводя глаз со своей руки. Собрала всю силу воли, что оставалась в ней. И отступила.

Он вернулся к груше. Только когда Настя услышала снова ритмичные удары за спиной, она смогла двигаться. Выскочив за дверь спортзала, она прижалась разгоряченной спиной к холодной стене и медленно сползла на пол. Руки еще хранили его запах и тепло, и она зарылась лицом в свои ладони. Он снял с нее напряжение, лишнюю энергию, которую она не знала, куда девать.

Но прикосновение к нему глубоко ее потрясло. Еще никогда не было между ними такого близкого контакта. И в этот раз он не собирался играть с ней в соблазнение. Она была нужна ему, а он ей. Она уверена, что и ему стало легче дышать после их обмена. Крики гнева в спортзале стихли, удары слышались все реже. Девичье воображение снова и снова повторяло картинки с его прекрасным телом. Как отвлечься от мыслей, которые похожи на шалости призрака папы Александра?

Она усмехнулась и покачала головой. Разве перед демоном можно устоять? Если бы он ее захотел соблазнить, давно бы уступила. Если она не уступила, в том не ее заслуга. А его. Это он лишь играет с ней в соблазн, не доводя игру до конца. Ему можно доверять. Он никогда не прельстится простой девчонкой.

Она вышла на улицу, глубоко вдохнула воздух и побежала. Не думала, что спустится до моря, но беж казался идеальным способом скинуть напряжение. Удивилась, когда море блеснуло в конце улицы. Плюхнувшись на песок, тяжело дыша, она сняла кроссовки, зарыла ступни в песок, потом прошлась по кромке воды, черпая покой в шуме волн. Расплакалась от смеси счастья и горечи, окончательно решив, что двинулась умом.

– Самаэль... – Губы сами сформировали его имя. В нем было все. Он бесконечен. – Самаэль, – шептала она волнам и смеялась. Те то отбегали с шипением, то возвращались, словно любопытствуя.

– Самаэль...

Слаще меда твое имя, демон. Слаще жизни.

И, подставив лицо лучам солнца, она улыбнулась.

Глава 9

Когда она вернулась в агентство, печаль снова тяжелой шалью легла на плечи. Боль потери звучала здесь натянутой струной. Лица с заплаканными глазами готовила успокаивающий чай для Риты. Дверь в комнату, где скончался Ильвир, была закрыта, оттуда только раздавался иногда перекатами тихий голос Локи, слышались всхлипы осиротевшей рыжей ведьмы.

Граф Виттури и Цезарь закрылись в кабинете, Диего с Сержем и Итсаску искали что-то в компьютерах.

Габриэль сидел растерянно в приемной. Бедный парень совсем не представлял, что тут творится. Настя налила чаю в кружку, достала из пакета, который принесла, круассан и протянула ему. Тот благодарно кивнул брито-зеленой головой.

- Жаль, что ваш низкорослый друг не стал призраком, - послышался вздох у нее за спиной. - Хоть какая-то компания была бы.

- И как вам удается сохранять спокойствие, ваше святейшество? Посреди всего этого кошмара... - Она еле сдерживалась, чтобы снова не разрыдаться.

- Самое страшное со мной уже случилось: я умер, - мягко сказал призрак Родриго Борджиа. Его обычно такие веселые, задорные глаза с сочувствием смотрели на девушку.

- Вы можете присесть, ваше святейшество, - пригласила его Настя.

Папа римский радостно сел рядом.

- Знаешь, дочь моя, чем больше я нахожусь в компании твоих странных друзей, тем больше мне интересно, что тут у вас происходит?

Настя вздохнула:

- Думаю, ты, Габриэль, тоже задаешь себе вопрос, кто мы, как и призрак.

- Я вообще задавал себе вопрос, не двинулась ли ты часом умом. Не знал, что призраки существуют.

- В существовании ангелов, знаешь ли, тоже многие сомневаются, - вставил свои пять копеек папа римский, позабыв о том, что парень его не слышит.

Настя потерла виски. Еще немного, и ее сознание не выдержит. Папа римский был для нее так же реален, как и татуированный ангел, но в то же время они оба были за гранью понятия о реальности.

Она начала свой рассказ. Единственное, о чем не упомянула, так это о том, как жаждали ее крови призраки, на случай, если папа римский тоже загорится похожей идеей.

- Мы пытаемся отыскать артефакты, которые содержат в себе силу Ноктурны. На данный момент самый основной - это картина.

- И пока ребята занимаются отбором возможных мест, где она может быть, я вам предлагаю поехать домой, - раздался голос графа Виттури. Он стоял, прислонившись плечом к косяку двери, сложив руки на груди. На фоне его белой рубашки они казались смуглыми. - Настя, зайди к нам в кабинет.

Цезарь сидел за своим столом, сцепив пальцы в замок.

- Граф рассказал мне про тебя, Настя, - заговорил он, когда она осторожно вошла и граф закрыл за ней дверь.

- Что именно? - спросила она. Неужели рассказал про то, что было в спортзале? «Да не было там ничего!» - отмахнулась часть ее сознания.

- Что ты посвящена. Про кулон. Про ангела, которого нашла в Ином городе.

- Кстати, об ангеле, - попыталась свернуть на интересующую ее тему Настя. - Что с ним делать?

- Ты позаботишься о нем, - раздался бархатистый голос у нее за спиной, и мурашки пробежали по спине к затылку.

- Почему я?

- Ну, ты же его нашла. Значит, он предназначен тебе.

- В каком смысле?

- Смысл найдешь сама. - Граф Виттури подошел ближе. Его карие глаза с золотыми искрами завораживали, и она с трудом перевела взгляд на предмет, который он протягивал. Это была банковская карта.

- Карта агента выдается в исключительных случаях. Здесь есть средства, информация о покупке поступает на мой номер, так что я могу отследить траты. Я даю тебе ее, потому что уверен, ты распорядишься ими разумно.

- Ты посылаешь меня на шопинг? В день смерти Ильвира, серьезно?

- Не злись, Настя, - вклинился в их перекрестные взгляды Цезарь. - Парню нужна одежда, нужно где-то жить. Есть. Так что угомонись и выполняй приказ.

Слезы набежали на глаза. Сама не понимая, на что так обиделась, Настя схватила карту и выскочила из кабинета.

- Пошли, - сердито буркнула она Габриэлю и пошла к лестнице. Парень поплелся за ней.

Настя порывисто шагала и лихорадочно думала, что делать. Она написала Юке сообщение, спросила, можно ли привести переночевать одного друга, японка ответила ей, что они с Мартином уехали в горы на выходные, так что без проблем. Выходные... Настя совершенно потеряла счет времени и дням. Занятия заброшены, Пепе хоть и отпустил ее, но тоже, наверно, ждет. Она даже с родными уже несколько дней не говорила.

Вопрос с ночлегом решен. Настя бросила взгляд на Габриэля: как же не идет ему этот офисный стиль!

- Давай купим тебе что-нибудь из одежды. Шеф дал мне средства, так что не волнуйся, все за счет агентства. Потом поедем и поедем отдыхать. День был тяжелый.

Габриэль покорно кивнул, погруженный в свои мысли. Он почти ничего не помнил до того момента, как оказался на мостовой Иного города. Только имя и то, что он ангел. А потом столько всего случилось, что Настя стала для него единственным существом, к которому хотелось обратиться. И он был благодарен ей за компанию.

Шопинг увлек их обоих. Настя сначала набрала ворох одежды, которая совсем не шла: клетчатые рубашки и простые джинсы на Габриэле смотрелись так же нелепо, как и отглаженные брюки с галстуком. И только потом распробовала бунтарские рваные джинсы, майки со странными надписями, кожаные куртки с шипами.

Ангелу это все очень шло. Он послушно мерил все, что она ему протягивала в примерочную. Папа римский только вздыхал и критиковал, томился, пыхтел и просился на волю. Подавая очередную стопку футболок, Настя случайно отодвинула штору чуть больше обычного и разглядела тату, что шло по всему телу парня: это были ноты, перевитые розами. Она тут же отвела взгляд.

- Знаешь, было бы неплохо, если бы нам позволили переодеть тебя прямо здесь.

Она оставила его в примерочной, оплатила отобранную им одежду и попросила отрезать ценники. Габриэль переоделся и вышел к ней. По тому, как широко улыбнулась Настя, он понял, что ей нравится. Ему тоже было комфортнее, хоть он и не мог толком объяснить почему. Впервые увидев себя в большом зеркале, он ужаснулся, но Настя поспешила его успокоить: он просто оригинален, необычен, вот и все.

- Теперь в парикмахерскую! - скомандовала она.

Настя вошла во вкус. Творить человека оказалось интересным. Она не меняла его, а лишь оформляла, чтобы его индивидуальность стала ярче. Парикмахерша при виде бунтарского вида парня и совершенно обычной девушки хмыкнула: пришли состригать ирокез и снимать пирсинг.

Но девушка попросила перекрасить зеленый ирокез в синий, под цвет глаз парня. Через сорок минут Габриэль смотрел на себя в зеркало и удивлялся: синий ирокез смотрелся так здорово в сочетании с красными розами его татуировок, что даже ему понравилось.

Затем они пошли есть. Сидя в кафе у окна, Настя пыталась выведать что-нибудь о парне, но он мало что мог рассказать. Пришлось рассказывать о себе.

Дорога к квартире Насти вела через улицу с магазинчиками разных тематик: антикварные книжные, железнодорожное моделирование, ножи, игрушки. Габриэль задержался у одной из

витрин: то был музыкальный магазин. А потом вдруг потянул на себя дверь и вошел внутрь. Заинтригованная, Настя последовала за ним.

Внутри было тесно от нагромождения инструментов, стены завешаны гитарами и скрипками, в самом конце стоял рояль, к нему жались пианино и установка с барабанами. Настя не знала названий и половины инструментов, поэтому прошла сразу к Габриэлю, который стоял, замерев, перед красной блестящей электрогитарой.

- Ты умеешь играть на гитаре? - с недоверием спросила она.

Ангел пожал плечами. Он не мог оторвать взгляд от лаковой бликующей поверхности инструмента. Его палец лег на струны.

- Вы хотите попробовать? - подошел продавец. Он целый день скучал в магазине без покупателей. Когда вошла странная пара - панк и совершенно приличная девушка, в нем проснулось любопытство.

- Нет.

- Да.

Ребята ответили одновременно, переглянулись, девушка улыбнулась и сделала разрешающий жест. Парень перекинул ремень гитары через голову. Продавец подсоединил шнур к сети. И они с девушкой в ожидании уставились на парня. Продавцу вдруг стало сомнительно, что посетитель вообще умеет играть: смотрел на инструмент так, как будто видел впервые.

Насте показалось, что ангел даже испугался, что гитара оказалась на нем, его пальцы дрожа погладили струны. Он облизал пересохшие губы. И она подумала со страхом, не сломает ли он что-нибудь в инструменте, продавец тоже занервничал.

Но тут Габриэль перехватил гитару поудобнее и так заиграл, что малочисленная публика из двух человек и призрака застыла от удивления. Волны, исходившие от гитары, были физически ощутимы. Они словно мягкими поглаживаниями касались кожи. Мелодия была неизвестной, короткой, около минуты, но оставила неизгладимое впечатление. Хотелось слушать еще и еще. В магазин зашли сразу несколько любопытствующих, продавец метнулся к ним.

- Ты классно играешь! - в восхищении произнесла Настя.

Ангел не реагировал. Он прислушивался к чему-то внутри себя, не мог отыскать снова то, что шевельнулось в памяти при звуках музыки. Он заиграл снова. Уже другое, не менее яркое и жизнерадостное, но Настю не отпускало ощущение, что она слышала эту мелодию однажды. Это была не просто музыка: это были волны энергии, которые захватывали слушателей. Они, должно быть, были способны исцелять, так сильно ликовало сердце и душа, и радость рождалась внутри, теплом разливалась по телу. Вот, значит, как звучит ангельская музыка...

Магазин был переполнен народом. Всем вдруг понадобились ноты, инструменты, просто полюбопытствовать.

Потом так же неожиданно, как взялся за нее, Габриэль снял с себя гитару и положил на место.

- Давай купим, - вдруг предложила Настя.

Габриэль вздрогнул и повернулся, словно внезапно вспомнил о ее присутствии.

- Нет.

- Почему?

- Не знаю. Просто пока нет.

- Хорошо, тогда поехали домой.

Только войдя в квартиру, Настя поняла, как сильно устала. Едва хватило сил устроить спальное место для Габриэля и принять душ. Затем она провалилась в сон как в яму.

В два часа ночи она проснулась от кошмара: снилось, что в окно лезет черный человек без лица. Открыв резко глаза, она лежала не шевелясь, ощущая, как волны ужаса одна за другой омывают тело и сознание. Усилием воли убедилась, что это был только сон. И тут услышала хрипкое сопение за дверью.

От накатившего страха волосы встали дыбом, и озноб прошел по телу. Раздался легкий стук, кажется, в окно и в самом деле кто-то лез.

Зажмурившись, она пыталась убедить себя, что это демон сидит на карнизе. Но поскребывание стало более явным, кто-то пытался повернуть ручку на раме, чтобы открыть створку. Она подскочила, включила свет и схватилась за меч. Подошла крадучись к окну, но там никого не было. Но, посмотрев на оконную ручку, увидела, что та слегка повернута. Настя заново вернула ее на место. Да и за дверью больше никто не сопел.

Как теперь заснуть?

Настя содрогнулась от ужаса. Вышла в коридор и включила свет.

- Ваше святейшество! - позвала она, чувствуя себя полной идиоткой.

Папа римский, не открывая двери в комнату Мартина, высунулся прямо из деревянной поверхности. Лицо его было сонным.

- Тебе скучно, дочь моя? Хочется разговоров по душам? Или ты решила потерять свою девственность посреди ночи?

Настя пожалела, что позвала его. Но выхода не было.

- Вы не могли бы... посторожить меня? Мне кажется, кто-то пытается открыть окно в мою ко...

Но тут рама за ее спиной хлопнула, холодный черный вихрь ворвался в комнату, Настя почувствовала, как все тело облепило чем-то плотным, липким, закрыло ей рот, глаза, скрутило руки, рвануло ее с силой назад, потом на улицу. Она, словно в коконе, не могла даже кричать, только ощущала скорость, с которой летела.

Что-то ползло по ней, цепляясь коготками, сквозь кокон и ткань пижамы. Добралось до шеи, хрипло сопя, стало грызть и жевать материю кокона. Настя испуганно крутилась, пытаясь сбросить это с себя, но не могла. Шипение существа заставило девушку замереть. Оно смогло разорвать кокон и открыть ей глаза и рот, и Настя увидела, что несется над побережьем: с одной стороны черное море, с другой - светящиеся городки и поселки. Высота такая огромная, что если ее сейчас бросят - она труп.

Настя повернула голову чуть вбок, чтобы посмотреть, что цепляется за нее, и завизжала от ужаса, встретившись с двумя желтыми кошачьими зрачками. Существо, похожее на черную кошку, скрещенную с обезьянкой, зашипело в ответ, показав тонкие белые клыки. Но оно не нападало на Настю, а, цепляясь за девушку маленькими гибкими пальчиками, принялось дальше вспарывать темный кокон. Настя попыталась взглянуть, что несет ее, но видела только черную массу.

Зажмурившись, она попыталась вызвать графа Виттури, но кокон, будто почувствовав призыв, стянул ее сильнее. Задыхаясь, она оставила попытку. Тут же кокон чуть ослабился.

Пронзительный клекот хищной птицы раздался совсем рядом. Настя повернула голову: гигантский орел летел рядом, повернувшись, он подмигнул ей одним синим глазом.

- Локи...

Значит, друзья уже в курсе, а если Локи летит рядом, все хорошо. Едва она успокоилась, насколько было возможно, как ее мотнуло в сторону, как если бы похититель стал падать, орел остался на высоте, в ночном небе она скоро потеряла его из виду. От быстрых перепадов высоты и сопротивления воздуха Настя даже кричать не могла.

Внезапное столкновение с чем-то или с кем-то, и она вдруг стала свободно и стремительно падать прямо вместе с маленьким существом, которое со всей силы вцепилось в кокон. Ее вырвали, она разобьется! Настя зажмурилась в ожидании конца.

Рывок, и теперь она снова подвешена в воздухе и даже движется, но медленнее, и над нею шелестят крылья. Осторожно приближаясь к земле, орел положил свою ношу на траву, отскочил в сторону, сложил крылья и вернулся в человеческое обличье. На ходу доставая кинжал, Локи бросился к Насте:

- Не шевелись, я сейчас.

То ли маленькая кошка, то ли мелкий бесенок скакал по ней, озабоченно мяукая и шипя. Кокон вспороть было непросто, материя Тьмы с трудом поддавалась.

Когда он освободил ее по пояс, Настя смогла глубоко вдохнуть воздух. Черная кошка с повадками обезьяны нырнула к ней под руку и приласкалась с урчанием.

- Ты-то еще кто такая? - спросила тихо Настя.

Сверху до них донесся вой, и вспышки озарили небо.

- Что это?

Локи продолжил пилить кокон.

- Граф Виттури пытается отвоевать тебя у Белиала.

- Зачем он похитил меня?

- Я велела. - Ледяной голос выхолодил сердце и душу.

Локи и Настя застыли при виде белой дамы, вокруг которой вился туман.

- Ноктурна...

Локи в ужасе окоченел, не в силах двинуться. Черная кошка, заурчав, вцепилась ему в руку. Парень, придя в себя, в спешке вновь принялся за кокон, Настя пыталась вылезти из него, только было уже поздно: из тумана вставали белые фигуры с черными впадинами вместо глаз и раскрытыми косыми ртами. Они тянули к ним белые руки, а Ноктурна просто наблюдала с усмешкой, как Локи, бросив попытки снять кокон с бедер Насти, бросается с кинжалом на самую близкую из фигур.

Она рассеялась, а потом волной напала со спины, и ледяная паутина накрыла его с головой. Он пытался вырваться, перерезать нити, но иней на паутине нарастал, затягивался льдом и закрывал его от Насти.

- Остановись! - Настя вылезла наконец из кокона и встала на ноги.

Но Ноктурна лишь перевела насмешливый взгляд с Локи на нее, и туман ринулся на девушку.

- Ко мне!

Щупальца тумана обхватили ее и толкнули вперед, Настя была в одном носке, второй ступней она чувствовала сырой холод земли. Ее затрясло от страха. Перед ней стояла красивая женщина, но красота ее была такой странной, смертельной, что замораживала.

Настя пыталась почерпнуть силу из земли, но она не приходила, казалось, туман блокирует ее возможности.

- Нам не дали договорить в последний раз. Белиал посмел тебя захватить вперед меня. Надеюсь, сегодня на тебе нет защиты. - Она хищно улыбнулась, заставив Настю показать ей запястья.

- Хорошо! - Она облизнулась, и Насте стало дурно.

Ноктурна принялась: такая на вид жалкая и хрупкая девчонка, в которой течет огромная сила, золотисто-алая, способная возрождать. Прямо сейчас хотелось опустошить ее до последней капли. Из приоткрытого рта Ноктурны появились лапки паука, потом и весь он вылез, волосатый и черный. Он медленно стал спускаться по ее подбородку, а из-под верхней губы показались еще лапки. Они с любопытством нащупывали дорогу, паук вылез и, не удержавшись, упал на землю и торопливо пополз к Насте. Та завизжала, понимая, что поток пауков не закончится, и все они рвутся к ней. Но стальные плети тумана не давали вырваться. Пауки семенили к ней, перебирая волосатыми лапками.

В это мгновение туман вспыхнул красным огнем, рассеялся, Настя тут же отскочила назад. А перед ней с неба прямо на ноги приземлился граф Виттури. Черная тень за его спиной напоминала крылья, но она исчезла так быстро, что Настя не успела в этом убедиться. Вся дрожа, она огляделась по сторонам в надежде на подкрепление, но больше никого не было.

Карие глаза демона заволакивала Тьма.

- Беги! - бросил он ей и повернулся к белой даме.

Настя бросилась к Джонни, который бился под паутиной, смыкающейся тонкой ледяной коркой. У нее не было ничего, чем разбить лед, и она принялась колотить по нему кулаками в надежде, что он хрустнет.

Пауки бежали по покрытой инеем траве к ней. Черная кошка с грозным шипением встала у них на пути, и они набросились на нее. Пауки и странное создание превратились в кишачий лапками черный комок.

Ноктурна с вожделием посмотрела на демона. Сожрать его было бы прекрасно, но еще прекраснее слиться с ним в одно целое. То, что с ней делал Люцифер, ей не нравилось, а Самаэля она хотела поглотить так давно, что не заметила сама, как голод стал вожделием.

Он атаковал первым стеной огня. Игрушки. Она ответила льдом и снежной бурей, оттесняя Самаэля. Но он быстро увернулся от ледяных игл и разбил ее туманных тварей. Слишком силен. Без портрета она уступает ему. Но зато у нее есть Настя. Дурочка осталась здесь, не убежала. Ноктурна отбросила Самаэля чуть назад и махнула рукой в сторону ледяной паутины. Она получит силу, даже не приближаясь к ней пауками.

Настя пыталась сломать лед, когда из него вдруг выросли острые шипы, которые пронзили ей ладони, пройдя между костей, вышли наружу и приковали ее к паутине. Она кричала от боли и ледяного холода, побежавшего по венам.

Паутина окрасилась в красный. Она чувствовала, как лед сосет из нее силы.

Самаэль бросился в атаку на Ноктурну, она парировала его удары, демон был в ярости, он чувствовал, как сила покидает Настю и как Ноктурна становится сильнее. Еще немного, и Настя начнет забирать силу у него.

- Я предлагаю тебе сделку, Самаэль. - Ноктурна ледяными глазами уставилась в его черные глаза. - Твоя сила в обмен на ее жизнь.

Демон бросил взгляд на Настю: девочка лежала на куполе паутины, под которым задыхался Локи. Ее губы были синими, а кисти рук насквозь проткнуты ледяными шипами. Где же носит Лику? Настя погибнет, а с ней и надежда спасти мир.

- Ради нее, демон, - вкрадчиво ворковала Ноктурна.

Полубессознательный взгляд Насти встретился с его, казалось, она умоляет его отказаться.

Граф Виттури подмигнул ей и повернулся к Ноктурне:

- Согласен.

- Нет! Граф, нет! - донесся до него шепот Насти.

Довольная улыбка скользнула по лицу Ноктурны. Вмиг ледяные пути сковали Самаэля, сжали его так, что дышать было невозможно.

Она приблизила свое лицо к нему и лизнула.

- Я сделаю это у нее на глазах, Самаэль.

И она впиалась ему в губы.

Ужас от того, что демон во власти Ноктурны, болью пронзил сердце. Настя заставила себя преодолеть боль, оторвала ладони, с воплем освободив разодранную плоть от ледяных клинков, стараясь не смотреть на клочья кожи, что остались на льду. Сознание мутилось. Покачиваясь, она шагнула к графу, застывшему в ледяном поцелуе с Ноктурной, ноги заплелись, и она упала на землю. Уткнувшись носом в траву, сминая ее кровавой рукой, она просила силу.

- Сестры! - Перед внутренним взором нарисовались двенадцать жриц в венках из цветов. - Мать! - Старуха в пламени огня швырнула в нее золотыми искрами. - Волчицы! - зарычала она, поднимая голову. И услышала их далекий вой.

Демон разжал пальцы, и мечи упали из слабеющих рук на землю. Его колени подгибались. Настя встала на четвереньки, забирала силу из земли, такую мощную, необъятную. Изуродованными руками потянулась к упавшему мечу, сжала пальцы на рукояти. Все ее тело было болью и одновременно зудело от прилива силы. Она поднялась и с размаху неуклюже ударила клинком Ноктурну по спине, демонесса оторвалась от Самаэля, взвыла. Настя сделала выпад, чтобы проткнуть ее, но та увернулась, схватилась за клинок, ледяной изморозью покрыла его, и девушка от внезапной боли вынуждена была отпустить рукоять.

Ноктурна открыла рот с острыми, как клинки, зубами, ее пальцы превратились в когти, и она набросилась на Настю, чтобы растерзать, но уже мчались со всех сторон волчицы, и, понимая, что бой проигран, она, завизжав от ярости, взмыла ледяной бурей в небо.

Самаэль, переведя дух, собрал последние силы, подобрал второй меч, бросился к ледяному куполу, ударил по нему рукоятью и разбил. Потом завалился на бок и закрыл глаза. Локи, жадно хватая ртом воздух, растирая и царапая шею, выполз наружу.

Настя дошла до демона, опустилась перед ним на колени, положила окровавленные руки ему на грудь.

- Граф!

Он не отвечал, она расплакалась, развернула его на спину, прикоснулась головой к его груди, пыталась втолкнуть в него хоть немного силы.

- Дать силу можно только так, как она забрала ее. - Локи повалился рядом на траву, пытаюсь прийти в себя.

Настя нерешительно приблизила свое лицо к лицу графа. Вот он, перед ней, прекрасный спящий красавец, чего стоит разбудить его поцелуем? Боль мешала размышлять, и Настя оказалась так близко, что почувствовала его кожу кончиком носа. Он шевельнулся под ней, и она отпрянула.

- Жаль, - пожал Локи плечами в ответ на ее растерянный взгляд. - Такая сцена пропала!

- Я тебя убью! - Настя в гневе швырнула бы в него чем-нибудь, но руки болели.

- Не надо, - запротестовал граф Виттури, - не трогай его, это же его второе Я. Шут. Прости, Настя, что так получилось. Из-за всего, что случилось, я отвлекся на смерть Ильвира и...

- Ничего, главное, все позади. - Настя вообще не считала, что ему обязательно сторожить ее каждую ночь. Но, видимо, он не зря все это время был рядом. Стоило переключиться на другую беду, и Ноктурна воспользовалась брешью в защите.

Вдали послышался звук приближающегося автомобиля.

- Наконец-то, - выдохнул граф.

Он медленно оперся локтем о землю и внимательно посмотрел на сидящую перед ним в пижаме растрепанную и окровавленную Настю.

- Ты бы поцеловала?

Она кивнула.

- Тогда целуй. Он прав. Мне нужна сила.

- Я отвернусь, - ответил Локи, ухмыляясь в бороду в ответ на ошеломленный взгляд Насти.

- Не стану, - заартачилась девушка. Свои раненные руки она держала, согнув в локтях. Кровь текла, капая с них. Ладони были пробиты как гвоздями. Бедная, маленькая говорящая с призраками. Сколько испытаний выпало на ее долю. И кажется, она и впрямь не торопится его целовать...

Самаэль ухмыльнулся. Обвил ее за талию рукой, опрокинул на спину на траву. Глаза у Насти в свете наступающего утра были темно-зелеными. Она задохнулась, когда он скользнул ей под пижаму и прижался ладонью к ее коже. Она хотела ударить его локтями, но он просто пригвоздил ей руки над головой другой рукой.

- Локи! - взмолилась Настя. Но викинг уже сидел к ним спиной.

- Я не смотрю, - откликнулся он.

- Да нет же, помо...

Но тут граф сам отпустил ее. Настя одернула футболку. От контакта с ним в крови бушевал адреналин. Кажется, они оба достаточно взбодрились, граф легко встал и поставил Настю на ноги, просунув руки ей в подмышки. Автомобиль мчался к ним, едва он затормозил, из него выскочила Лика и тут же подбежала к Насте. Пока она оказывала девушке помощь, Цезарь подошел к графу Виттури, на ходу снимая с себя пальто. Он накинул его на плечи Насте, несмотря на ее протесты.

- Ноктурна напилась Настиной крови, - коротко ввел его в дело граф. - Если не уничтожим картину, всему конец.

Рита обвила руками Локи за шею.

- Что тут произошло? - спросила она, заметив, как Настя бросает гневные взгляды на графа.

- Не поделили силу, - усмехнулся Локи.

Он сделал шаг вперед, и тут из-под его ног выкатился черный клубок шерсти, бросился к Насте и, прежде чем кто-либо успел среагировать, забрался к ней на плечо.

Настя здоровой после лечения Лики рукой почесала за ушком у странного создания, и оно довольно затарахтело.

- Домовой! - Рита в ужасе смотрела на существо. - Но они же не могут покидать помещение!

- Он увязался за мной. - Настя встревоженно посмотрела на Риту. - Надо вернуть его домой?

- Желательно как можно быстрее.

Домовой согласно мяукнул.

На заднем сиденье на всех не хватало места, граф Виттури подхватил Настю и посадил себе на колени, несмотря на шипение и недовольство черного желтоглазого комочка у нее на шее. Настя заартачилась, в итоге дремала, сидя на коленях у Джонни, который подмигивал графу и еле сдерживал смех всю дорогу. Демон же задумчиво смотрел прямо перед собой. Ладони горели от силы, которую он черпнул из нее. Как Старухе удалось открыть в простой смертной столько силы? Но нужно было гораздо больше. Ему нужна она вся, без остатка. И ей не убежать от него, как и не скрыться от смерти.

Эта жажда силы не утихнет. Он пристрастился к той легкости, с которой брал из нее столько, сколько пожелает. Она источник для него. Источник для Ноктурны. Она и нужна, и опасна одновременно.

Едва они вошли с графом в квартиру, как домовый с ее плеча метнулся под умывальник и затих. Папа римский бросился к Насте и заключил ее в объятия. Несмотря на то, что это неизбежно повлекло головокружение, Настя не сопротивлялась. Она сама была рада вернуться и увидеть Родриго Борджиа в здравии. Ну, насколько это возможно для призрака.

Граф при виде Габриэля с перекрашенным ирокезом, в рваной черной майке с надписью «Я не ангел» только приподнял бровь.

- Дитя мое! - Папа волновался. - Я думал, что никогда уже тебя не увижу.

Рука призрака словно случайно соскользнула с ее спины на пятую точку, и Настя отстранилась.

Ангел постеснялся обниматься, но бросал на нее вопросительно-встревоженные взгляды. На лбу у него красовалась шишка. Призрак не нашел лучшего способа оповестить о том, что с Настей беда, как уронить на него энциклопедию с полки над диваном.

- Все в порядке. - Настя устало сняла с плеч пальто Цезаря.

- Вы на природе отдыхали? - с любопытством спросил папа римский, недвусмысленно подмигнув ей. Настя посмотрела на себя и графа: перемазанные в траве и земле. Измученные, уставшие. Страшно подумать, что навоображал себе призрак.

Ладонь графа Виттури легла ей на спину и слегка подтолкнула вперед.

- Иди в душ, Настя.

Когда она вышла из ванной в чистой пижаме, увидела графа Виттури сидящим на ее кровати.

- Ложись спать.

- А ты?

В его темных глазах сверкнуло нечто мимолетное, саркастическое.

- А я посторожу.

- Белиал ведь не вернется? - с надеждой спросила Настя.

- Вернется. Если Ноктурна прикажет. Кажется, он теперь в ее подчинении. А она рано или поздно захочет еще подпитки.

Настя со вздохом забралась под одеяло. Демон погасил свет, вырубив лампочку одним движением руки. Комната погрузилась во тьму.

Настя зажмурилась, вспоминая тепло его ладони на своем теле.

«Я тебя люблю, демон», – подумала она.

Граф Виттури устало провел ладонью по лицу, прочесал пальцами волосы. Он видел Тьму, что клубилась в углах комнаты, выжидая, когда он уйдет. И он не собирался ее бросать.

Мягко запрыгнул на кровать домовой, потерялся об него мордочкой и улегся у Насти в ногах.

Скоро рассвет.

Рита и Локи увезли прах Ильвира на его родину, в Ирландию. Снова встал вопрос охоты за картиной.

– Надо вернуться во Францию, – мрачно сказал граф Виттури, обведя тяжелым взглядом агентов. – Довести дело до конца.

– Пока вы развлекались на ночной экскурсии, я попробовала вычислить, в какие частные коллекции попадали документы и произведения искусства из архива Ватикана. – Итсаску положила на стол перед графом Виттури бумаги.

Он пролистал их нетерпеливо.

– Их слишком много. Придется разделяться и вызывать дополнительную помощь. Соберем агентов в Барселоне. Думаю, двадцать или тридцать. Лика, потом мы составим список.

– Хорошо.

– На сбор даю время до послезавтра. Все должны успеть прибыть сюда. Тут еще есть коллекции, находящиеся за пределами Франции. Настя даст инструкции о том, как выглядит картина с демонессой, чтобы все понимали, что мы ищем. Надо действовать быстро. Враг не замедлит напасть. И, к сожалению, мы оказались между двух огней.

– Из-за Насти, – вставила Итсаску.

– Из-за того, кто подставил Настю, прислав ей подвеску, – возразил граф Виттури.

– Какую еще подвеску? – спросил Диего.

Настя вытащила кулон из-за пазухи за цепочку:

– Вот эту.

Габриэль при взгляде на подвеску почувствовал, как сердцебиение учащается.

Из дневника Насти

Нас с Габриэлем отвез домой Серж и ждал, пока мы соберем вещи. Граф Виттури решил поселить нас на эти дни у себя в особняке. Папа римский конечно же увязался следом. Габриэль выглядел задумчивым, иногда я ловила на себе его изучающий взгляд.

Я была разбита, руки болели, несмотря на то что от ран не осталось и следа. Больше всего на свете мне хотелось сбежать из города в лес или поле, уплыть в море, вырваться из мира камня и бетона, в котором задыхалась.

У графа Виттури оказался сад на заднем дворе, и я села под миндальным деревом. Отсюда была видна Барселона.

Я пыталась разложить по полочкам все, что произошло со мной. Осознать это и понять. Вызвала волков, они гуляли вокруг по стриженной траве, лакали воду из небольшого фонтанчика, валялись с собачьим хрюканьем на спине. Я пыталась привыкнуть к ним. Двенадцать волков как двенадцать жриц, как двенадцать звезд на кулоне. Может ли быть правдой то, что я – то самое, о чем говорится в Библии? Вряд ли. Мне казалось, все гораздо сложнее. Не зря же я не хочу к ангелам. И кулон не хочет – раскаляется, едва они появляются рядом.

Но одно совершенно точно: я источник сил. Для демона и Ноктурны. И если Ноктурна только забирает, то с демоном у нас взаимообмен, мы наполняем друг друга. Значит ли это, что я – часть темных сил? Смешно. Я человек. Уязвимая, слабая, пусть и с поддержкой Старой Матери, но я всего лишь земная женщина. Да, у меня есть способность видеть призраков. Но на этом моя уникальность заканчивается.

Ноктурне я нужна из-за крови и, возможно, потому, что приведу ее к картине. У меня было стойкое подозрение, что она оставляет меня в живых только поэтому.

Хотелось стать невидимой для всех, вернуться домой к родным и забыть обо всем.

- Настя...

Я повернула голову. Граф Виттури в рубашке, чуть расстегнутой на груди, шел ко мне через сад. Я медленно поднялась. Если я еще до сих пор в агентстве и жива, то благодаря ему. Он молча окинул взглядом волков, усмехнулся:

- Устала?

- Да.

Он обнял меня и прижал к себе. Я сначала дернулась, чтобы выскользнуть из объятий, но так стало хорошо, светло и уютно, что вместо этого приникла к нему, носом уткнулась в рубашку. От него всегда так невероятно притягательно пахло, что хотелось вжаться плотнее, чтобы всем телом ощутить его запах. Он перебирал молча мои волосы. Я не заплела их в косу и даже, по-моему, не успела расчесать после ночного душа.

Руки наконец-то перестали ныть, тепло светом разливалось по телу.

- Лучше?

- Да.

Я думала, он сейчас выпустит меня. Но он продолжал обнимать, гладить по голове, и, осмелев, я обняла его крепко-крепко.

- Дитя.

Когда он звал меня так, я понимала, что передо мной древнейшее из существ, для которого я лишь искра, мелькающая во времени.

- Я должен научить тебя накапливать силу.

Должен. Звучит так, будто меня ему навязали.

Я попыталась отстраниться, но его ладони легли на спину, прижимая сильнее к нему. Он зарылся лицом в мои волосы, и я замерла. Даже если весь этот мир покатится к чертям, пока он вот так обнимает меня, пока между нами разгорается яркий свет, кажется, что счастье возможно даже посреди всемирного потопа или пожара. Дыхание участилось, я с ужасом понимала, что от демона не скрыть волнение, томление, желание. Да разве он и так не в курсе?

Я запрокинула голову и робко посмотрела ему в лицо. Как же прекрасен Бог, если демон так красив? Кажется, этот мерзавец читал мои мысли, потому что самодовольная улыбка скользнула по его губам.

Он погладил мое лицо, от удовольствия я закрыла глаза. Как же нежно скользят его пальцы по коже! Я не ожидала, что он поцелует меня. Столько раз он играл со мной, останавливаясь именно тогда, когда казалось, что поцелуй неизбежен. И когда его губы коснулись меня в уголке рта, я отпрянула как ужаленная. Он легко отпустил, чуть усмехаясь. Я пожалела, что дернулась, но было уже поздно.

В следующие полчаса он учил, как добывать силы из природы, как накапливать их и сохранять, и это было сложно, к тому же в голове все крутилась и крутилась как заезженная пластинка мысль, что я полная идиотка и что это был первый и единственный поцелуй демона в моей жизни.

Наутро в гостинном зале графского особняка было не протолкнуться: приехали почти все агенты из тех, кого вызвала Лика. Все были поделены на группы, я описала как можно более подробно картину, за которой мы охотились.

Затем граф представил всем Габриэля. И когда парень успел попасть в агенты?

И мы все отправились в аэропорт.

Сейчас взлетим. В голове после вчерашнего такая каша из мыслей... Я только надеюсь, нам удастся уничтожить портрет, ослабить Ноктурну, найти ее и уничтожить. И тогда граф Виттури вернется в Венецию, а я буду жить обычной жизнью. Насколько это возможно.

Глава 10

В Нотр-Дам де Пари Самаэль любил заходить на воскресные мессы. Тысячи свечей горели в часовнях. Но полутьма не могла быть побеждена ни свечами, ни утренним светом, сочившимся через витражи. Такой, по его мнению, была его душа.

Хор пел прекрасно, орган был на высоте. Но демона это волновало мало. Его влекла сюда борьба Света и Тьмы. Их смешение, союз – полутьма или полусвет.

Он бежал сюда от агентов; от Лии, которая хотела его так сильно, что он почти склонялся к тому, чтобы переспать с ней, хоть и понимал, что после она уже не угомонится никогда; от Насти, которая все утро ходила в задумчивости по балкону мансарды, разглядывая свои ладони, словно пыталась прочесть на них ответы на вопросы.

Но он бежал и от себя.

Больше всего в человеке его поражала хрупкость. Вроде стройная система, создание, чью форму подсказало обличье ангелов, но в одно мгновение может превратиться в отходный материал. Уязвимость очаровывала его. Недолговечность, конечность дыхания и сердцебиения... Порой он с любопытством ученого наблюдал за агонией, восхищался даром смерти. Оказавшись на мгновение равным человеку, он испытал недоумение, ужас и даже надежду, что, может быть, познает переход от жизни к смерти. Но нет, он бессмертен, всегда есть и будет. А люди могли становиться ничем и умолкать навсегда, побеждая тем самым время. Становясь точкой.

Чем больше он привязывался к Насте, тем чаще задумывался над тем, что она обречена. И почему обречена. Ее гибель прежде казалась ему предназначением, затем досадной необходимостью, а теперь ему даже было жаль ее. А вчера, когда она крепко прижималась к нему со всей доверчивостью, он чувствовал себя предателем по отношению к ней. Он стал мерзок сам себе.

Ее душа расцветала, готовая быть принесенной в жертву. Но аромат ее манил так сильно, что хотелось совсем иного. Прервать реализацию, забрать себе, эгоистично лишить ее предназначения. Овладеть Настей. Взять вместе с телом ее душу. И никогда никому не отдавать.

Желание обладания толкнуло его на поцелуй. Только девчонка улизнула, словно почуввав опасность в его ласке.

Что ж... так лучше для всех, кроме него, не так ли?

Полутьма и полусвет высоко над верующими боролись за право превосходства. Полутьма проиграла свой ход.

Ладони после вчерашних занятий по сохранению силы чесались и зудели. Настя хотела узнать, нормально ли это, но граф Виттури исчез с завтрака, и никто не знал, где он.

Встретаться с остальными решили на площади рядом с цветочным рынком на острове Сите. Настя предусмотрительно положила в рюкзак пару бутербродов и воду: не хотелось оказаться опять без еды, как в последний раз в Ином городе.

Диего ждал ее вместе с Ликой и Лией у дверей.

Вместе они пошли пешком к Сене.

Солнце ласкало кожу, Настя жмурилась. Представить, что всего этого может не стать, что мир может быть разрушен, было практически невозможно.

На площадь потихоньку подтягивались агенты. Итсаску раздала агентам задания. Рассматривая разношерстную толпу товарищей, Настя ловила любопытные взгляды, которые бросали в их сторону работники цветочного рынка, разгружавшие свой яркий и ароматный товар.

Насте, Диего и Лике достался визит к частному коллекционеру в художественную галерею.

В последний момент за ними увязалась и Лия.

По дороге к ближайшей станции метро француженка подхватила Диего под руку и что-то с жаром ему объясняла, пока Лика и Настя шли следом.

- Странно, что граф Виттури не с нами, - нарушила молчание Лика.

- Возможно, у него другие дела, - пожала плечами Настя.

Владельцем коллекции оказался молодой и весьма привлекательный мужчина, к тому же весьма галантный. Он принял их довольно быстро, прочел рекомендательное письмо от графа Виттури, пропустил в свои архивы.

Впрочем, скоро Насте стала понятна сговорчивость коллекционера: кажется, ему приглянулась Лика. Он постоянно обращался к ней, отвлекал, задавал вопросы о ее жизни, нарушал дистанцию, принятую между двумя малознакомыми собеседниками.

Лика улыбалась, смущалась, встряхивала кудряшками, смеялась, что-то отвечала.

- Оставь ее в покое, - прозвучал властный голос Диего, и француз замолчал, загнипнотизированный взглядом зеленых глаз.

- Диего, прекрати! - Лика нахмурилась. - Он не делал ничего плохого.

- Он мне мешал. - Оборотень продолжил просмотр реестра.

- Ты и Лию подвесил. - Голос Лики звенел от обиды.

Бойкая француженка стояла как столб с открытым ртом.

- Ей тоже не помешает передохнуть, - грубо бросил парень в ответ.

- Какая муха тебя укусила? - Настя тронула Диего за плечо.

- Муха под названием граф Виттури, - огрызнулся Диего, полыхнув на нее зелеными глазами.

- Что случилось? - Лика участливо посмотрела на него. - Мы можем помочь?

- Если прекратите этот бессмысленный разговор и поможете мне с реестром. - Диего уткнулся в перечень картин. Настя и Лика переглянулись.

На обратном пути Лика шла впереди вместе Лией и Диего. И возле Насти появился папа римский.

- Мавру очень нравится Лукреция, - заметил он.

- Что-то не заметно, уж очень он с ней грубо поступил.

- А я не о французской блуднице, - подмигнул ей папа римский.

- Не может быть, - покачала головой Настя. - Вы ошибаетесь, ваше святейшество.

- У меня масса свободного времени, я только и делаю, что наблюдаю. Мавр глаз с нее не сводит, когда думает, что никто не видит. Потому исчадие ада, богомерзкий демон твой...

- Граф Виттури, - поправила Настя. - У него ваша ладанка, не забывайте.

- Свет души твоей, - покорно исправился призрак, - и отчитывал его. Лукреции от этой любви оборотня якобы грозит гибель. Вот и бесится ваше средоточие скверны... то есть граф Виттури.

- Вот как... - Настя нахмурилась. - И какая опасность от этого?

Призрак пожал плечами.

Это многое объясняло. Настя шла некоторое время молча.

- Ваше святейшество, а вы убивали? - вдруг спросила она.

Родриго Борджиа озорно блеснул глазами.

- Конечно, дитя. Травил, предавал, отдавал приказы. Когда стоишь у власти и от тебя зависит судьба огромного религиозного государства, приходится даже жертвовать теми, кем при иных обстоятельствах ты бы дорожил, может, уважал и ценил. А может, и любил. В оправдание свое могу сказать, что всегда старался разрешить противоречия мирно: подкупом.

- А если не помогало?

- На такой случай есть достаточно эффективное средство - яд.

- И оно того стоило? В конечном итоге?

- Ты и сама знаешь ответ, - раздраженно ответил призрак и исчез.

Отлично. Теперь и он обижен, и Итсаску еще смотрит зверем после фокуса с волками, и Диего тоже весь колючий как еж.

Настя поспешила за друзьями.

Холодный ветер трепал рыжие волосы Риты. Прижимая руками урну с прахом отца к животу, будто оберегая младенца внутри себя, ведьма окинула взглядом базальтовые колонны, образующие что-то вроде неровной мощеной мостовой, уходящей в море.

Она помнила, как пришла сюда впервые с отцом. Ильвир вел ее за руку, но уже тогда она была выше его. Ее грубые ботинки скользили по сырым камням, она то и дело спотыкалась. Но вместе с тем прыгать с камня на камень оказалось интересно.

Вот и сейчас казалось, что она обернется и увидит отца, услышит его тихий голос: «Когда храбрый воин Финн решил сразиться с одноглазым великаном Голлом, чтобы не замочить ноги, он вбил в дно Ирландского моря колонны и построил мост. Устал он и прилег отдохнуть. В это время Голл сам пришел по мосту и явился к Финну в дом. Его жена, указав на спящего воина, солгала, сказала, что это ее младенец-сын. Посадила Голла за стол вместе с «младенцем», стала кормить их лепешками. Только Голлу давала лепешки, в которых запекла железные сковороды, а Финну - простые. Голл обломал зубы об лепешку, а увидев, что «младенец» спокойно их ест, да вообразив, какой у него должен быть огромный папаша, Голл в ужасе сбежал, сломав мост. Много легенд связано с этой дорогой гигантов, дочка. Когда умру, принеси сюда мой прах. Где еще отдохнуть карлику, как не среди следов великанов?»

- Папа...

Она села на одну из колонн, пеньком выступающую среди других. Тесно прижала к себе урну, словно пыталась согреть ее. Как расстаться с ним?

- Отпусти его, Рита.

Локи положил ей ладонь на плечо. Она всхлинула. Как отпустить? Как проститься? Как принять, что его больше нет?

Для нее он был и матерью, и отцом. Когда она испугалась своих способностей, которые стали проявляться слишком рано, он поддержал ее. В какой-то степени он начал работу с графом Виттури из-за нее. До этого он влетал магические заклинания кельтов в оружие в своей скромной кузнице. И жили они бедно, потому что мало кто интересовался им. Когда граф Виттури пришел к ним в кузницу, скупил все оружие и сделал заказ, Ильвир сразу понял, что покупатель непростой. Но граф, хоть и был вежлив, о себе ничего не рассказывал, только положил на стол деньги, погрузил оружие в машину и увез.

Он вернулся через полгода. И увидел маленькую рыжую зеленоглазую девочку, которая играла с котенком возле кузницы.

- Как тебя зовут? - спросил он, присев рядом с ней на корточки.

- Рита.

- Как давно ты научилась передвигать мячик глазами, Рита?

- Два месяца назад.

- А что ты умеешь еще?

- Читать, писать буквы, шить. - Девочка загибала пальцы.

Граф рассмеялся, потрепал ее кудрявые волосы:

- Ты станешь красавицей, Рита.

Войдя в кузницу, он увидел Ильвира за ковкой меча. Кузнец показал ему выполненный заказ.

- Ильвир, я хочу, чтобы ты переехал со мной в Венецию. Я создам тебе все условия для работы: помощников, материалы, любые знания. Ты мне нужен, а ездить каждые полгода в Ирландию я не могу. И твоя дочь...

- Что моя дочь? - Ильвир оцетинился сразу.

- Ты и сам знаешь. Ведьму нужно обучать, иначе она может причинить вред.

- Кто ты такой? - Дрожь прошла по позвоночнику карлика. До сих пор он считал, что, может, эти странные вспышки вокруг девочки и ее способность двигать предметы уйдут со временем и никто не успеет заметить. Только в самом госте тоже было что-то колдовское, демоническое, отчего держаться от него хотелось подальше.

- Я могу ей помочь.

- Нам не нужна ничья помощь. Мы прекрасно живем и здесь.

Граф Виттури кивнул, забрал заказ, заплатил, но нового заказа не сделал. Вышел из кузницы, мельком взглянул на девочку и уехал.

Когда Рита пошла учиться в школу, то очень быстро стала предметом насмешек: Ильвир провожал и встречал ее, путь в поселок от их уединенного домика был неблизкий, и он боялся отпускать дочь одну. Мальчишки дразнили, ставили подножки, дергали за волосы, крали ранец, забрасывали его на дерево и кричали:

- Пусть твой папаша допрыгнет, малявка!

Рита научилась лазить по деревьям, привыкла к разбитым в кровь коленкам и синякам. Она слушалась Ильвира: он строго-настроено запретил желать зла насмешникам. Но иногда так хотелось! В минуты особо острой обиды она чувствовала гудение в ушах и видела легкие искорки в воздухе: ее естество будто ждало, что вот-вот она даст ему волю.

- Эй, долговязая, папаше нос утри, вон он семенит!

Визг и хохот мальчишек. Рыжая девочка до боли прикусывает губу, чтобы не взорваться. Она берет ранец и спешит навстречу отцу. Это второй год школы. Насмешки и шутки все злее и злее. Мальчишки растут, а вместе с ними растет их нетерпимость к слабым.

Все они уже на голову, а то и больше выше Ильвира. И она замечает с ужасом, как они обгоняют ее и всемером обступают отца. Джейк, самый задира из всех, толкает карлика в плечо.

Звон в ушах стал таким громким, что она еле расслышала слова Джейка, Ильвир попытался миролюбиво решить конфликт:

- Рита, пойдем.

- Ты меня игнорить решил, урод коротконогий!

И Джейк, сделав подсечку, повалил Ильвира прямо в лужу.

И еще топнул по воде, чтобы брызги упали его жертве на лицо.

- Вы все чудовища!

Мальчишки обернулись: малышка Рита вся в слезах, сжимая кулачки, с красным от ярости лицом стояла у них на дороге.

- Проклинаю вас!

- Нет, Рита! - Вопль отца она слышала словно за завесой гула и искрения. Часть ее хотела остановиться, но ее несло как на гигантской волне. Она уже не могла прекратить это желание заставить их заплатить за обиду.

- Чтоб ты сдох, Джейк, а вы все поплатились за свою жестокость!

- Посмотрите-ка, у нас тут задавака. - Джейк схватил ее и бросил к Ильвиру. - Ты такая же уродка, как и твой папаша, вот и сиди с ним в луже.

Мальчишки, смеясь, ушли.

А на следующий день, придя в школу, она узнала, что Джейк и ребята наелись каких-то диких ягод и отравились. Джейка врачам спасти не удалось.

Очень скоро слух о том, что Рита прокляла их, распространился по школе. Ее обходили стороной. А в спину бросали: «Чудовище!» Ильвир забрал ее после занятий, и они почти бегом шли до дома.

Войдя в гостиную, она увидела два чемодана и четыре коробки.

- Нам нужно уехать, очень скоро жить здесь станет невыносимо.

Рита расплакалась:

- Ты тоже думаешь, что это я.

- Я думаю только о том, как уберегу тебя, - возразил Ильвир.

- И куда мы поедем?

- В Венецию.

Из аэропорта их забрал светловолосый водитель, который честно старался разговорить необычных пассажиров. Но и карлик, и рыжая девочка молчали.

Такси доехало до автобусной станции, дальше пожитки и пассажиров погрузили на катер, который помчался по каналу. Рита никогда не видела таких красивых домов, и тем более стоящих на воде. Этот город казался волшебным и магическим, как будто ее перенесли в сказку.

- Вы, должно быть, ошиблись. - Ильвир запротестовал, когда катер причалил к великолепному палаццо, а навстречу вышел лакей в ливрее.

- Я никогда не ошибаюсь, - подмигнул им капитан катера. - Граф Виттури живет здесь. Это знает вся Венеция.

Впервые войдя во дворец, девочка онемела от красоты и роскоши, которые обрушились на нее неиссякаемым визуальным потоком. Все было изящным, элегантным, продуманным до мелочей. Она в глубоком потрясении крутила головой, чувствуя, как это богатство поглощает ее без остатка, безжалостно стирает предыдущее представление о красоте.

Ее отец тоже был ошеломлен этим зрелищем. Он пожалел, что осмелился приехать.

- Ильвир!

Карлик поднял взгляд. Граф Виттури в черном бархатном камзоле, сшитом на старинный манер, стоял наверху лестницы.

- Я рад, что ты все же решил принять мое предложение.

- Я приехал просить у вас помощи. - Ильвир поклонился.

- Ты приехал по моему приглашению, - невозмутимо поправил его граф. И начал спускаться вниз. Пожал ему руку, похлопал по плечу.

- Две комнаты для моих гостей, - это было сказано лакею, - обед как можно раньше. Пройдемте в гостиную.

«А что же это за зал, если есть еще гостиная?» - растерянно размышляла Рита.

Она не понимала, зачем они приехали сюда, кто этот человек, что это за город. Смутно она понимала, что любимый дом был брошен по ее вине. Слезы душили девочку. Сильнее всего хотелось оказаться дома. Но дома нет. И в школу она больше не вернется.

Пока Ильвир и незнакомец о чем-то тихо переговаривались, она подошла к глобусу, который стоял в раме из красного дерева. И нашла Ирландию. Потом долго искала Италию. Как далеко они были друг от друга!

Хозяин дома подошел к ней, она испуганно попятилась, подумав, что не должна была трогать глобус.

- Не бойся, Рита, ты можешь здесь играть, сколько захочешь. Надеюсь, мы станем друзьями?

Ей никто никогда не предлагал дружбу. От понимания того, что, узнав о ее поступке, он от нее отвернется, она залилась слезами.

- Я не могу быть другом, я чудовище, - плакала девочка.

Высокий человек в черных одеждах достал из кармана белоснежный батистовый платок и протянул ей. Она испуганно вытаращила на него своими зелеными глазами и шмыгнула.

- Чудовище, - с улыбкой подтвердил он, - но очень симпатичное.

И Рита неловко улыбнулась сквозь слезы в ответ.

Вера графа Виттури в ее способности, его поддержка и терпение, а также та уважительность, с которой он относился к Ильвиру, поразили девочку до глубины души. Она искренне старалась: училась в школе, а по выходным занималась с графом развитием своих способностей.

- Прокляни меня, - попросил он как-то.

Она вся сжалась, испуганно задрожав. Помотала кудрявой головой.

- Не бойся, Рита, просто подумай обо мне плохо и прокляни.

- Я не могу думать о вас плохо. - Девочка со всем доверием ребенка взирала на него.

Он иронично приподнял бровь.

- А если я оскорблю твоего отца?

- Вы не посмеете!

- Я не посмею? - Его глаза вдруг налились черным, исчезла радужка и белок. Рита испуганно попятилась. - Я его могу сожрать, а тобой закусить.

Он шагнул к ней, и она в ужасе заорала:

- Прекрати! Иначе я...

- Иначе ты что? Что ты можешь, маленькая девочка?

- Я проклиная тебя! - Она топнула, и каскад красных искр взвился от пола.

Граф отмахнулся, продолжил наступление:

- Это все, что ты можешь, малявка?

- Ненавижу тебя, ненавижу, чтоб ты сдох!

Она чувствовала сильный жар внутри, в ушах шумело.

- Ну же, Рита, выпусти его.

С ее ладоней сорвались искры, яркими вспышками озарили комнату. Они все летели в графа, а он отбивал их одну за другой. Девочка вопила от ярости и испуга от самой себя. Когда она остановилась без сил, граф шагнул к ней, опустился на колени и ласково потрепал по волосам, погладил по щеке.

- Вот и все, радость моя. Не бойся. Со мной ты можешь быть сколько угодно злой, я знаю, как себя защитить. Тебе нужно разряжаться, иначе можешь опять наломать дров.

Его карие глаза с золотыми песчинками внимательно вгляделись в ее заплаканное лицо.

- Друзья? - Он предложил ей мизинец. Она кивнула и зацепила свой пальчик за его.

Рита влюбилась в графа Виттури, этот мрачный и насмешливый тип вызывал трепет у подчиненных, но вот к ней он всегда был добр, даже когда ее энергия давала сбои, он проявлял чудеса терпения.

Когда ей исполнилось шестнадцать, девушка испытывала такое сильное притяжение к графу, что днем и ночью могла думать только о нем. При звуке его шагов сердце подпрыгивало и мчалось вскачь как бешеное, когда он вкрадчиво объяснял что-то, от его голоса кружилась голова, и хотелось раздеться немедленно, прижаться к его губам. Когда граф Виттури брал ее руку, чтобы направить энергию, она таяла и умирала. Однажды она не выдержала, обняла его крепко, потянулась к его губам.

Граф улыбнулся, печально глядя ей в глаза:

- Рита, я не тот, кто тебе нужен.

- Пожалуйста...

Он мгновение боролся с собой, лаская ее щеку и проводя пальцем по уголку ее губ.

- Как же ты хороша, радость моя... - прошептал он наконец, сдаваясь. И наклонился к ее лицу.

Ощущение его губ было божественным. Рита целовала его жадно, задыхаясь от страсти.

Он прервал поцелуй и отстранил ее от себя.

- Возьми мою душу, все возьми! - Она льнула к нему всем телом.

- Глупышка. Ты не знаешь, чего просишь. - Он засмеялся.

После поцелуя она почувствовала приток силы. Обучение в тот день прошло хорошо, но девушке хотелось рыдать от обиды. Он старался не приближаться к ней больше. А на следующий день объявил, что обучение закончено и ей нужно поступить в университет. Рита думала, он говорит о Венеции. Но он вручил ей письмо из Гарварда.

- Тебя ждут там.

Слезы полились неудержимо. Он выгонял ее. Выкидывал, как надоевшую игрушку. Она была вне себя от обиды, кричала на него, сыпала проклятиями, но он отражал все удары спокойно и невозмутимо. Потом схватил крепко и, дождавшись, когда она перестанет сопротивляться, сказал:

- Рита, пойми, ты талантлива не только как ведьма. Из тебя выйдет прекрасный адвокат, защитник. Я вижу это. Я обязан направить тебя в лучшее место, дать тебе все возможности. Ты вернешься, я не выгоняю и не отвергаю тебя. Я люблю тебя. Насколько может любить такое чудовище, как я. Поэтому я желаю тебе лучшее будущее. И твой отец со мной согласен.

Смирилась она только через год. Граф обеспечил ей учебу, проживание, она ощущала его заботу даже на расстоянии тысяч километров. Постепенно Рита увлеклась учебой и поставила себе целью не разочаровать графа.

На летние каникулы после второго курса она прилетела к отцу в Венецию. Граф был в отъезде. Он вернулся только через неделю, девушка почувствовала его в доме, едва вернулась с прогулки. Она побежала навстречу, к нему в кабинет. Ворвалась ярким метеором, с воплем радости повисла у него на шее. Он смеялся и обнимал ее в ответ. Но когда она захотела поцеловать его, мягко отстранил.

- Хочу проверить, чему ты научилась.

Она повернула ладонь вверх, и яркое пламя заплескало у нее на коже.

- Хорошо. Что еще?

Она взглядом сбросила с полки книги. Потом достала одну книгу, подтащила ее ближе к ним, раскрыла, перевернула и высыпала из нее все знаки и буквы.

- Это был ценный манускрипт, - заметил граф.

Она вернула текст обратно. Он проверил. Все было верно.

- Я слышал, ты делаешь успехи в университете.

- Это не важно, - отмахнулась она.

- Нет, Рита, это очень важно! - Он развернул ее к себе и посмотрел ей прямо в душу. - Ты должна развивать не только свой дар ведьмы, но и защитницы. Нельзя относиться халатно к своим способностям, это страшное преступление.

Его близость распалая ее фантазию и желание. Ночью она пробралась к нему в спальню. Он не спал и, казалось, ждал ее, сидя в кресле. Она смело прошла до середины комнаты и остановилась. Он смотрел спокойно, не двигаясь, словно ждал ее решения.

Она сглотнула, вцепилась нервно в ворот своей ночной сорочки, медленно сбросила бретели с плеч. Постояла несколько секунд, удерживая рубашку, потом глубоко вдохнула и опустила руки. Шелк мягкой волной, слегка замирая в воздухе, скользнул по ее телу вниз. Белизна ее кожи в темноте напоминала матовость мраморной статуи.

Граф Виттури поднялся из кресла, подошел, поднял ее лицо за подбородок и поцеловал. Это был глубокий, чувственный, страстный поцелуй, от которого шла кругом голова.

- Радость моя, - его шепот распалая желание, - ты уверена?

- Я прокляну тебя по-настоящему, если ты остановишься. - Она льнула к нему, обнаженная не только телом, но и душой. Его прикосновения и ласки обещали ночь, которую она не забудет

никогда.

Он тихо засмеялся, подхватил ее на руки и отнес на постель.

Извиваясь в его объятиях, задыхаясь от страсти, она была благодарна за то, что он одарил ее силой, не взяв ничего взамен, кроме любви. Ее возможности после этой ночи получили скачок в развитии. И хотя она понимала, что они не будут все время вместе, ей нужна была первая ночь с самым сильным из демонов, чтобы стать ведьмой.

Она вернулась в США, закончила учебу, прошла стажировку в престижной фирме, затем работала в ООН и действительно нашла интересной свою профессию. Свои способности развивала, с графом не виделась много лет, но знала – он всегда рядом. Порой выполняла для него задания. Когда Ильвир вызвал ее для срочного дела по проклятию Локи, она считала, что граф по-прежнему будет рад быть ее любовником. Но он лишь дарил ей силу. Да и события закрутились так, что Рите пришлось взять первый в рабочей карьере отпуск. И заниматься Локи.

Девушка с пшеничной косой не казалась ей какой-то особенной. Тихая, стеснительная мышка, что мечтает слиться со стеной. Но при первом же поцелуе с ней Рита ощутила, несмотря на проклятие, силу, а после посвящения казалось, сила течет из нее свободным потоком. Движения стали увереннее, взгляд тверже. И Рита наблюдала, как взор графа все чаще останавливается на Насте. Она все понимала, не ревновала и к девочке относилась с теплом, ведь тот, кто дает энергию ведьме, становится ей близок.

Локи после своего излечения от внутреннего демона стал настойчив, Рита уступила раз, два, три... Сама не заметила, как ночи с ним стали необходимостью. Ведьма и демон, что может быть естественной этой связи?

Оказаться в кольце его крепких рук, чувствовать шелк бороды, когда он целует ей плечи, смеяться его постоянным выходкам и подколам, ловить нежность в его взгляде.

И вот теперь он стоит рядом, ее поддержка и опора, что пришла на смену отцу.

– Я открою урну, отец. Я выпущу тебя на свободу. Твой дух выше любого великана. Пусть тебя возьмет земля и море Ирландии. Нашей родины. Но я клянусь своим даром, жизнью своей клянусь... я отомщу ангелам за твою смерть.

Немеющими от холода пальцами она медленно открыла крышку. Море разбивалось о камни и шумело, крики чаек и туристов перекрывали его монотонный рокот. Рита встала и наклонила урну. Ветер словно только этого и ждал. Облачко серого праха взмыло в воздух, осело на камни и белую пену, исчезло тут же. Навсегда.

Руки опустились. Локи обнял ее сзади за плечи и поцеловал в щеку.

– Пойдем.

Она не шевелилась. И стояла так долго-долго, пока наконец голос отца не исчез в шепоте волн.

– Я хочу увидеть место, где активировали артефакт Ноктурны, – вдруг решила она.

Глава 11

Настя со своей командой перекусила в кафе и отправилась обратно на Сите в надежде, что кому-то из агентов повезло больше.

Граф Виттури ждал их возле цветочного рынка, солнце ласково зарывало лучи в его волосы, но лицо было мрачным. Когда она увидела его издали, сердце радостно заныло, но, приблизившись, Настя с тревогой взгляделась в его суровые черты. Что-то случилось.

- Локи и Рита исчезли, - подтвердил ее опасения граф. - Не выходят на связь.

- Возможно, им сейчас не до нас, - осторожно предположил Диего.

- Возможно, - помедлив, согласился он.

Граф сегодня был одет в черную водолазку, выгодно подчеркивающую фигуру и темные волосы. Он был похож на актеров из французских фильмов и как нельзя удачно вписывался в пейзаж Парижа.

- Но я все же был бы более спокоен, если б они ответили хотя бы на один звонок.

В этот момент мобильник, который он держал в руке, заиграл какую-то жуткую мелодию.

Граф торопливо ответил.

- Ну вот, может, это Локи. - Лика напряженно следила за выражением лица графа Виттури.

- Не похоже, - прошептала Настя.

Сердце тоскливо заныло болью. Что-то не так.

Граф Виттури закончил говорить. Повернулся к ним и к тем агентам, что успели подойти:

- Это Итсаску. Они нашли картину.

В команду Итсаску и Сержа входили еще Габриэль и низенькая девочка лет четырнадцати со стрижкой пикси, в рваных черных колготках и кольцом в носу. Вампирша без особого энтузиазма отнеслась к тому, что граф добавил им этих двоих. Ей нравилось работать в паре с Сержем, и остальные ее напрягали.

Но им достался довольно обширный архив в одном из дворцов в пригороде Парижа. Дополнительная помощь была необходима.

Мари, так представилась девица с пикси, едва вошла в архив, начала приноживаться. Итсаску не успела съязвить по этому поводу, как та обернулась лисицей и побежала вдоль стеллажей, вода носом и твякая.

- У нее особый нюх на магию, - пояснил Серж.

- Ты откуда знаешь?

- Я слушал в отличие от тебя, что она болтала всю дорогу, - улыбнулся Серж и поправил очки. - Нам надо проверять только те места, где она останавливается и подает сигнал.

Итсаску страсть как не нравилось копаться в вещественных архивах. Ей куда больше по душе были архивы электронные, где можно набрать ключевое слово в поисковике или при помощи специальной программной формулы вычленишь интересные документы из миллиона похожих файлов. Скрепя сердце она принялась ворошить пыльные свертки и упакованные холсты.

Серж работал уже в другом ряду стеллажей, когда твяканье лисицы стало непрерывным, с рычанием и скулежом.

- Она на улицу просится, что ли? - проворчала вампирша, поднимаясь.

Раздражаясь все больше, она прошла через три прохода, по дороге к ней присоединились Серж и Габриэль.

- Ну, в чем дело, мелкая?

Но тут она и сама увидела, в чем дело. Плотным рядом стояли запакованные в льняные ткани картины с толстыми рамами. И лисица юлой вертелась, твякала, вся шерсть дыбом, мордочка в

оскале, уши прижаты.

- Неужели нашлась? - Серж взволнованно поправил очки на носу.

Если это не картина, что они ищут, то нечто не менее впечатляющее по силе. Уступив любопытству, Итсаску достала нож из-за пояса:

- Сейчас проверим.

Перед входом в архив граф вдруг поймал Настю за руку и задержал, пока другие проходили через стеклянные двери.

- Если вдруг появятся ангелы или Ноктурна, обещаю мне, что будешь контролировать силу. Будь рядом, чтобы я мог защитить тебя. Если увидишь, что я ранен, уходи как можно дальше, так я смогу восстановиться.

- Хорошо. Прости, что я тогда...

- Не важно, Настя. Ты не осознавала этого.

Он пожал ей руку, золото в его глазах вдруг превысило карий цвет впервые за все то время, что она знала его. Настя завороченно смотрела в золотисто-карие глаза демона.

- Что? - приподнял он бровь.

- Твои глаза меняют цвет.

- Иногда, - кивнул он. - Когда я совершаю глупости.

Он потрепал ее по голове и кивнул, чтобы проходила.

Габриэль с облегчением убедился, что Настя в порядке. После того как он увидел подвеску, ему все больше казалось, что она и есть та девушка, которую он должен был найти. Недаром же они встретились в Ином городе. Он должен позаботиться о ней. Но как? Ведь фактически он был бесполезен: Настя в состоянии защитить себя сама. В этом он успел убедиться. И все же... Все же он ощущал некую недосказанность в своей миссии, которую еще только предстояло узнать.

- Этот паскудник синевласый дыру на тебе протрет. - Папа римский был, как всегда, в своем репертуаре. Но Настя даже обрадовалась тому, что он решил снова показаться.

- Его зовут Габриэль, и он ангел, - тихо шепнула она папе римскому.

- Ну да, конечно. Вон как смотрит... Совсем не ангельские мысли у него, - ворчал папа Александр.

- А вы прям много знаете о мышлении ангелов, ваше святейшество, - огрызнулась Настя.

- Ну, давай, не слушай меня. Так же как слепцу не нужен свет, глупцу не нужна мудрость.

- Это вы меня сейчас душой назвали, ваше святейшество?

Граф Виттури тихо рассмеялся, прислушиваясь к репликам Насти. Что говорил ей Родриго Борджиа, он мог только догадываться, но воображение у него было отличное.

- Кто-нибудь, заткните эту шавку. - Итсаску с раздражением указала на твякающую лисицу. Впрочем, та при виде графа Виттури сама успокоилась и села, обернув себя рыжим хвостом. Она дышала, высунув язык, и вся ее морда выражала блаженную радость.

- Срань господня... - прошептал призрак папы римского, увидев картину.

Портрет с демонессой стоял перед Настей, и мороз пробирал по коже вдоль позвоночника то вверх, то вниз.

Он был таким же, как в ее видении. Даже страшнее. Демонесса смотрела на них снизу вверх, на лице ее играла злая усмешка. Казалось, что бы они ни сделали, они проиграли.

- Что ж, похоже, это то, что мы искали.

Граф Виттури достал меч, подошел к портрету. Секунду смотрел в черные глаза демонессы, а затем проткнул холст лезвием.

За мгновение до того, как клинок прошил полотно, Настя, повинувшись внутреннему порыву, схватила демона за руку, пытаясь остановить:

- Стой! Это ошибка!

Но было слишком поздно. Лен со скрипом разошелся под сталью, потом вдруг поехал дальше, приоткрывая черное жидкое пространство, которое через мгновение свернулось в воронку и затянуло в себя графа Виттури, Настю, державшую его за руку, Габриэля, что пытался оттянуть девушку за рукав, и папу римского. Едва они исчезли, воронка схлопнулась, и картина с огромной прорехой в холсте осталась стоять перед остальными агентами.

Когда Диего, Серж, Итсаску, Лия, Мари и Лика обрели дар речи, только нечленораздельные восклицания и вскрики срывались с их губ. А потом раздался чей-то холодный смех, от которого ребятам стало совсем не по себе.

Они обернулись на звук.

Белая дама в тумане клубящейся тьмы стояла в начале прохода. Итсаску потянулась к пистолетам на поясе. Ноктурна покачала головой:

- Не думаю, что это хорошая идея.

Возглас удивления Сержа отвлек ее, вампирша повернулась и в ужасе увидела, что ребята схвачены демонами.

- В другой раз я бы насладились агонией, но я здесь по другому поводу.

Она махнула рукой, и картина поплыла к ней по воздуху.

- Самаэль считал, что сила в изображении. Но я куда хитрее. Сила в раме. А изображение всего лишь ловушка, кстати, весьма удачная.

- Куда они делись? - Итсаску пыталась рассчитать, как стрелять, чтобы не задеть ребят. Выиграть время. Вот что ей было необходимо.

- Вы их больше никогда не увидите.

Рама остановилась перед Ноктурной, она протянула к ней ладони, и черная жижа потекла из деревянной поверхности, всасываясь в клубы тьмы, которые росли вокруг нее.

Итсаску подхватила пальцем за спусковую скобу пистолет, развернулась и по очереди быстро выстрелила в демонов, которые держали Диего, Лику и Сержа. Она всегда делала это хладнокровно, четко и быстро. Несмотря на то, что потом, когда появлялось время для анализа, опасности и риски становились очевидны. Но не сейчас. Потом повернулась в сторону Ноктурны и выпустила три пули ей в голову.

Серж тут же достал свои железные звезды, Лика натянула тетиву. Вместе они прикрывали Диего от выползающих отовсюду демонов, а он освободил Лию, а вот Мари не успел, демон подхватил девчонку, метнулся в сторону Ноктурны. Его когти превратились в щупальца, которые стали подниматься к лицу беспомощно дергавшейся девушки.

На Ноктурну выстрелы не произвели никакого воздействия, серебряные пули упали, не долетев. Итсаску выругалась. Тьма вылезала из проклятой картины и вползала в демонессу, отчего та приобретала странное мерцающее свечение.

Серж схватил Итсаску за руку:

- Уходим!

- Мари, - возразила ему вампирша. - Где шавка?

Парень помотал головой:

- Слишком поздно.

Она проследила взглядом за спиной Ноктурны: демон воткнул свои щупальца в глаза и рот девушки, засовывая все глубже, та на глазах Итсаску обмякла и перестала дергаться.

- Сейчас здесь все взорвется, надо уходить.

Серж потянул ее за собой, и они побежали. Впереди мчались Лика, Лия и Диего.

Все здание вибрировало и ходило ходуном. Они выскочили из него, когда стеклянные двери начали дребезжать от волн энергии. И едва успели скрыться за поворотом, как громкий грохот сотряс улицу, взвыли машины, взрывная волна пронеслась мимо, неся с собой пыль, стекло, бумагу, куски бетона, арматуру, книги.

Ребята прижались к стене, опустились на корточки, защищая головы.

Когда они встали, Лика плакала навзрыд.

- Что мы будем делать? - только и спросила она, ее всегда аккуратно уложенные волосы были растрепаны. - Как противостоять Ноктурне без графа Виттури? Неужели это конец?

Диего порывисто обнял плачущего ангела и прижал к себе:

- Нет, Лика. Мы что-нибудь придумаем.

- Но как выяснить, куда унесло Главного и Настю? - спросил Серж.

- Надо спросить Риту. Она у нас спец по сверхъестественному в отсутствие графа, - решила Итсаску.

- Черт! Не было времени вам сказать, кажется, Рита тоже исчезла. - Диего с силой размял лоб ладонью. В ушах еще гудело от взрыва.

- Тогда начнем с того, что отчитаемся Цезарю, - предложил Серж.

Боль от перехода была такой сильной, что все кружилось перед глазами, а вдохнуть воздух не было сил. Откуда-то издали доносился до нее испуганный голос Габриэля:

- Она же не умерла? Не умерла? Настя-я-я!

И голос графа Виттури, который манил и настаивал:

- Настя, дыши! Дыши, черт тебя возьми!

Кто-то нажимал ей со всей силы на грудную клетку ритмично, сильно.

«Как дышать?!» - хотела возмутиться она, но не могла.

Чьи-то губы накрыли ее, вдыхая в нее воздух. И снова давят на грудь. Как дышать? Как вздохнуть?

И вдруг ее словно вытолкнуло на поверхность реальности, и, судорожно хватая воздух, она выгнулась, граф Виттури подхватил ее под плечи.

- Вот так, вот так, дыши! Только дыши!

Он ласково гладил ее по лицу, пока она пыталась отдышаться. О боже, как же больно! От страха и боли черно перед глазами. Настя в поиске защиты обняла за шею графа. А тот принялся укачивать ее, поглаживая по спине, пока она хныкала от ломоты в костях.

- Сейчас пройдет, сейчас все пройдет, родная, потерпи.

Голос перекатывался бархатисто и томительно, и она прижалась крепче к водолазке, вдыхая его запах. И боль действительно стихла. Осталась легкими покалываниями на коже, которые можно было терпеть. А вот отпускать демона не хотелось.

Он прижался к ее лицу щекой, поцеловал ее в висок, взмокший от боли.

- Получше?

Нехотя она кивнула и отстранилась. Но испуганно заморгала. Она его не видела, только ощущала.

- Я ослепла? - Она в ужасе раскрывала глаза шире, но ничего не видела.

- Нет, просто мы в черной дыре.

- Где?!

- Здесь нет света. Никогда не было и не будет.

- И что же делать? Как выбраться отсюда?

Демон медлил с ответом, и от каждой секунды молчания веяло обреченностью.

- Отсюда невозможно выбраться.

Почему она не чувствовала отчаяния? Может, потому что еще прошло слишком мало времени, и осознание безвыходности их положения еще не осело в голове. А может, просто потому что вдруг подумала, что сейчас, пока она лежит в объятиях демона, с ней не может случиться ничего плохого, ведь она ощущает его тепло и заботу. Возможно, в темноте будет проще реализовать свое желание поцеловать его? Ведь это он делал ей искусственное дыхание. Она думала об этом и гладила его лицо во тьме. Пыталась по-новому, руками, увидеть его губы и подбородок, подушечками пальцев сыграть на его скулах азбукой прикосновений «поцелуй меня».

Она чувствовала, как, прижимая ее к себе все сильнее, он наклоняет к ней свое лицо...

- Кхе... - раздалось внезапно где-то со стороны, и Настя дернулась. И момент был упущен.

- Здесь есть еще кто-то? - спросила она у демона.

- Габриэль, - хрипло произнес он.

- И я, - осуждающе ответил папа римский. - И если синеволосяя пародия на ангела ничего не понял, то я вас прекрасно вижу и...

- Вы нас видите, ваше святейшество?! - краснея от стыда и одновременно загораясь надеждой, спросила Настя. - И видите, где мы?

- Ну да. Местечко не для любовных утех, - предупредил призрак. - Хотя, учитывая безнадежность нашего положения, остается только предаться похоти напоследок. Можете продолжать.

- Да нет же, если вы нас видите, то, может, не все потеряно.

- Конечно, я успею насладиться весьма приятным зрелищем, - продолжал гнуть свою линию призрак.

Кажется, граф Виттури был с ним в чем-то согласен. Его ладонь легла Насте на бедро, другой рукой он крепко прижимал ее к себе за талию. Искушение было велико. Но мысль о том, что за ними будет наблюдать призрак, не давала ей отвлечься.

- Он нас видит, - сообщила она графу.

Его губы чуть коснулись ее уха, все внутри болезненно сжалось.

- Это я понял.

- У меня есть идея. - Она отстранилась от графа и поднялась. - Ваше святейшество, я знала призрака, который мог светиться в темноте. Не знаю, все ли призраки это могут, но, может, попробуете?

- А ты мне что в обмен предложишь? - ехидно раздалось совсем рядом. И уж точно не рука графа Виттури легла ей на пятую точку.

- Я не стану с вами торговаться. Хотите выбраться отсюда - сами засветитесь так, что мало не покажется. - И она убрала его руку.

Призрак вздохнул.

Граф Виттури вставил:

- Станешь лапать Настю, я тебя здесь зарюю, призрак.

Зеленоватый свет от папы Александра был слаб, но оглядеться вокруг она смогла. Все кругом было покрыто пеплом. Они стояли посреди чащи обгоревших деревьев-исполинов. Мертвые ветви протягивали к ним свои изуродованные обугленные пальцы. Габриэль стоял чуть позади призрака. Все это время он молчал, не в силах осознать, где находится. Он слышал голос Насти, разговор с демоном, но не спешил участвовать в нем. Ему казалось, он тут третий лишний.

- Габриэль, иди сюда.

Рука Насти уверенно взяла его за запястье.

- Я вижу, что мы в мертвом лесу, - описала она пейзаж.

Другой рукой она взяла руку графа Виттури, он охотно сомкнул свои пальцы с ее.

- Что ж, веди нас, - чуть улыбаясь, сказал он.

Он понимал ее стремление к действию: это человеческая природа. Она должна двигаться, изучать, пытаться и пробовать, это помогает избежать страха, отчаяния и истерии. Им с ангелом оставалось только следовать за ней. Его бесило то, что он слеп, но был уверен в Насте: она не успокоится. Будет идти сколько угодно долго, но не сдастся. А когда отчаяние все же догонит, он возьмет ее в свои объятия. Он убьет ее, потому что видеть ее страдания будет слишком больно. Но пока ощущать ее пульс, тепло прикосновения было приятно. Его маленькая смертная оказалась храброй, умной девочкой. И он гордился ею. И знал, что будет гордиться всегда. До самого конца.

Глава 12

Цезарь молча выслушал ребят, набрал телефон Риты, потом Локи. Тишина. Связь как будто прервана.

Они распустили остальных агентов. Лия не хотела уходить, но Цезарь был неумолим: остаться должна только его команда.

- Ноктурна получила гигантский заряд энергии. Что она с ним будет делать – нам неизвестно, как и неизвестно, сколько у нас времени. Мы не знаем, что за ловушку она придумала графу и куда он делся. Значит, единственное, что мы можем сейчас сделать, – попробовать найти Риту и Локи.

Диего кивнул.

- Значит, Ирландия, – прошептала Лика.

- Да. – Цезарь обвел взглядом полководца своих малочисленных воинов. – Я знаю, где она собиралась рассыпать прах Ильвира. Начнем оттуда.

- Рыжая красотка и одноглазый викинг не могут пройти незамеченными, – кивнул Серж. – У нас есть шанс выйти на их след.

Итсаску молчала. Гибель Мари странным образом ее опустошила. Ничего не значила для нее эта девчонка-лисица. Но зрелище и жестокость смерти, казалось, отпечатались на роговице глаз, она никак не могла избавиться от этой картинки. Впервые за долгое время вампирша боялась за жизнь Сержа до дрожи в коленях. Она понимала, что это неправильно, что должна быть тверда так же, как сегодня, когда целилась в голову демона чуть выше головы парня. Тогда она была уверена. Сейчас она сомневалась, что у них всех есть будущее. Потому что если граф прав и Ноктурна разрушит этот мир, то и Серж, и она погибнут. И она в ужасе понимала, что, возможно, увидит смерть Сержа совсем скоро.

Пока они ехали в аэропорт, она обвила руками торс парня, прижалась к нему. Серж гладил ее по голове, что-то говорил успокаивающее. А ей хотелось ударить его, закричать. Разве он не понимает, что все потеряно? Разве не осознает, что они обречены?

Пепел осыпался с деревьев тихо, как снег, Настя видела это в фосфоресцирующем свете папы римского. Призрак шел чуть впереди.

Они покрыты этим пеплом.

Все кругом им покрыто.

Почва под ногами мягкая, словно идешь по пуховым подушкам. Может, это веками скопившийся пепел, спрессованный под ногами.

Она старалась не думать о том, что выхода нет. Порой хотелось услышать хоть что-нибудь помимо их шагов, порой было страшно, что вот-вот она услышит или увидит что-то, что представляет опасность.

Но в этом сером мире не было совершенно ничего, кроме обгоревших деревьев и пепла. Посмотрев на серое лицо демона, она вспомнила лицо Белиала и содрогнулась – она не хотела видеть его таким.

- Что случилось, Настя? – тут же откликнулся он, почувствовав ее волнение.

- Ничего.

Он пожал ей руку в знак поддержки, будто хотел сказать: «Не бойся!»

И тут ей пришла в голову совершенно безумная мысль.

Она остановилась, отпустила руку Габриэля, повернула демона к себе, прижалась к нему, обвив руками за шею. Он не остался в долгу, его объятия всегда были готовы для нее. Положив голову ему на грудь, она постаралась вызвать в себе желание связи с ним, взаимодействия и обмена. Их энергия золотым светом тут же потекла ровным потоком между ними.

Она чуть отстранилась, и свет прорвался на свободу, осветив его лицо и пространство вокруг. Они по-прежнему были в лесу. Но теперь и ангел, и демон смогли оглядеться.

Демона мало интересовал мир вокруг, он смотрел на лицо Насти. Он смотрит на нее в последний раз. Неизвестно, сколько продлится свет между ними. И он смотрел в ее печальные глаза, на ресницы и брови, засыпанные пеплом, на серые губы. Он вытер пепел с них и поцеловал бы ее, если бы Габриэль каким-то страшным голосом не вскрикнул:

- Там дом!

Оба повернули головы и увидели вдалеке здание с треугольной крышей. Демон крепко прижал Настю к себе, вытащил один из мечей. В свете сияния Насти и демона все дошли до дома. Настя протянула руку и погладила стену: он был кирпичный. Похож на дачный. Они поднялись на крыльцо.

- Чем больше времени проходит, тем более странной мне кажется эта черная дыра, - тихо сказал Самаэль. Габриэль потянул руку к двери.

- Будь осторожен, - предупредил его демон.

- Я уже сходил на разведку, - выглянул из двери призрак, заставив вздрогнуть Настю. - На первом этаже никого нет.

- Там пусто, - сообщила Настя спутникам.

Габриэль положил пальцы на ручку двери и нажал. Тяжелая дверь отворилась.

Они вошли.

Серж оказался прав. В отеле рядом с мостовой Гигантов им сообщили, что пара выехала накануне, взяв в аренду автомобиль и поинтересовавшись направлением на Баллино.

- Баллино! - Серж, Итсаску и Цезарь переглянулись: они уже бывали там во время охоты за артефактом. Но зачем Рите понадобилось туда ехать?

Диего при помощи гипноза в офисе автомобилей напрокат узнал номер машины Риты и Локи. Заодно они арендовали машину сами.

Ли́ка поехала. Тонкая куртка совершенно не укрывала от ветра, который, казалось, гулял по Северной Ирландии, не зная преград. Диего снял свою куртку и, несмотря на возражения Ли́ки, накинул ей на плечи.

- Моя кровь движется быстрее, чем у человека и ангела, Ли́ка, - насмешливо сверкнул он зеленою глаз. - А ты так и не смогла нарастить жирок, который защитил бы тебя.

Ли́ка вздохнула. Ну что тут сделаешь, не драться же с ним? А в куртке и впрямь теплее, она даже задремала, пока Серж вел машину по зеленым холмам острова. Усталость сказывалась на всех и отчаяние. Они столько преследовали картину, чтобы в последний момент упустить. Да еще потеряли графа Виттури. И Настю.

Диего и сам начал подремывать, когда голова Ли́ки легла ему на плечо. И остаток пути он не шевелился, боясь спугнуть это ощущение близости.

Цезарь пытался сохранять хладнокровие, но это было слишком тяжело. То и дело всплывали в памяти разговоры с графом Виттури. Конец света. Не думал он, что доживет до апокалипсиса. Им людей пугали испокон веков. Граф сам рассказывал, что в эпоху скандинавских богов, когда Ноктурна набрала силу и выступила против всего живого, победить ее оказалось нелегко, практически все демоны, выступавшие на его стороне, погибли. Эпоха сильных демонов, которых люди почитали за богов, закончилась именно по ее вине. Она темная сила Вселенной, противостоять ей тяжело. И вот она снова набирает мощь, а у них нет ни богов, ни демонов. У них даже графа Виттури нет. Сколько им всем осталось? День? Месяц? Год?

Серж остановился возле двухэтажного домика-отеля с гордым названием «Замок». На парковке Серж многозначительно кивнул Итсаску на стоящий автомобиль. У него были номера машины, что арендовали Локи и Рита.

Хозяйка узнала Сержа, едва он вошел. К ее удивлению, они сняли все комнаты, что оставались пустыми, и спросили про постояльцев, чья машина стояла возле отеля.

- Сказали, машина пусть стоит; второй день пошел, как взяли кое-какие вещи и ушли. По словам горничной, даже телефоны оставили.

- Предлагаю разделить. - Диего видел, что Серж вымотан до предела и Ли́ка тоже, а потому

посмотрел на них и произнес: – Вы идите отдыхать. Цезарь, ты пока оформляй нас в гостиницу, а мы с Итсаску сбегает к кругу друидов. Думаю, именно он и привлек сюда Риту.

Это было действительно хорошее предложение. Вампир и оборотень выносливее людей. Цезарь кивнул:

– Позвоните мне сразу, как только что-то узнаете.

И Диего с Итсаску вышли из гостиницы.

Вдоль дороги стояли одноэтажные домишки, а кругом, насколько хватало глаз, расстились сочные зеленые луга.

– Нам сюда. – Итсаску повернула налево, и вскоре они покинули дорогу и пошли по полю.

Диего жмурился от весеннего солнца, подставляя ему лицо. Ветер был холодным.

– Насчет «сбегать» ты погорячился. – Итсаску мысленно прокляла свои сапоги, каблуки которых то и дело утопали в земле. Ее викторианская юбка, пусть и заколотая на бедрах, выглядела здесь совершенно глупо. Но у них нет с собой даже смены белья. Она надеялась, что уже завтра они смогут вернуться в Барселону.

– Если хочешь, я могу сбегать, а ты дойдешь как сможешь. – Диего махнул рукой наискосок через луг.

– Нет уж, пойдем вместе. Локи и Рита могли пропасть не просто потому, что им приспичило предаваться любви на природе.

Диего усмехнулся.

– А что? – продолжала свою речь вампирша. – Весна кругом, начинает припекать солнышко, поют птицы, свежий воздух... романтика! Вот дерьмо!

Она наступила на коровью лепешку.

– Смотри под ноги лучше, – посоветовал Диего.

Еще пятнадцать минут вампирша ворчала что-то нелестное о коровах, а потом налетела на внезапно остановившегося Диего.

– Ты чего тормозишь?

– Пришли.

Она посмотрела в том же направлении, что и он.

Сейчас они находились на небольшой возвышенности, с которой были видны зеленые луга вокруг. Прямо перед ними среди зеленой травы простирался каменный круг друидов. Камни были невысокими, многие из них, словно выпавшие из круга случайно, лежали в стороне валунами. Но сам круг угадывался четко еще и потому, что в нем почти не было растительности. А чуть в стороне стояла палатка.

Внутри дома Настя попыталась включить свет, но, как и предположил граф Виттури, из этого ничего не вышло. Складывалось впечатление, что они находятся в декорациях для съемок, потому что все было очень похоже на настоящее: в прихожей висела зимняя одежда, возле лестницы была ванная комната, но когда Настя открыла кран, вода не потекла. Все было засыпано пеплом, белая раковина была серой, пальцы Насти отпечатались на ее краю.

Они прошли на кухню: там стояла турка для кофе, открытая банка кофе, лежали в корзине серые от пепла фрукты. Настя открыла холодильник: в нем лежала еда. Все не пахло. Здесь вообще не было запахов.

– Мне здесь не нравится, – Габриэль поежился, – такое ощущение, что этот дом мне знаком.

– Так, может, это хорошо? – возразила Настя. – Вспомнишь прошлое.

– Не всегда приятно столкнуться с призраками из прошлого, – заметил ангел.

– Это ты мне рассказываешь? – Настя мрачно посмотрела в сторону папы римского.

– Что? – возмутился призрак. – Я, между прочим, полезный.

- Чем?

- Всем. Ты просто еще не все пробовала. - Он ей подмигнул.

Рука графа Виттури легла ей на плечо.

- Наш свет меркнет, Настя. Надо успеть осмотреть дом.

Не найдя ничего интересного на первом этаже, они стали подниматься на второй. На пятой ступеньке Настя почувствовала, как от страха мороз прошел по коже. Это было неприятно, она повела плечами, но холод никуда не делся.

- Я с тобой, - прошептал на ухо демон. Рука его легла ей на талию снова, по-хозяйски притянула к себе. Она не сопротивлялась. Хотелось спрятаться за спину демона и даже не выглядывать оттуда. Волчица внутри ее тоже не находила себе места от тревоги.

- Мне страшно. - Настя чувствовала себя в этом доме маленькой. Совсем маленькой девочкой. Брошенной и растерянной.

- Знаю. Но иногда необходимо узнать все от истоков и до конца, посмотреть в глаза страху, чтобы перестать бояться.

Вместе они преодолели пролет.

Второй этаж представлял собой площадку, на которую выходили двери нескольких комнат. У порога одной из спален лежал какой-то большой то ли мешок, то ли сверток. Но когда они подошли поближе, Настю передернуло от ужаса. Это было тело человека, точнее, ребенка лет десяти. Оно лежало лицом вниз, и было невозможно понять, кто это - мальчик или девочка.

«Мальчик, - решила Настя. - Волосы короткие».

Переведя взгляд на Габриэля, она заметила, что тот трясется как в лихорадке.

- Моя вина, моя вина... - повторяли его белые губы.

Граф Виттури присел на корточки и за плечо перевернул тело лицом вверх. Слабость в коленях была такой сильной, что Настя пошатнулась. Папа римский поддержал ее за локоть. Горло трупа было вырвано, тело обескровлено, а глаза мальчика были широко открыты и белы.

Настя отвернулась и уткнулась лицом в сутану Родриго Борджиа. Призрак шептал что-то успокаивающее, но она не слышала его слов. Ребенок. Мальчик. Каким надо быть чудовищем, чтобы сделать такое? Зверем? Собакой?

От головокружения из-за контакта с призраком ей пришлось отстраниться от него, и тут она заметила, что с третьего этажа дома льется свет.

А вслед за светом полилась оттуда и тихая, медленная музыка. Словно кто-то пробовал, как звучит пианино, нажимал на клавиши, позволяя каждой отзвучать, пока не нажмет другую. И вместе с тем рождалась задумчивая, грустная мелодия.

Она повернулась к своим спутникам: они тоже прислушивались. Значит, музыка реальна, не призрачна. Настя пошла на свет и звук, забыв о страхе. Словно вдруг остро возникла необходимость знать. Знать до конца все тайны этого странного дома.

Они уже были близко, когда из палатки вылез сонный Локи. Диего еле сдержал порыв врезать ему в одноглазую удивленную морду. Неужели так сложно держать при себе телефон?

- Вы что здесь делаете? - Викинг недовольно скрестил руки на мощной груди.

- Ты бы еще спросил, почему мы без кофе, - встала Итсаску. И не дав Локи отреагировать, она добавила: - Рита здесь?

- Нет, Рита с друидами.

- С кем?! - Диего всмотрелся внимательнее в чуть насмешливое лицо бородатого одноглазого пирата. Тот нахально улыбнулся, видя, что оборотень не в настроении.

- С друидами. Проходит обучение. А вас сюда за каким чертом принесло?

- За тем самым. Граф Виттури попал в ловушку Ноктурны вместе с Настей. Нам нужна Рита.

Локи выругался на каком-то непонятном ребятам языке, причесал светлую бороду в задумчивости.

- Риту нельзя тревожить еще часов шесть примерно. Она сказала, что сама вернется. Так что... если хотите кофе, забирайтесь в палатку. Я как раз готовил.

- Мы голодные и уставшие. И злые. Ноктурна набирает силу. Портрет достался ей. Нам не до кофе, - резко оборвал его Диего.

Локи пожал плечами:

- Тогда пошли в «Замок», там хоть готовят хорошо. Я тут на пайках совсем озверел.

- Почему не взяли телефоны?

- Рита сказала, что лучше без них. Она ушла еще дальше, это я здесь, рядом с цивилизацией.

- Ладно, идем, расскажешь всем, чем вы тут занимаетесь.

Итсаску не стала дожидаться, развернулась и пошла обратно. Локи быстро написал записку Рите, придавил ее чашкой с недопитым кофе и направился вслед за Диего в деревню.

Через полтора часа, после душа, уплетая горячую яичницу с ветчиной и жареной картошкой, Локи рассказал ребятам, как они с Ритой, развеяв прах Ильвира, приехали в Баллино посмотреть на круг друидов.

- Рита стала сама не своя, как дошла до этого круга. Бормотала все что-то, ходила и мерила шаги, ложилась в центре круга на землю. Плакала. Напевала под нос, раскачиваясь и обняв себя руками. А потом стемнело, и я вдруг увидел... - Локи потряс головой. - Нет, ребята, лучше вы сами все посмотрите. А то не поверите еще. Она вернется как раз вовремя. Ну а на следующий день пришли друиды. Оказывается, они ее ждали, она для них вроде главной жрицы оказалась. Пришлось мне коротать все это время в палатке, пока они там по полям носятся, меня она с собой не взяла.

- Бедный брошенный скандинавский бог, - ухмыльнулась Итсаску.

- Спасибо, что подобрали и накормили, - засмеялся Локи.

Третий этаж представлял собой зал, вдоль стен располагались шкафы с книгами, одна стена была зеркальной: Настя поначалу испугалась движения в отражении.

А посередине комнаты стояла огромная музыкальная шкатулка, которая светилась и издавала мелодию. Она была оформлена как театральная сцена, где танцевала девочка в воздушном платье, и оно взлетало вместе с ней при каждом движении. Пуанты не оставляли сомнений, что она танцует партию из балета.

- Это не кукла, похоже на видеопроекцию. - Настя огляделась в поисках проектора, но ничего не увидела.

- Интересно...

Пока граф Виттури приглядывался к шкатулке, Настя подошла к одному из книжных шкафов, открыла, провела рукой по корешкам книг.

- Книги на русском языке, - заметила она.

- У меня одна хорошая новость и одна плохая, - сказал граф Виттури, поворачиваясь к своим спутникам.

- Какая хорошая?

- Мне кажется, учитывая все увиденное, мы не в черной дыре.

- А где же? - огляделась Настя.

- Мы в доме, который раньше принадлежал женщине, которая стала Ноктурной.

- И дом стоит в лесу?

- Нет, необязательно. Лес - это отражение нашей души. Вспомни свой лес. Он был живым, сказочным, добрым. Он вел тебя по своим тропам. А этот мертвый лес - душа Ноктурны. Чтобы создать белую даму, нужна живая, отчаявшаяся женщина. Демоны овладевают ею именно в момент слабости. Этот дом - единственное, что осталось в ней от той, кем она была. И дом страшен,

засыпан пеплом. И тот мертвый ребенок – наверняка убит ею самой. Раз она так трепетно хранит его.

- И единственный мерцающий свет, единственное, что осталось от той ее жизни, – это танцующая кукла в музыкальной шкатулке?

- Думаю, если мы разгадаем, почему эта шкатулка так важна для Ноктурны, то пойдем лучше ее слабости.

- То есть мы попали к ней в душу? Но почему? И в чем заключается плохая новость?

- Почему – нам предстоит еще решить, возможно, это благодаря тебе, Настя. Ты ведь контактируешь с призраками, заблудшими душами...

- Я попросил бы... – возмутился папа римский.

- Возможно, ты послужила проводником всем нам, увела нас не туда, куда хотела Ноктуна, а нащупала ее самое уязвимое место. А плохая новость в том, что мы по-прежнему не знаем, как отсюда выбраться.

В этот момент шкатулка с грохотом захлопнулась, музыка прервалась, свет погас. И в гробовой тишине они услышали скрип ступенек лестницы под чьими-то тяжелыми шагами.

Глава 13

Друиды. Честно сказать, Диего представлял их себе древними стариками с посохами, седыми бородами, в рясе. А навстречу ему шли люди, одетые в обычную одежду: легкие куртки, клетчатые рубашки и джинсы, – дети, молодежь, взрослые, старики. Они несли сухоцветы, сложенные в красивые букеты. Улыбались, болтали между собой. Нет, совсем не так он представлял их.

Риту он тоже узнал с трудом. Всегда элегантно и соблазнительно одетая ведьма шла по полю в джинсах, высоких сапогах без каблука и клетчатой красной рубашке. Рыжие волосы, обычно уложенные, были просто забраны в хвост и завязаны платком.

Но между тем при всей простоте явно не ее одежды, по тому, с каким уважением спутники смотрели на нее, в рыжей красавице все равно можно было бы узнать королеву ведьм.

Завидев Цезаря и его команду, она что-то сказала друидам, и те остановились в сторонке, ожидая, пока она поговорит с друзьями.

– Что случилось? – спросила она, едва оказалась рядом.

Диего кратко рассказал ей о произошедшем. Румянец на щеках Риты сменился бледностью. Потерять графа Виттури? Сразу же после смерти отца? Немыслимо!

– Думаю, вам стоит остаться сегодня на ночь. – Рита кусала губы. – Я подумаю, что можно сделать, и переговорю с ними. – Она кивнула в сторону друидов. – Но сначала, Цезарь, я бы хотела показать вам то, что произошло, когда мы приехали сюда с Локи.

– Тебе виднее, Рита. – Цезарь осторожно смерил взглядом ведьму.

– Я его готова из-под земли достать, ты знаешь. – Зеленые глаза уставились на него с вызовом. – Но чтобы понять как, надо подумать.

– Я просто не знаю, сколько у нас есть времени.

– Скорее всего, его у нас просто нет, – прошептала Рита.

В сумерках вечера они снова собрались у круга. Друиды притащили термосы с чаем, бутерброды, расстелили походные коврики. Лика заметила, что все держатся на определенном расстоянии от круга, но сидят лицом к нему.

Рита переделалась в длинное платье и распустила волосы. Она куталась в теплую куртку и нетерпеливо постукивала одним сапогом о другой. За все это время она не присела ни разу.

Лика натянула пониже на онемевшие от холода уши теплую шапку, которую ей дала сердобольная хозяйка гостиницы. Ночью холод напоминал еще о зиме, сыростью проникал под одежду.

На небе показались звезды. Чуть запрокинув голову, ангел смотрела в высь небес, и ей было несказанно хорошо.

– Сейчас начнется, – толкнула ее под бок одна из девушек-друидов.

Лика перевела взгляд на Риту: та уже скинула куртку и, передав ее Локи, пошла к кругу.

– Что она делает? – спросила Лика друидку, но та не ответила, замороженная процессом.

Ведьма вошла в круг медленно, словно отчеканивая каждый шаг, оставляя за собой весь мир, ненужный ей, уже позабытый, уже несуществующий. Отсюда Лика видела чернеющие на фоне горящего звездами и полной луной неба камни круга, угадывала, что Рита что-то напевает, раскачиваясь, ритмично двигаясь, то обхватывая себя руками, то расправляя их ладонями вверх, то вниз, а то складывая вместе, будто в мольбе. А потом она легла прямо на землю.

– Она замерзнет! – Лика в тревоге обратилась к Локи.

– Тихо! – шикнул он. – Она сказала мне, что постарается открыть путь к Главному.

Некоторое время ничего не происходило. Рита лежала неподвижно, лишь ритмично постукивая ладонями по земле. Как будто посылала сигналы кому-то.

А потом в одно мгновение все преобразилось так, что Анжелика ахнула и, замороженная невероятной красотой происходящего, позабыла про холод, ветер и то, что нужно дышать.

Камни вдруг вспыхнули приятным синим светом, вибрирующим и живым. Над кругом в атмосфере закружилось белое прозрачное облако, напоминающее сгущающийся туман, но потом полыхнуло оранжевым, алым, темно-красным, фиолетовым... Меняя оттенки и цвета, облако стало сгущаться, танцевать, то опускаясь, то поднимаясь.

Гудение донеслось до публики, а затем почувствовалась вибрация земли. Друиды воскликнули как один, а потом запели какую-то песню-заклинание.

Волны света и цвета сменяли друг друга в круге, яркие резкие вспышки, подобные молниям, полыхали повсюду. Рита не двигалась, лишь кисти ее рук продолжали отстукивать странный ритм, который потихоньку поверг всех зрителей в транс. Лика сама не заметила, как стала подпевать друидам. Все встали, взяли за руки и полукругом пошли вокруг камней.

Вибрация становилась все сильнее.

- Вот сейчас, - услышала Лика шепот Локи, сжимавшего ее пальцы.

От каждого камня вдруг отошел луч света, они встретились куполом над Ритой, сверкнула яркая вспышка, белые искры обрушились прямо на ведьму. Друиды остановились.

- Запомни свой знак, - услышала она голос Локи.

Какой знак? Но спросить она не успела.

От круга к ним навстречу по траве побежали световые знаки. Один из них остановился у ног Лики, это была спираль, которая двигалась, закручиваясь. Лика постаралась запомнить ее. И затем они шагнули все к камням, постепенно замыкая полукруг в круг, остановились позади камней. Поклонились.

Рита встала. Снова запрокинула голову и обратилась к небу с просьбой.

А потом достала кинжал и сделала надрез на своем запястье.

Капли крови упали в центр круга.

- Рисуи свой знак прямо перед собой, - услышала Лика голос Локи сквозь поднимающийся ветер. И нарисовала спираль.

Ураганный порыв налетел на них, пришлось всем опуститься на колени, чтобы устоять. Загрохотал гром, и, к ужасу Лики, она увидела, как гигантские монолиты вылезают из земли и начинают вращение вокруг Риты.

Еще никогда ведьма не казалась Лике такой грозной. Она и не представляла, что в ней так много силы. Пока Рита возилась в кладовке агентства с травами, было совершенно невозможно вообразить, что она способна двигать глыбы. А между тем они парили вокруг нее в воздухе, в свете вспышек и разноцветного сияния. И это было невероятно красивое зрелище. Звезд на небе, казалось, стало еще больше, а Луна опустилась ниже. Камни же вращались быстрее и быстрее, и воздух вокруг Риты закручивался в воронку, скрывая ее от глаз. Она почти полностью погрузилась в это облако. Мелькнули ее взвившиеся от ветра рыжие локоны, и потом все укрылось разноцветным, вспыхивающим облаком, вокруг которого все быстрее и быстрее кружили древние камни.

В наступившей кромешной мгле Настя лишь почувствовала, как граф Виттури задвигает ее за себя, крепко схватив за рукав куртки.

- Ваше святейшество... - тихо прошептала она.

Призрак и так понял, чего она хотела. Он засветился снова зеленоватым светом.

Лучше бы не светился. Что-то белое и уродливое мелькнуло в этом тусклом свете, потом снова и снова. Оно мелькало так быстро, что невозможно было различить ничего, кроме белого пятна. Оно набрасывалось на графа с визгом, от которого стыла в жилах кровь. Демон с двумя мечами сражался, разрубая его, отчего оно рвалось, потом соединялось, атакуя снова. Габриэль схватил стул на случай, если придется сражаться, но граф Виттури удачно сдерживал напор беснующейся твари.

- Что это?! - пытаюсь перекричать оглушающий визг существа, спросила Настя без особой надежды, что граф услышит ее и найдет возможность ответить.

- Нечто, что пытается меня прибить, - последовал ответ.

Граф Виттури в темноте, казалось, двигается так же быстро, как и белое страшное нечто, что иногда всплывало в воображении Насти как маска из кинофильма «Крик», а иногда искажалось так, что идентифицировать его под что-то подходящее не было возможности.

Настя хотела вытащить меч, но тут увидела в проеме двери руку и замерла.

Рука ощупала пол, подтянулась, и труп мальчика вполз в комнату. Он приподнял голову так, что зазияла шире рана и стал виден сломанный позвонок шеи, и Насте показалось, что труп смотрит прямо на нее своими белыми глазами.

Почему встреча с демоном в Аду не пугала так, как взгляд этих белых глаз, – этого Настя не могла сказать, но она завизжала. Мертвый мальчик со скоростью, которой она не ожидала, пауком вбежал в комнату. И бросился на нее.

Папа римский рванулся наперерез трупу, но тот просто прошел сквозь него. Габриэль ударил его стулом, но мальчик вовремя откатился в сторону, снова встал на четвереньки и снова метнулся на Настю.

Почему-то именно мертвый мальчик испугал ее до такой степени, что она окаменела и только кричала от ужаса, не в силах поднять меч и ударить его. Она уже понимала, что гибель близка, но рефлексy отказывались работать, хотелось зажмуриться и спрятаться. Граф Виттури вовремя схватил ее за плечо, оттолкнул на Габриэля, принял атаку мертвеца на себя.

Настя хотела что-то сказать, но увидела, как на нее несется белая страшная масса с тысячью глаз, в этот момент пол под их ногами вдруг размяк, стал вязким. Настя пошатнулась и, чтобы устоять, схватилась за рукав сутаны папы римского. Спустя мгновение пол и вовсе исчез, и она с диким воплем провалилась вниз.

Было такое ощущение, что она, призрак и вопящий вслед за ними Габриэль (насчет графа Виттури она ничего не знала) с дикими воплями неслись по трубе, то и дело меняющей направление, то вертикально наклоненной, то лишь слегка, отчего скорость их перемещения постоянно менялась. Первоначальный ужас даже успел пройти, когда очередной вертикальный спуск оказался таким долгим, что Настя заверещала снова, а потом вдруг ее мотануло в сторону, скорость сбавилась, и она упала лицом вниз на землю. Где-то рядом хлопнулся Габриэль.

Настя перевернулась: над ней было звездное небо. Спустя мгновение над ней склонилась Рита.

- Ты в порядке, земная?

- Ну, если штаны сухие, то да.

Рита пропала из поля зрения. Голову еще сильно мотало. Настя медленно села и услышала голос ведьмы:

- Господин граф, как же я рада, что смогла вас вытащить.

- А уж как мы рады...

Настя обернулась: Рита, опустившись на колени, помогала подняться графу Виттури. Он встал и крепко обнял ее:

- Спасибо, Рита. Ты просто умница.

- Это не я. Это место. – Рита провела ладонью по щеке графа. – Моя сила здесь становится просто невероятной.

Граф огляделся:

- Я смотрю, вся команда в сборе.

К ним уже спешили со всех сторон друзья.

Лица сперва убедились, что Настя ничего себе не сломала, а потом крепко ее обняли:

- Боже мой, как же мы переживали за вас!

Цезарь отодвинул ангела в сторону:

- Анжелика, ты ее задушишь.

И сам крепко обнял Настю.

- Как хорошо, что ты в порядке!

Ее обнимали друзья, а вокруг толпились неизвестные люди, которые переговаривались между собой.

- Где мы? - Настя замерзла мгновенно, и на плечи ей легла куртка Риты. Джонни, он же Локи, подмигнул ей единственным глазом.

- В Северной Ирландии.

Прощавшись с друидами, ребята отправились в паб отеля ужинать и греться. Забив его до отказа, почти не оставив места завсегдатаям из местных, они шумно обсуждали события последних дней.

Ночью Настя проснулась от света луны, волчица в душе беспокойно скулила, скребла лапами и просилась наружу. Сев на кровати, Настя прислушалась к ровному дыханию Лики. Попыталась снова лечь, но ее тянуло на улицу. «Там холодно», - поежилась она, уговаривая саму себя. Потом со вздохом начала одеваться. Закутавшись в куртку Лики поверх своей, она вышла из гостиницы.

Воздух и впрямь был ледяной. Но на горизонте, по направлению к каменному кругу разливалось серебристое сияние. Оно словно манило ее к себе.

«Идти недалеко», - убедила сама себя Настя. И тут из ее груди вырвалась белая волчица и помчалась по направлению к камням.

«Надеюсь, ее не придется выгуливать каждую ночь», - вздохнула Настя и зашагала следом. Незаметно за ней из гостиницы вышел граф Виттури и последовал на расстоянии.

Рита стояла в кругу камней, повернувшись к Насте, ведьма улыбнулась и поманила ее к себе.

Настя доверчиво подошла. В серебристом сиянии камней Рита была еще красивее, словно ее кожа тоже светилась.

- Земная, ты теперь тоже немного ведьма, хоть и совсем иного толка. Я хотела поговорить с тобой без свидетелей.

Она взяла Настю за руки.

- Слушай меня. Мы, женщины, дети природы, ближе всего стоим к ее истокам и способны распознавать ее цикличную энергию, потому что сами функционируем похоже. Поэтому тебе будет проще понять меня. Думаю, Старая Мать уже показала тебе, как питаться энергией земли.

Настя кивнула.

- А граф научил сохранять ее.

- Да. - Рита улыбнулась. - Он хороший учитель. Но думаю, что никто из них не сказал, что ты можешь не только питаться энергией и хранить ее, ты можешь преображать ее. Этот волк - это часть твоей преображенной энергии, твое дикое Я, которое ты выразила в форме хищника.

- А это тогда кто? - Настя вызвала обычных призрачных серых волков, которые, распушив шерсть, подбежали к ним.

- Это твои сестры-жрицы, ты просто связываешься с ними, и они приходят. Скажи, бывало такое, чтобы ты еще как-то проявляла необычные способности?

- Меч... мой меч горел пламенем, когда я дралась с Белиалом.

- Отлично! - Рита щелкнула пальцами. - Теперь я понимаю, почему вижу тебя в красном ореоле.

- А что значит «земная»?

- Это означает, что Старая Мать приняла тебя к себе, наградила даром не магическим, а энергетическим. Ты можешь научиться работать с энергией, которая исходит от всего живого мира. От четырех стихий, но основная твоя сила - земля. Сейчас, пока мы стоим в круге, разве не чувствуешь, как легкие искры будоражат твою кровь?

- Еще как! Рита, спасибо, что поговорила со мной. - Настя заглянула в глаза ведьмы. - Никто толком не пытался объяснить мне все, что происходит.

- Настя, боюсь, я вызвала тебя сюда еще и из эгоистических побуждений, - с грустным смехом

ответила Рита. – Я не умею черпать силу из природы, как ты. А идти за ней к графу Виттури... Я знаю, он бы дал мне ее с удовольствием, но с ним велико искушение, а я решила быть с Локи. И если ведьма выбрала себе мужчину, то ей лучше не подходить к другим.

– Понимаю, – кивнула Настя. – Возьми мою.

– Мне придется поцеловать тебя. – Рита улыбнулась так соблазнительно, что сердце подпрыгнуло и часто забилося.

– Ничего, я привыкла.

Губы Риты были такими мягкими, а кожа приятной и нежной, что Настя закрыла глаза и позволила себе забыть, что поцелуй исключительно ради обмена силой. Ведьма действительно была на пределе. Настя почувствовала, как она опустошает ее, словно осушает большими глотками. На мгновение девушка испугалась, ужас холодными кинжалами пронзил затылок, вспомнились вампиры, всякие ужасы про высасывание жизни, но она взяла себя в руки, заставила мысленно представить, как черпает силу из земли, и та скоро действительно потекла по ногам вверх, и Рита пила, пила ее долго, а Настя просто представила, что она проводник, соломинка, по которой энергия поднимается к ведьме.

Когда Рита оборвала свой поцелуй, она глубоко и с облегчением вздохнула:

– Спасибо, Настя!

Настя кивнула.

Поцеловав ее в щеку и пожелав спокойной ночи, ведьма отправилась в палатку. Настя села прямо на землю, наполняя себя силой и чуть дрожа от холода.

Сильные руки уверенно сгребли ее с земли, поставили на ноги, обняли. Она знала, кто это. Не нужно смотреть демону в лицо, его чувствуешь всем телом и душой. Золотые искорки огня вспыхнули в крови, стало теплее.

Он развернул ее к себе и, к ее недоумению, повел в танце.

При свете луны, посреди спящих зеленых полей Северной Ирландии, в весеннем ночном холоде и высоком, звездами усыпанном небе танцевать с демоном было особенно волшебным.

Он вел мягко, неторопливо, сглаживая ее неуклюжесть. Столько было необходимо сказать ему, но не хотелось теперь. Будто и так все было ясно. Разве недостаточно, что он рядом?

Кружась под его рукой, улыбалась, он отпускал и снова притягивал к себе, сближаясь все больше, пока не уткнулась лбом ему в плечо, пока не услышала его теплое дыхание. Счастье переполняло Настю. Счастье золотым сиянием разливалось по лугу.

Если бы только можно было сделать это мгновение вечным. Почему не может время остановиться на такие минуты? Ничего не говорить, даже не смотреть друг на друга, но быть вместе, вместе с ним. Казалось, она даже слышит музыку, под которую они танцуют.

– Как ты нашел меня? – спросила она, когда они перестали танцевать и просто стояли в кругу друидов, обнявшись.

– Я ведь обещал тебе, что буду рядом. До последнего твоего вздоха.

– Чтобы черпать из меня силы?

Он отстранился и нахмурился, глядя ей в лицо. Очарование вдруг рассеялось, ушло сладостное томление и романтика. Реальность обрушилась с новой силой. Еще более жестокая, чем прежде. Особенно после того, что она узнала от ведьмы.

– Я для тебя всего лишь чертов источник энергии. Как и для Ноктурны. Лишь поэтому я все еще жива. – Слезы обиды душили ее. – Сама по себе я ничего не значу. Я вижу призраков. Я даю тебе силу. Вот и все!

– Это не так, – мягко возразил он. Легкая улыбка мелькнула в уголках его губ, Настя разозлилась еще больше.

– Ты знаешь, что так! Ты знаешь! Ты бы и близко ко мне не подошел, если бы не удачно раскрытое дело и то, что я говорю с призраками.

- Прекрати. - Он нежно провел по ее щекам, словно пытался стереть гнев с лица.

- Почему ты не хочешь признать это?

- Потому что это не так. Потому что ты не просто говорящая с призраками... - Он говорил тихо, вкрадчиво, а ей хотелось залепить ему пощечину. Кажется, она перебрала энергии, пытаясь восполниться, и теперь ей кололо кожу как иголками, электрические разряды пробегали по рукам и ногам яркой болью, и от этого становилось еще хуже и обиднее.

- Ах да! Совсем запамятовала. Этот кулон. Я еще и избранная, да? Вот почему ты стал пытаться меня соблазнить?

- Хватит! - Он начал злиться, это было видно по тому, как золотые искры в его глазах погасли.

- Я не боюсь тебя! Я тебя ненавижу! Не буду больше тебе давать силу! Забирай кулон! Оставь меня в покое! Я хочу забыть тебя! Никогда не знать тебя!

- Я не оставлю тебя в покое. - Он схватил ее крепче, преодолевая ярость и сопротивление. - Покой ужасен, милая. Я буду вечно тебя мучить, на то я и демон.

Она зарычала от злости, маленькая фурия, но что может смертная против демона? Очень скоро он держал ее крепко, не позволяя поднять руки, повернуться.

- Я ненавижу тебя! - взбрыкнула она, понимая, что проигрывает.

- Ну да, конечно, - улыбнулся он. - И я тебя ненавижу. Терпеть не могу за то, что постоянно беспокоюсь за тебя. Ненавижу за то, что то и дело хочу послать все к чертям и забрать твою душу, убить тебя, чтобы больше не чувствовать отчаяния и вины.

Она затихла. Растрепавшиеся волосы скрывали от него ее лицо, но он знал, что на нем сейчас выражение абсолютного замешательства.

- Я ненавижу тебя за то, что ты появилась на моем пути. Я знаю, когда ты умрешь. Знаю, потому что сам толкнул тебя на этот путь. Ты уже не сможешь остановиться, Настя. Твое чувство справедливости и внутренняя сила, которой тебя наделила Старая Мать, не дадут отступить в сторону. Если бы ты только знала, как я ненавижу себя за то, что дал твоей душе эту возможность. - Он убрал волосы с ее лица и заглянул в глаза. - Поэтому не кричи о том, как тебе больно. Мне больнее в миллионы раз. Я останусь тут после тебя. С пустотой. С чувством вины. И весь мир не заменит твоего биения сердца.

- Ты никогда не говорил так...

- Не было резона.

- Если я умру так скоро... Поцелуй меня.

- Что? - Его брови удивленно взметнулись вверх. - Ты мне минуту назад хотела расцарапать лицо.

- Я не хочу умереть, не зная, как...

Его хватка ослабла, и она смогла свободно обнять его, запрокинув лицо, смотрела в его глаза, и для нее там был мир, а вселенная в кольце его рук. Он ничего не ответил, просто сомкнул ладони на ее лице, убрал пряди волос со лба, запустил пальцы в волосы, притягивая ее к себе. Он целовал ее веки с еще мокрыми от слез ресницами. И было в этих легких поцелуях нечто сакральное. Словно он совершал ритуал поклонения преходящему: быстро исчезающей красоте, наивности и чистоте, которые от его прикосновений могли исчезнуть и обратиться в прах. Но одновременно он уличал себя в слабости. Чем больше его губы пробовали нежную и теплую кожу ее век, солоноватую влагу на прохладных щеках, тем больше хотелось ощутить тепло и нежность ее девичьих губ. Но он опасался, что она потеряет свое очарование, станет еще одной земной женщиной, которых так легко брать.

Поцеловать ее в магическом круге друидов, пока она так и излучает энергию. Чего ему стоило? Но после обвинений не хотелось черпать из нее силы, это было бы слишком неправильно. Проклятая, проклятая Старая Волчица... Сколько она вложила в эту девчонку магии земли, что он почти уступил.

Но нет... Настя просто не заслуживает быть только источником силы для него или кого-либо еще. И он это Старухе докажет.

- Не могу, Настя. Прости.

Он так бережно держал ее, словно она была сокровищем, а ей хотелось, чтобы он ее сломал.

- Даже этого мне не узнать, да? Тогда пообещай мне... - Чистые, прозрачно-зеленые после слез глаза девушки с любовью смотрели в черную душу демона.

- Все что угодно...

- Не убивай меня просто так. Спасая. Не хочу, чтобы моя смерть была напрасной. Если мне нужно умереть, то хоть ради чего-то хорошего. Так даже лучше, правда?

- Правда, - солгал он.

Глава 14

Утром все небо было затянуто тучами, моросил дождь, холод и сырость пробирались в комнаты, агенты одевались торопливо, мечтая уже о солнце Барселоны.

Демон ждал их около машины в своей черной куртке и водолазке, мрачный, с мокрыми от дождя волосами. Он холодно скользнул взглядом по сонной и грустной Насте, по полной сил Рите, по серьезным лицам остальных.

Рассевшись по машинам, они отправились в аэропорт.

Глядя на мелькание дворников на лобовом стекле машины, демон гадал, может ли им помочь в борьбе с Ноктурной то, что они узнали, побывав в ее лесу.

О том же, лишь бы не думать о демоне, размышляла и Настя. На ее одежде еще сохранился кое-где налет пепла, помогавший понять, что вчерашняя страшная бродилка была абсолютно реальной. И оттого хотелось найти всему, что произошло, объяснение или придать смысл. Лишь бы не думать о том, как капли дождя стекали сегодня по щеке графа Виттури, лишь бы не вспоминать о вчерашнем фиаско с попыткой поцеловать его. Ну что он за человек такой? То сам хочет поцеловать, то ей отказывает, мучение одно с ним! Чего ему стоило уступить?

Габриэль смотрел на размытые зеленые пятна за окном и напряженно думал, почему ему казался таким знакомым дом Ноктурны. Ангел напряженно тер виски и пытался сконцентрироваться, но все, о чем он мог думать, как ни странно, была музыка. Мелодия сочинялась на ходу, он отстукивал ее пальцами по коленям и, хотя мог поклясться, что никогда не играл на пианино, испытывал сильнейшее желание пробежаться пальцами по клавишам. Ему было странно это желание, но в последнее время вокруг происходило столько всего странного, что уже ничего не удивляло. Единственное, что он ярко осознал вчера: Настя встретила на его пути не случайно. Он как-то связан с ней.

В самолете папа римский дождался момента, когда Габриэль, сидевший рядом с Настей, выйдет в уборную, сел на его место и выдвинул очередную мысль:

- Этот синеволосый тебя узурпировал, ты заметила?

Настя пожала плечами:

- Мне все равно.

- Ты не заболела? - Папа римский участливо наклонился к ней. - Обычно ты выглядишь немного оживленнее. А сейчас такое ощущение, что из нас двоих призрак - ты.

- Возможно, так и есть.

Настя прислонилась лбом к холодному стеклу иллюминатора. В конце концов, ничто не имеет значения. Если мир катится к чертям, если она умрет в любом случае, то вообще ничего не должно ее интересовать.

- Я вот подумал, а может, этот синеволосый - твой ангел-хранитель, а адская тварь - твой персональный демон-искуситель? Интересный у них дуэт может получиться. Я бы выбрал демона, ангел какой-то странный. На душевнобольного смахивает. Да и зачем тебе ангел-защитник, если демон готов пожертвовать собой ради тебя?

Настя усмехнулась. Как же! Готов он пожертвовать... единственное, чем он готов пожертвовать, - ею самой. Сам же сказал, что для этого ее готовит и пестует. Как же обидно, когда ты всего лишь игрушка в руках высших сил и ничего не решаешь сама! Тебя двигают по шахматной доске, словно пешку. А ты и рада поначалу, а потом уже не можешь выйти из игры.

Как же она ненавидела его сейчас! За все, что он сделал. За все, чего не пожелал сделать. Оставалось только глотать слезы, спрашивая себя еще и еще раз: зачем это все? И почему, ну почему именно она должна стать жертвой?

«Никогда не жертвуй богам. Боги равнодушны к жертвенному огню», - так сказала Лика. Но в том-то и проблема, что она не жертвует, а жертвуют ей. Она всего лишь блеющее и ничего не решающее животное, которому собираются перерезать глотку на алтаре.

Настя зажмурилась. Ярость черной тучей наполняла душу, но что может сделать человек против ангелов и демонов? Если они решили сыграть, остается только послушно двигаться по доске. Она же не может сбежать? Не может отказаться?

- Дитя, не плачь. - Рука призрака легла ей на плечо. Настя повернулась к нему и уткнулась в

расшитую золотом сутану. Разрыдалась еще горше, пока Родриго Борджиа неуклюже гладил ее по голове.

Как же надо довести себя, когда единственный, кто тебя понимает, – это призрак.

– Я просто пешка. Просто пешка, – всхлипывала она.

– Любовь... старого проныру Борджиа не обманешь, ты плачешь из-за любви. Если ты была бы счастлива, ты хотела бы бороться, но ты несчастна, и потому глубина твоей боли и обиды нескончаема. Дитя, пойми, они не люди. Что ты надеешься получить от демона? Даже люди порой не умеют любить, чего же ждать от тех, кто устал сам от себя? Не мучайся. Сейчас в тебе говорят обида и боль. Но все преходяще, поверь мне.

– Тогда зачем это все? – Голова слегка кружилась, но казалось, только папа понимает ее.

– Все на самом деле бессмысленно, – пожал плечами призрак. – Вот скажи мне, какого черта я тут с вами делаю? Не знаю сам. Почему я призрак? Тоже неизвестно. Почему при всем моем неоспоримом очаровании и привлекательности ты продолжаешь смотреть на демона? Неясно.

Настя засмеялась сквозь слезы.

– Ничего не имеет смысла, Настя. Все просто случается. И в этом красота. Мы непредсказуемы. Ты непредсказуема. Мир непредсказуем.

– Я так не чувствую. Они все рассчитали заранее, а мы просто двигаемся и выполняем все...

– Не согласен. Ты же видишь, как он надеялся вырвать картину из лап Ноктурны? Стал бы он так беспокоиться, если бы знал точно заранее: картина достанется ей?

– Нет. – Настя вытерла слезы и внимательнее посмотрела на папу римского. – Что вы хотите этим сказать, ваше святейшество?

– Что даже демон на самом деле не знает, чем все закончится. Он только предполагает, что должно произойти. Но все зависит от момента выбора.

Настя чувствовала себя так, словно ее окатили холодной водой. Вот что пытался показать ей Михаил! Демон лишь предполагает, дает выбор, ждет решения. Но художник действительно МОГ выбрать другую судьбу! И не было бы Ноктурны, потому что не было бы портрета, такой вариант был возможен.

А значит... Если он думает, что она умрет, она может не умереть. Она может попытаться спастись. До самого последнего момента неизвестно, что случится на самом деле. Следовательно... пешка может уклониться от ненужного ей хода и выбрать более выгодный. Рано себя оплакивать. Этот мир стоит того, чтобы побороться за его спасение. И за свое тоже.

Как бы ни хотелось упасть лицом в подушку после душа, заснуть и хотя бы во сне забыть обо всем пережитом, Настя заставила себя наскоро перекусить, переоделась и отправилась в кафе Пепе. Она вошла в знакомый интерьер в шоколадных тонах, чувствуя себя виноватой. Но Пепе принял ее радостно, расцеловал в обе щеки, пустил за барную стойку.

– Как прошла поездка? – спросил он.

Настя говорила ему, что уезжает посмотреть Париж.

– Хорошо, но пришлось задержаться, прости. – Она снова извинилась.

– Ничего, Настя, дело молодое. Париж просто так не отпускает, романтика. – Пепе подмигнул ей.

Если бы... Но сказать ему правду Настя не могла, а потому улыбнулась и пошла делать капучино. Пока взбивала молоко в пену, думала о том, как хрупок этот реальный мир, в котором она сейчас находится. Ничего не стоит разрушить его, а вот создать во много раз сложнее. Как там Аззелло сказал? Они построят новый? Но демоны только разрушают, не создают. Из чего они будут строить новое, если разрушится старое? Без фундамента дом не поставишь.

Она с огромным энтузиазмом работала в тот день. Физический труд помогал отвлечься и одновременно проанализировать произошедшее, успокаивал и даже внушал веру в завтрашний день.

Когда Настя оторвалась от работы, солнце уже садилось, освещая узкой полоской света стену в кофейне.

– Иди домой, Настя, ты хорошо поработала. Да и, кажется, тебя ждут. – Пепе кивнул головой в

сторону улицы. Когда она увидела знакомый силуэт на противоположном от кофейни тротуаре, от неожиданности выронила чашку из рук. Хорошо, что она держала ее над раковиной, и та не разбилась.

- Я пойду, - засобиравалась Настя, снимая через голову передник.

- Конечно, хорошего вечера. - Пепе многозначительно ей подмигнул.

Эх, если бы... но граф Виттури наверняка пришел за ней не просто так.

Выскочив из кафе, она перебежала через дорогу и встревоженно вцепилась в пальто графа.

- Что случилось?

- Ничего. - Он прищурился, разглядывая ее испуганное лицо.

- Но почему за мной не зашел Диего или Лика?

- Просто мне было по дороге.

- Неправда.

Граф Виттури улыбнулся так, что появились морщинки в уголках его глаз.

- Не подвергай слова твоего начальника сомнению, Настя. Заповедь, потерянная Моисеем.

- Мой начальник - Цезарь, - дерзко ответила она.

- Как пожелаешь, - уступил он, поднимая ворот пальто от ветра. - Идем?

- Куда?

- О, смертная, ты испытываешь мое терпение: прямо, потом направо... Нас ждут давно в агентстве, а ты все возишься с чашками, как будто они спасут этот мир.

- Может, мир и не спасут, а людей кофе делает счастливыми.

- Людей делают счастливыми участие и внимание, которые ты подаешь им в молочной пене.

- Много ты знаешь о человеческом счастье!

- Много.

Настя замолчала. Некоторое время они шли молча, а она возмущенно думала, что, если бы он хотел сделать ее счастливой, он мог бы. Хотя бы пойти ей навстречу, проявить капельку нежности. Ну какая ему разница, если она скоро умрет?

- А почему ты вообще хочешь спасти мир? Какое тебе до него дело? Может, проще присоединиться к Азazelло и компании?

- Проще. Конечно. Но не мы создавали этот мир. И не нам его разрушать.

- Ты записался в Гринпис? - осторожно спросила Настя.

Он захохотал.

- Лучше. - Он подмигнул ей, и сердце заныло от тоски. - Я только и занимаюсь тем, что спасаю вот уже не первый раз этот безумный и жестокий мир.

- Зачем?

Демон пожал плечами:

- Это как любимая игрушка для ребенка: ее латаешь бесконечно, подшиваешь, подкрашиваешь, подклеиваешь, не в силах с ней расстаться.

Город согревал их вечерним солнцем, обнимал цветущими ветвями миндаля и акации, ветром соединял ее русые волосы с его черными кудрями. Барселона словно толкала их навстречу друг другу, посылая по пути влюбленных, отчего Насте хотелось взять под руку графа Виттури, что она, не выдержав, и сделала, воспользовавшись тем, что мимо пронесся велосипедист, чуть не задев ее. Он тут же отреагировал, сомкнув свою горячую ладонь на ее прохладных пальцах. Они прошли

некоторое время молча.

«Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – мысленно молила она его. – Не упусти, не оттолкни».

Они свернули на маленькую улочку, уже знакомую Насте, у кованой ограды маленькой церквушки он вдруг остановился. Она только что просила, желала, мечтала, а теперь боялась поднять на него взгляд. Сердце билось так быстро, так отчаянно, что даже стало дурно.

Он повернул ее к себе, поднял за подбородок лицо и долго смотрел на ее мягкие, нежные черты. Он ждал. Наконец она посмотрела ему в глаза. Демон улыбнулся и наклонился к ее лицу.

– Анастасия...

Какой же у него голос! Бархатистый, с хрипотцой и глубокими грозowymi перекатами на звуке «а». Ее имя звучало так прекрасно на его губах!

– Поверишь ли... не ты одна желала этого...

Она прикрыла веки с дрожащими ресницами, слушая его голос, ощущая его дыхание совсем близко. Даже если он лжет, то сладка эта ложь, пусть дурманит, только бы поцеловал. И когда он коснулся ее губ, мир изменился необратимо и бесповоротно.

Порыв ветра осыпал их розовыми лепестками миндаля, но они уже не чувствовали ни ветра, ни ласковых прикосновений лепестков к коже.

Мягкость его губ, тепло дыхания, его объятие, подвижное и сильное, он старался прижать ее к себе сильнее то за плечи, то за талию, то зарывался пальцами в ее волосы на затылке, она испытывала жажду, голод по нему, бесконечное желание, от которого подкашивались ноги. Был только он: она целовала его рот от одного уголка губ до другого, прикусывала его губы, чувствовала, как они изгибаются, когда он улыбался в ответ на ее жадность. Он тоже был алчен, как если бы она была долгожданным сосудом, из которого он мог напиться, больше того: мог слиться с ней, стать ею, чтобы она стала им.

Ничего не было вокруг, никого не существовало, только его руки и губы, тепло его дыхания, ее часто бьющееся от счастья сердце. Закрыв глаза, она запоминала мягкость его поцелуев, их требовательность и жадность. Его тело стало единственной опорой. Он был гаванью покоя, которой она могла доверять. Несмотря на приближающуюся бурю.

Он отвлекся от ее губ, чтобы поцеловать подбородок, щеки, и, когда его дыхание коснулось ее шеи, она застонала от удовольствия. Он колебался, и это мгновение до поцелуя, мгновение паузы, пока она, задержав дыхание, перебирала его кудри, стало вечностью, которая стремительно оборвалась, когда он все-таки прижался к коже губами. Они целовались жадно, резко и медленно, словно торопясь изучить лица друг друга и в то же время растянуть удовольствие от прикосновений.

Смех парочки запоздалых прохожих вернул их в реальность. Она прижалась к нему, спрятав лицо в его пальто, не смея взглянуть в глаза тому, кого так страстно целовала. Он гладил ее по голове, она слышала его легкий смех.

– Пойдем.

Наклонив голову, прижавшись плечом к его плечу, она пошла рядом. Он сжал ее кисть, переплел пальцы со своими. Не смог взять ее душу, никогда не сможет.

Перед тем как подняться в агентство к остальным, не выдержал, в подъезде развернул к себе и снова прижался к ее губам. Настя отозвалась тут же, словно тоже ждала этого. Ладони скользнули по спине ниже, она дернулась, но он прижал ее к себе теснее. Ее удивление, нежность, наивность разжигали страсть. И одновременно казалось, что еще никогда не испытывал он такого светлого чувства, потому что не в состоянии был уступить своей похоти. Ни женщины, ни ведьмы, ни демонессы не имели привкуса меда на губах, не пахли так сладко полевыми цветами, не манили жаром своего солнечного света. Она была его, предназначалась ему, но он знал, что никогда не сможет быть с ней. Она Избранная. Он не имеет права.

Но он был должен ей. И долг свой он вернул.

Глава 15

Голова кружилась от счастья, от невероятного восторга, от чувства некой завершенности. Она чувствовала, что покраснелась, понимала, что глаза горят от радости, что ничем не скрыть припухлости губ. Хотелось танцевать, прыгать, кричать, но ей удалось провести всех, опустив глаза, прикусив губу будто от задумчивости. Всех, кроме Диего, который, казалось, считал ее абсолютное счастье еще из-за двери, и папы римского, который воздел очи к небу и воскликнул, потрясая руками в перстнях:

- Ну, наконец-то! Я уж думал, вы никогда не созреете.

Отчего Настя покраснела багровым румянцем и шикнула на него:

- Ваше святейшество, молчите!

- А кто меня услышит? Только ты, - подмигнул ей папа римский.

Чтобы как-то слиться с обстановкой, Настя забилась в дальний угол комнаты для совещаний, пока все рассаживались вокруг. Граф Виттури вел себя абсолютно спокойно, а вот ей постепенно, когда улеглись страсти первого мгновения, становилось грустно. С одной стороны, она была все еще счастлива, что ее желание сбылось, что она узнала вкус его поцелуев, но, с другой, было горько, что этого больше не повторится. И все же постепенно она заставила себя успокоиться, смирила бурю в своей душе и прислушалась к беседе. Речь шла о том, что делать теперь, когда Ноктурна может атаковать в любой момент, и что они могут противопоставить ей и ее армии.

- Мы можем бросить клич по всем агентствам. Возможно, на нашу сторону встанут друиды и прочие жрецы. - Рита накручивала рыжий локон на палец.

- Возможно, ангелы захотят помочь нам? - спросила Лика.

Граф Виттури усмехнулся:

- Особенно после той охоты, что они устроили на Настю? Не думаю. Они скорее будут мешать, чем встанут на нашу сторону.

- Тогда наши шансы невелики, - подвел итог Цезарь. - Если только у графа нет запасного козыря в кармане.

Граф Виттури с легкой улыбкой обвел взглядом своих агентов.

- Может быть, и есть...

Он рассказал о том, что они видели в лесу Ноктурны.

- Надежда призрачная, но все же... Если выяснить, кто служит телом для Ноктурны, узнать ее историю, возможно, мы могли бы найти уязвимые места и воздействовать на них при встрече.

- Но какие у нас есть факты? - Итсаску нахмурила свой белый лоб. - Только то, что в библиотеке книги на русском, есть зеркало и танцующая балерина в музыкальной шкатулке. Мертвый мальчик. Трехэтажный дом... мы можем искать это бесконечно.

- Напротив зеркала была деревянная перекладина, знаете, такие используют для разминок балерины, - вдруг вспомнила Настя. - А что если все это сложить вместе? Может, Ноктурна раньше танцевала? Была танцовщицей? Тогда найти ее проще: русскоязычная балерина с сыном живет в трехэтажном доме.

- Нет, Настя... это не она танцовщица, вспомни, на втором этаже была спальня девочки, - заметил граф.

- Я не помню, я тогда поспешила подняться наверх.

- Там была детская мальчика и спальня девочки. Думаю, у Ноктурны было двое детей.

- Она убила их обоих? - Холодок пробежал между лопаток. Настя поежилась, вспомнив мертвого мальчика.

- А вот это я не знаю. Двое детей, мальчик и девочка, которая училась танцам, русскоязычные... Судя по дому, среднего достатка. Итсаску?

- Можно провести розыск, взяв за основу девочек из балетных школ. Начать с России.

- Если отец погиб или пропал при невыясненных обстоятельствах, то это еще один плюс, обычно

демоны начинают с этого. Лишают женщину опоры.

- Ладно, я займусь, - кивнула Итсаску.

- А пока идут поиски, я хочу, чтобы вы использовали любую свободную минуту для тренировки. Мы не знаем, с чем нам предстоит столкнуться. Вы должны быть максимально готовы. Лика, оповести все агентства. Я вернусь на время в Венецию. Как только что-то выясните, выходите на связь.

Настя опустила голову. Он уезжает из-за нее. Чтобы больше ее не тревожить. Она понимала, что так лучше и правильнее, но легче от этого не становилось.

Стоя на вершине пирамиды Хеопса, Ноктурна провела рукой по округлившемуся животу. Она сама побаивалась того, кто зрел внутри, наливаясь силой и питаясь ею. Но по крайней мере Люцифер оставил ее в покое, когда понял, что она понесла. Ей нужна была снова говорящая с призраками, но достать ее не было возможности, мерзкий демон всегда был рядом.

- Госпожа, демон сам питается от нее. - Азazelло угадал ее мысли. - Если убить девчонку, он ослабнет.

- И я тоже, - возразила она. - Нет, земная нужна нам пока, это самый легкий способ черпать силу. Кто знает, сколько ее потребуется для этого...

И она опасливо прислушалась к движению внутри себя.

- Возможно, все куда проще, чем мы предполагали. У демона уже нет поддержки былых богов, почти все погибли при первом сражении.

- Он что-нибудь придумает, нельзя недооценивать Самаэля. Необходимо устранить его при первой же возможности.

- Когда земная рядом с ним, она черпает из него силы.

- Черпала, - возразила Ноктурна. - Уверена, теперь она добывает силу из земли, и потому она нужна мне. Если мы не можем подобраться к ней напрямую, найди того, кто ей дорог. Кого-нибудь из этой шайки. Обычный человек долго с нами не выдержит.

- Есть у меня идея. - И Азazelло откланялся.

Он исчез, а Ноктурна, ухмыльнувшись, открыла черный кожаный мешочек и высыпала на ладонь горсть песка.

- Начнем, пожалуй, - сказала она и подула на песчинки.

Агенты собирались разойтись по домам после совещания, но потускневший свет за окном привлек их внимание. Ураганный ветер с песком бился в стекла.

- Переждем бурю, - предложила Лика. - У меня есть замороженная пицца, пообедаем здесь.

Все согласились.

Граф Виттури долго стоял у окна и мрачно смотрел на смутный силуэт города, сцепив руки за спиной. Настя украдкой поглядывала на него, пока Лика доставала продукты.

Итсаску включила телевизор и начала щелкать кнопками пульта, пытаясь найти музыку, но граф Виттури перехватил пульт и остановился на новостях: внезапный ураганный ветер, начавшийся на севере Африки, охватил практически всю территорию земного шара, кое-где превращаясь в бури и циклоны, осложнил авиасообщение, метеорологи не могли пока найти объяснение подобному явлению.

- Когда метеорологи могли вообще что-нибудь объяснить? - фыркнул Серж.

Но никто из группы не поддержал его шутку.

Цезарь тихо выругался, но в общем молчании все услышали его гневное восклицание.

- Это то, что я думаю? - Рита испуганно смотрела на графа. Джонни обнял ее со спины, словно пытаясь уберечь от любого зла.

- Наша знакомая взялась за дело? - прошипела Итсаску.

Настя смотрела на хмурого графа и понимала, что теперь жизнь всех друзей в опасности. И ее тоже.

- Началось, - подтвердил граф Виттури и обвел всех тяжелым черным взглядом. - И только от нас, - тут его глаза остановились на Насте, и ей показалось, в них мелькнула печаль, - только от нас зависит, чем это закончится.